А. Струговщиковъ

Изъ книгъ
К. М. Соловьева
№ 15474

Из библиотеки
К. Я. Голейзовского

801675

11

Р1
К17

КАМЧАДАЛКА.

Из библіотеки
И. А. Гаевскаго

СОЧИНЕНІЕ

И. Калашникова.

ЧАСТЬ III.

Второе изданіе.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

ПЕЧАТНАЯ
ОБЛ... БИБЛИОТЕКА
ИНВ. № 801675

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, декабря 11 дня 1841 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ЮГАНСОНА.

Изъ библіотеки Н. А. Гладкаго

I.

НАЧАЛЬНИЦА.

Предсказаніе Антона Григорьевича не сбылось: сколько ни старалась начальница, по пріѣздѣ на воды, примирить нашихъ любовниковъ, доброе желаніе ея не имѣло успѣха. Мичманъ показывалъ къ Маріи, по крайней мѣрѣ по наружности, величайшую холодность и даже презрѣніе. Марія чувствовала страданіе, неизъяснимое ни какими словами, рѣдко осушала глаза и между тѣмъ не оправдывалась ни однимъ словомъ. Положеніе ихъ было для начальницы самое таинственное, самое мучительное для ея добраго сердца. Она даже была готова иногда

сердиться на нихъ, не подозрѣвая, что только одно искреннее сожалѣніе и глубокое уваженіе къ ней налагало на нихъ молчаніе. Бывали случаи, что Марія, убѣждаемая ею то съ ласкою, то съ гнѣвомъ, рѣшалась-было, наконецъ, раскрыть пагубную тайну; но, потомъ представивъ себѣ, что она своимъ признаніемъ можетъ убить и безъ того слабое здоровье своей благодѣтельницы, вдругъ одумывалась и снова опредѣляла себя на страданіе. Въ такомъ положеніи прошло около двухъ недѣль со времени пріѣзда ихъ на воды.

Между тѣмъ, по самой необходимости, мичманъ и Марія были почти безпрестанно вмѣстѣ, сходясь у начальницы. Въ одинъ вечеръ всѣ они трое, сидя подлѣ окна, безмолвно смотрѣли на странную, почти волшебную картину, раскинутую предъ ихъ глазами. На ближнемъ планѣ ландшафта извивалась чудная рѣчка, со своими цвѣтущими берегами; далѣе разстилался безжизненный пологъ снѣга; потомъ возставали дикія скалы, раздѣленныя пропастями и, наконецъ, взоръ утопалъ въ безпредѣльности моря, глухо стонавшаго въ отдаленности. И вся эта картина была подернута меланхолическимъ свѣтомъ

сумерокъ, сквозь котораго начинали проглядывать звѣзды.

«Вотъ изображеніе нашей жизни! — сказала наконецъ начальница, тяжело вздохнувши. — Эти цвѣтущіе берега есть малой удѣлъ радости, достающійся намъ въ жизни, а потомъ пойдутъ препятствія, затрудненія, опасности, бѣдствія, и все оканчивается вѣчностію, въ которой свѣтитъ намъ одна звѣзда вѣры и надежды.»

— Вы прекрасно объяснили — сказалъ Викторъ — аллегорическій смыслъ этого ландшафта; но жизнь не всегда бываетъ ему подобна: бываютъ несчастные, которые не встрѣчаютъ въ жизни и этой краткой дорожки, устланной зеленью.

«Нѣтъ! — возразила начальница — чтобы человѣкъ никогда не встрѣчалъ пути пріятнаго и цвѣтущаго: это почти не возможно, если только самъ онъ не собьется съ него, по слѣдамъ ложнаго опасенія, подозрѣнія и особенно по слѣдамъ страстей и порока.»

— Боже мой! — сказалъ мичманъ, бросивъ мгновенный взглядъ на Марію — какъ страсти рано одолѣваютъ сердце, и какъ порокъ искусно прикрывается иногда видомъ невинности!

При сихъ словахъ судорожный трепетъ пробѣжалъ по членамъ Маріи.

«Викторъ Ивановичъ! — произнесла рѣшительнымъ тономъ начальница, примѣтившая безпокойство Маріи — я не знаю, къ чему клонятся ваши слова; но если догадка моя справедлива, то я скажу вамъ рѣшительно: вы заблуждаетесь. Я сама воспитала этого ангела (она взяла руку сидѣвшей подлѣ нея Маріи), и ручаюсь за него моею жизнію!»

Слезы полились ручьями изъ глазъ Маріи. Она бросилась въ объятія начальницы и, рыдая, твердила: «Вы не ошиблись во мнѣ: я точно невинна!»

Трудно описать, что́ чувствовалъ въ эту минуту мичманъ. Страшная буря подозрѣній кипѣла въ его душѣ; но она не могла потушить неугасаемаго пламени первой любви, который потухаетъ иногда только съ жизнію. Сей волшебный пламень, притаивающійся до времени, готовъ всегда вспыхнуть съ новою силою при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ. Такимъ образомъ, мичманъ, тронутый слезами Маріи, едва не увлекся слѣпымъ движеніемъ своего сердца, и чуть не бросился въ ея объятія, забывая на мгновеніе все прошедшее; но прошла минута восторга — и снова суровый разсудокъ обдалъ его своимъ хладомъ. Представьте себѣ вулканъ,

у котораго на поверхности видны ледистыя лавины, а внутри клокочутъ раскаленныя рѣки: вотъ вѣрное изображеніе нашего страдальца въ сію минуту!

— Викторъ Ивановичъ! — повторила начальница, сжимая Марію въ своихъ объятіяхъ, — удивляюсь, что вы еще можете сомнѣваться въ невинности этого чистаго существа!

«Ахъ! сударыня! — воскликнулъ мичманъ, выведенный словами начальницы изъ состоянія забвенія, въ которое, наконецъ, погрузилась его душа, оглушенная бурною толпою разнородныхъ мыслей и чувствованій — я пожертвовалъ бы всею жизнію моею, если бы можно было....»

— Да, если сердце ваше — перебила съ жаромъ начальница — столь же благородно, какъ ваша наружность: то, судя по самому себѣ, вы не можете допускать и въ другомъ, особенно въ этомъ ребенкѣ, столько лицемѣрія и притворства!

«О! если бы это было въ самомъ дѣлѣ такъ — сказалъ мичманъ, глубоко вздохнувши; — но...»

— Такъ, оправдайся же, другъ мой! — воскликнула начальница, взявъ за руку плачущую Марію. — Оправдайся! Раскрой мнѣ твое сердце: ты знаешь какъ я люблю тебя, и

какъ мнѣ мучительно видѣть твое страданіе. Разскажи мнѣ все, и если кто не повѣритъ словамъ твоимъ, тотъ никогда не былъ достоинъ руки твоей!... Ахъ, для чего ты еще упрямишься? Ты видишь: теперь, или никогда!... Скажи, моя милая! Ты не можешь вообразить, какъ твое молчаніе раздираетъ мнѣ сердце.... Ну, прошу тебя въ послѣдній разъ!... Ты видишь, какъ съ каждою минутою я приближаюсь къ концу; не ужели ты хочешь ускорить его?

«Я? я хочу ускорить вашу смерть?...»

«О Царь Небесный!»

— Ну скажи, моя милая; отъ твоихъ словъ зависитъ твое собственное счастіе!

«Нѣтъ; не могу! — вскричала Марія, ослабѣвъ и упавъ на стулъ. — Не могу! За всѣ блага въ мірѣ не могу сказать ничего въ мое оправданіе, кромѣ того, что я невинна!»

Начальница не сказала ей болѣе ни слова, отошла къ окну, и сѣвъ подлѣ него, устремила взоры на пустынные виды, передъ нею лежавшіе, и погрузилась въ глубокую задумчивость. Долго продолжалось ни чѣмъ не нарушаемое молчаніе; ибо душа каждаго была погружена въ самого себя; наконецъ отворилась дверь, и женщина высокаго роста, дикаго вида, словомъ,

извѣстная Караулиха, выставясь до половины въ комнату, сказала шопотомъ: «Марья Алексѣевна! не угодно ли вамъ идти приготовить чай?« Марія, казалось, не слыхала сихъ словъ. Цыганка замолчала, окинула внимательными глазами группу, и видя, что никто не примѣчаетъ ея прихода, ужасно посмотрѣла на сидѣвшихъ: этого адскаго взора, въ которомъ изображалась радость тигра, подкрадывающагося къ спящей жертвѣ, ни какая кисть, ни перо представить не можетъ. Онъ былъ мгновененъ, какъ молнія; и опять принявъ на себя смиренно-лукавый видъ, цыганка повторила зовъ. Марія вздрогнула, какъ бы пробужденная отъ сна, вышла вслѣдъ за нею изъ комнаты, и возвратившись съ чашкою въ рукѣ, подошла къ начальницѣ. Сія послѣдняя все еще сидѣла погруженная въ думу.

— Ольга Павловна!—сказала Марія, задыхаясь отъ слезъ — и вы прогнѣвались на меня?

«Нѣтъ, моя милая! — отвѣчала начальница, обратившись къ ней съ видомъ самымъ кроткимъ, но исполненнымъ горести, и взявши изъ рукъ ея чашку.—Я не сержусь, а только жалѣю обоихъ васъ. Счастіе ваше за вами гонится: такъ вы бѣжите отъ него сами, потому что еще не знаете его цѣны; а если бы вы испытали то,

что испытала я въ моей жизни!.... Боже мой!»

— У всякаго довольно своей горести! — сказалъ мичманъ, глубоко вздохнувши.

«Такъ! Но надобно различать существенную отъ случайной. Что можетъ быть сладостнѣе въ жизни, какъ не исполненіе желаній первой любви? Вы могли бы вполнѣ наслаждаться этимъ благомъ, и не хотите....«

— А вы?... но простите мнѣ этотъ смѣлый вопросъ, который готовъ былъ сорваться съ моего языка.

«Человѣкъ — сказала начальница съ видомъ торжественности — стоя на краю могилы, не долженъ бояться ложнаго стыда!... Дѣти мои! вы, можетъ быть, одни будете свидѣтелями моего послѣдняго вздоха, и вамъ я должна раскрыть мое сердце. Одинъ грѣхъ, который я понесу съ собою во гробъ есть.... (Пусть называютъ ее люди, какъ хотятъ!)... есть любовь къ тому, кого я любила впервые... Ахъ! много лѣтъ пролетѣло послѣ того, но сердечная рана неизцѣльна!... Я была тогда, Машенька, въ твои лѣта, когда въ первый разъ увидѣла его.... Я не произнесу его имя: для васъ оно одинъ звукъ. Солнце такъ ярко горѣ-

ло тогда на небесахъ, день былъ такъ прекрасенъ: это было въ маѣ мѣсяцѣ, какъ теперь помню, въ праздникъ Троицы. Съ тѣхъ поръ я посвящала ему каждую минуту, каждое мгновеніе: только объ немъ мечтала, имъ жила и дышала. Прошло три года, но наша любовь возрастала съ каждымъ днемъ. Наконецъ, казалось, уже близко было время, когда должны были исполниться наши сладостнѣйшія надежды, и вдругъ въ это-то самое время буря разлучила насъ на-вѣки. Отецъ мой — да проститъ Господь его слабость! — прежде старался оклеветать его въ моихъ глазахъ; но когда не успѣлъ въ хитрости, то употребилъ насиліе: увезъ меня изъ города, и принудилъ обручиться съ другимъ... О Боже мой! какъ теперь помню это страшное мгновеніе, когда, возвратившись въ Иркутскъ, я пріѣхала съ отцемъ въ домъ губернатора и сѣвъ за ужинъ, должна была снять съ руки обручальное кольцо, которое, переходя изъ рукъ въ руки, дошло наконецъ до него... Я не забуду никогда того взгляда, исполненнаго любви и укоризны, какой онъ бросилъ на меня въ это мгновеніе, съ трепетомъ оттолкнувъ отъ себя пагубное кольцо, и этотъ взглядъ, какъ молнія, убилъ навсегда счастіе

моей жизни! Однако жъ я должна была покориться необходимости, и сказавъ: «видно, такъ угодно Богу!» несла свой жребій съ терпѣніемъ. Наконецъ у меня родился сынъ: новое чувство пробудилось въ душѣ, и оно, замѣнивъ утраченную любовь, опять наполнило убійственную пустоту моего сердца. Я любила моего сына болѣе, гораздо болѣе, нежели себя: я готова была каждую минуту отдать за него свою жизнь, если бы то нужно было для его спасенія. Самый слабый признакъ болѣзни, малѣйшее стенаніе его,—раздирали мнѣ душу и повергали въ отчаяніе. Словомъ сказать: я жила на свѣтѣ не для себя, а для него. И что же? знать, еще угодно было Творцу испытать мое терпѣніе!»

— Сынъ вашъ умеръ? — прервалъ ее мичманъ.

«Лучше, если бы онъ умеръ! Нѣтъ, онъ пропалъ!»

— Какъ пропалъ? — спросилъ мичманъ съ величайшимъ безпокойствомъ.

«Да, пропалъ!»— отвѣчала начальница, утирая слезы, и поставивъ на окно выпитую чашку.

— Но разскажите, ради Бога! — говорилъ мичманъ, трепеща всѣми членами — какъ это случилось?

»Мы тогда жили въ Петербургѣ . . . Этому исполнилось въ іюлѣ прошедшаго года ровно двадцать лѣтъ, и сынъ мой былъ тогда по пятому году. Въ одинъ праздничный день . . . . Но что со мною? Боже мой! свѣтъ темнѣетъ у меня въ глазахъ! «

Ахъ, говорите, заклинаю васъ Богомъ, говорите! — вскричалъ мичманъ, совершенно въ помѣшательствѣ ума подбѣжавъ къ ней на помощь. — Еще хотя одно слово! . .

«Мнѣ душно! — шептала умирающая едва слышнымъ голосомъ. — Кровь застываетъ въ жилахъ . . . простите!»

Владыко! спаси ее! — воскликнула Марія, упавъ на колѣна передъ образомъ.

«Помогите! помогите! — кричалъ мичманъ, поддерживая умирающую и не зная самъ, что̀ дѣлать. — Помогите! Она умираетъ! Она . . .О! это должно быть мать моя! Помогите!«

— Ядъ! ядъ! — вскричала въ бѣшенствѣ вбѣжавшая въ комнату караулиха. — Вотъ ядъ, который я нашла у ней подъ подушкой (она показала на Марію). Онъ долженъ быть въ чашкѣ. Такъ и есть! Смотрите!

« О Творецъ! » — воскликнула Марія, грянувшись на полъ.

— Червь, недостойный жизни!—возопилъ въ изступленіи мичманъ, бросившись къ Маріи. — Я растопчу тебя!

«Берите его! — вскричалъ вбѣжавшій въ комнату съ толпою казаковъ фельдшеръ, и остановивъ мичмана. — Берите его! Я сейчасъ получилъ предписаніе взять тебя подъ стражу, по дѣлу Тенявы. Тебѣ, видно, мало, что ты еще одного убилъ...»

— Прочь разбойникъ! — вскрикнулъ громовымъ голосомъ мичманъ, отбросивъ отъ себя фельдшера и занеся саблю себѣ на грудь. — Никто не мѣшай умереть мнѣ подлѣ тѣла моей матери!

»Врешь! Она не мать твоя! — вскричала стоявшая подлѣ нея Цыганка, выхвативъ у него съ невѣроятною силою саблю.—Я твоя мать!»

Ты?

«Я!»

— Но кто же ты, несчастная?

«Узнай меня: я Марина!«

— Ты Марина! — вскричалъ мичманъ съ величайшимъ изумленіемъ.

«Да, безумный! я Марина, мать твоя...»

— Злодѣйка! развѣ ты не сама призналась, что я не сынъ твой? Скажи мнѣ, если не хочешь,

чтобы я задушилъ тебя своими руками: не она ли мать моя? — (онъ показалъ на тѣло начальницы).

»Зудуши, если хочешь быть матереубійцею! Знай, неблагодарный, что хотя ты погубилъ меня, но я, для того только, чтобы тебя оставить въ счастіи, пожертвовала самымъ драгоцѣннымъ именемъ для людей: именемъ матери...»

— Ну да намъ слушать ваши розсказни некогда! Послѣ потолкуете о своемъ родствѣ! — вскричалъ съ неудовольствіемъ фельдшеръ. — Ребята, что стоите? Берите его!

Мичманъ стоялъ, какъ пораженный громомъ: ничего не мысля, ничего не понимая, и почти не чувствовалъ, какъ казаки связали ему руки и вывели изъ комнаты.

— Ну-ка ступай и ты, голубушка! — сказалъ фельдшеръ, подошедши къ Маріи, — полно прикидываться-та! Ребята! возьмите ее тоже, да караульте, чтобы не смазала лыжи!

Послѣ сего фельдшеръ, оставшись одинъ съ Цыганкою, сказалъ ей: »Ну заварили мы съ тобой кашу, какъ-то приведется расхлебывать! На что тебѣ, старая дура, вздумалось увѣрять его, что онъ твой сынъ?«

— Потому что онъ сынъ мой и есть! — отвѣчала съ злобою Цыганка.

»Полно, вѣдьма! Повѣрю я тебѣ! «

— Ты, повѣришь, мошенникъ, когда я тебя хвачу этимъ ножемъ! — вскричала Цыганка, схвативъ ножъ и кинувшись на фельдшера, который съ ужасомъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Цыганка осталась одна. Жертва ея мщенія лежала предъ нею, съ открытыми, неподвижными, какъ бы изъ вѣчности смотрѣвшими глазами, едва освѣщенными мерцающимъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія. Цыганка подошла къ трупу, дико посмотрѣла ему въ глаза, закрыла ихъ, и приложивъ лѣвую руку къ сердцу умершей, а правою разводя по воздуху, и уподобляясь въ сію минуту болѣе адскому духу, блуждающему во мракѣ, нежели существу тѣлесному, прошептала ужаснымъ голосомъ:

Чу! . . . . оно уже не бьется!
Кровь хладѣетъ и не льется!
Свѣтъ потухъ въ ея глазахъ! . . . .

О! хвала вамъ, Духи злые!
Въ этихъ огненныхъ столбахъ,
Ваши лики неземные,
Съ дикой радостью въ очахъ!

Вижу я: простерли руки
Вы кровавыя ко мнѣ . . . .
Что же? Страшны ль ваши муки?
Я ль боюсь горѣть въ огнѣ?

Ха, ха, ха! Я въ жизни знала
Муки адскихъ пострашней:
Я презрѣнье испытала
Отъ себя и отъ людей!

Но васъ, Духи, заклинаю
Страшной клятвою геенны:
Я все въ жизни презираю;
Только мой обѣтъ священный
Довершить мнѣ помогите!

Сокрушите, истребите
Родъ проклятой до конца!
Жажду мести — утолите
Кровью сына и отца!

И тогда томить не стану
Васъ безумною мольбой;
Но безтрепетно предстану
Къ вамъ съ завѣтною душой!

Камчатская
областная библиотека
ИНВ. 801675

II

СЛѢДСТВІЕ.

Предписаніе о взятіи подъ стражу мичмана было дано начальникомъ, по случаю окончанія слѣдствія правдолюбивымъ секретаремъ его Погремушкинымъ.

Погремушкинъ началъ свои подвиги въ Куюхченѣ тѣмъ, что велѣлъ схватить, перевязать и посадить подъ стражу тоіона и все его семейство, а самъ со всею свитою расположился въ его юртѣ. Сей первый подвигъ былъ возложенъ на исправника Сумкина, который, по особенной злости своей на тоіона за извѣстный подзатыльникъ, полученный имъ отъ отца-

начальника, постарался исполнить порученіе Погремушкина съ величайшею точностію: стянулъ Тарею безъ малѣйшей жалости и бросилъ въ холодную юрту. Два дня послѣ сего почтенный секретарь изволилъ провести въ отдыхѣ, послѣ дальней дороги. Наконецъ началось слѣдствіе. Первый допросъ былъ сдѣланъ тоіону. Не смотря на двудневной холодъ и голодъ, Тарея шелъ твердо и отвѣчалъ смѣло, высказавъ подробности смерти Тенявы.

— Правду ли ты говоришь, старикъ? — спросилъ Погремушкинъ голосомъ не столько суровымъ, сколько значительнымъ, съ важностію приободрившись и протянувъ ноги по нарамъ.

«Правду, бачка! Изволь спросить другихъ.»

— И протопопъ тебя не подучивалъ на бунтъ?

«Нѣтъ, нѣтъ, бачка; не солгу этого.»

— И съ Зудою не сговаривались они дѣйствовать противъ начальства?

«Ничего не слыхалъ, бачка, хоть сейчасъ умереть.»

— А если мы приведемъ тебя къ присягѣ?

«Что хошь, бачка, приказывай: все радъ исполнить. Я говорю правду.»

— Хорошо. Подайте ружье.... Вотъ, клянись надъ нимъ, что ты не лжешь.

«Я сказалъ, что не лгу, бачка!»

— Клянись!

«Изволь, бачка, изволь! — говорилъ Камчадалъ, приставивъ голову къ ружейному дулу. — Если я солгалъ хотя въ единомъ словѣ, то пусть это ружье раздробитъ мнѣ голову въ мелкіе иверешки, пусть не свижусь я болѣе ни съ женою, ни....»

— Довольно, старикъ! — прервалъ съ злобою Погремушкинъ. — Я вижу, что то время прошло, какъ клятва на васъ дѣйствовала; видно, теперь надобно средства другія....

«Съ позволенія вашего, Петръ Ѳедоровичъ! — провозгласилъ съ подъяческими ужимками Сумкинъ. — Если соблаговолите мнѣ поручить окончить допросъ....»

— Кто-жъ вамъ мѣшаетъ? Тутъ вы столько-же обязаны заботиться, сколько и я.

«Такъ по нашему вотъ какъ: плетей!»

— Изволь, бачка, сѣчь, сколько тебѣ угодно — говорилъ Камчадалъ, не показавъ ни малѣйшаго признака смущенія; — но я все-таки сказать иначе не могу: Камчадалъ, бачка, лгать не любитъ.

«Ладно! Мы посмотримъ! Раздѣвайте его!»

Вытерпливая ужаснѣйшіе удары, отъ которыхъ юрта обагрилась ручьями крови, Камчадалъ, закусивъ губы, не сказалъ ни слова. Наконецъ безуспѣшное истязаніе было кончено.

— Такъ выбросьте же его, мошенника, изъ юрты! — сказалъ съ досадою Сумкинъ. — Пусть околѣваетъ, когда не хочетъ сказать правды!

«Вы напрасно прибѣгли къ этой мѣрѣ — говорилъ правдолюбивый Погремушкинъ, принимая на себя неодобрительную мину. — Знаете, гораздо лучше бы обойтись....»

— Помилуйте, Петръ Ѳедоровичъ! Съ этими извергами какъ можно обходиться иначе? Вѣдь вы изволили видѣть: сѣки его, а онъ все свое поретъ! Сущіе разбойники!

«Такъ, это правда; но я не люблю нарушенія законовъ, и скажу вамъ нешутя: я не желалъ-бы, чтобы при моихъ глазахъ...»

— Это все можно сдѣлать! Поручите только мнѣ, такъ, надѣюсь, будете довольны. Я съ ихъ, мерзавцевъ, сдеру не одну шкуру. Вотъ еще жаль, что шельма Зуда долго не ѣдетъ, а то съ него бы начать, съ старшаго бестіи...

«Ваша правда! Этого плута всего бы прежде допросить должно. Но мы еще успѣемъ все это

обработать, если вы будете помогать мнѣ съ тѣмъ усердіемъ къ службѣ, какимъ вы всегда отличались. Ваша отличная ревность къ должности была давно извѣстна. Мой долгъ будетъ донести начальству...»

— Сдѣлайте милость, Петръ Ѳедоровичъ: не оставьте вашимъ заступленіемъ. Доброе мнѣніе начальства для меня всего драгоцѣннѣе; вѣдь, вы изволите знать: только изъ одной чести и бьюсь. Жалованье малое...

«Это правда, Антропъ Спиридоновичъ! И всѣ мы изъ чего служимъ, какъ...»

— Ахъ, батюшка Петръ Ѳедоровичъ! извините: совсѣмъ запамятовалъ. По пріѣздѣ вашемъ сюда, нарочно я собралъ для вашей милости по собольку съ человѣка, да по чернобуркѣ съ юрты, да....

«Вотъ это напрасно, Антропъ Спиридоновичъ! Вы знаете: я не люблю взятокъ.»

— Да помилуйте: что же это за взятки? Я единственно изъ моего усердія къ вамъ, а *доброхотнаго дателя*, вамъ извѣстно...

«Ну, такъ и быть! Я оставлю все это покамѣстъ у себя, а потомъ постараюсь вамъ заплатить.»

— Очень хорошо, Петръ Ѳедоровичъ! Пусть хоть и такъ останется; еще успѣемъ разсчитаться, если Господь продлитъ вѣку; время не уйдетъ!

Между тѣмъ, какъ бесѣдовали такимъ образомъ сіи честные чиновники, изъ коихъ одинъ, хитрый мошенникъ, хотѣлъ, какъ говорится, загребать жаръ чужими руками, а другой, наглый подлецъ, готовъ былъ рѣшительно на всѣ беззаконія, лишь бы угодить начальству, — въ сіе время вокругъ несчастнаго тоіона, окровавленнаго и брошеннаго близъ юрты, собралась большая толпа жителей острожка. Камчадалы, какъ и всѣ почти дикіе, предпочитая смерть истязаніямъ тѣлеснымъ, смотрѣли на своего начальника не столько съ горестію, какъ съ негодованіемъ, качали головами и перешептывались.

— Чего вы ждете?—вскричалъ внезапно появившійся между ними молодой Камчадалъ, высокаго роста, плечистый и по самому виду обѣщавшій необыкновенную силу и проворство. — Чего вы ждете? И всѣмъ вамъ тоже будетъ! Коли тоіона избили : то чего ждать другимъ?

«А что, ребята?—говорили Камчадалы другъ другу. — Вѣдь Гатальча-то говоритъ правду!»

— Эта правда, подхватилъ Гатальча съ яростію — лежитъ у васъ предъ глазами. Если не

хотите, чтобы и всѣхъ васъ такъ же измучили, то всѣ за мной! Смерть разбойникамъ!

«Въ самомъ дѣлѣ, ребята — вскричалъ кто-то изъ толпы — пойдемъ перерѣжемъ ихъ, да шабашь!»

— Пойдемъ, пойдемъ, ребята! — закричали всѣ въ голосъ. — Принимайтесь за чекуши!

«Гг. слѣдователи! — вскричалъ проворно спустившійся къ нимъ въ юрту Зуда, бывшій до сего времени въ отлучкѣ изъ Кууюхчена — спасайтесь: васъ хотятъ всѣхъ перерѣзать!»

— Какъ, кто? — воскликнулъ Погремушкинъ, поблѣднѣвшій какъ полотно, но старавшійся сохранить неустрашимость духа, которою онъ любилъ хвастаться. — Кто это и какъ?

«Народъ взбунтовался.»

— Народъ взбунтовался! — повторилъ съ величайшею, самою презрѣнною робостію Сумкинъ, у котораго зубы громко застучали другъ о друга. — Народъ взбунтовался, говоришь ты?

«Да, да, народъ! Спасайтесь, покуда есть время, а то.... Но теперь все кончено! Всѣ мы погибли!»

Въ это время шумная, свирѣпая толпа Камчадаловъ, подъ предводительствомъ Гатальчи, прибѣжала къ юртѣ слѣдователей, съ которыми

вмѣстѣ находились и пріѣхавшіе съ ними пять человѣкъ казаковъ.

Покрывъ отверзтіе юрты досками, Камчадалы кричали съ остервенѣніемъ: «Попробуйте теперь выйти оттуда, дьяволы, вы узнаете, каково обижать Камчадала!»

— Что намъ дѣлать теперь, Абрамъ Васильевичъ? — говорилъ Сумкинъ, едва выговаривая отъ страха слова. — Будьте отецъ родной: научите!

«Знаете ли что я совѣтывалъ бы вамъ?» — отвѣчалъ Зуда, смотря съ чувствомъ величайшаго презрѣнія на сего робкаго подлеца и немогши удержаться отъ насмѣшки.

— А что такое? Научите, ради Бога!

«Хорошо бы вы сдѣлали, Антропъ Спиридоновичъ, если бы приказали такъ же отодрать себя, какъ вы изсѣкли бѣднаго Тарею, и потомъ велѣли бы вынесть себя на-показъ: я увѣренъ, что это средство....»

— Боже мой! вы смѣетесь надъ нами, Абрамъ Васильевичъ,— говорилъ Погремушкинъ самымъ дружественнымъ голосомъ, между тѣмъ, какъ во всякое другое время онъ былъ бы готовъ отвѣчать на подобную обиду со всею дерзостію провинціальнаго временщика. — Можно ли такъ по-

ступать Христіанину, когда бы вы, можетъ быть, могли бы однимъ словомъ утишить мятежъ?

«Помилуйте! — отвѣчалъ Зуда, продолжая тонъ насмѣшки.—Вы, будучи столько лѣтъ при начальникѣ, несравненно болѣе моего имѣли случай пріобрѣсть уваженіе Камчадаловъ вашими добрыми дѣлами; одно ваше имя, кажется, должно бы быть достаточно къ тому, чтобы заставить молчать?»

— Это такъ; но, признаюсь, я не столько счастливъ....

«Да тутъ не нужно счастіе. Государыня поручила участь Камчадаловъ вашему начальнику, а вы его правая рука: такъ вы, конечно, старались вмѣстѣ съ нимъ исполнить волю Монархини: защищать невинныхъ, наказывать виновныхъ, творить судъ по правдѣ; охранять вашу страну отъ грабительства взяточниковъ, мошенниковъ, кровопійцъ....»

По мѣрѣ того, какъ Зуда, начинавшій говорить съ жаромъ, разгорячался, Погремушкинъ приходилъ въ трепетъ. Глаза его, устремленные на Зуду, остановились. Блѣдное, посинѣлое лице изображало болѣе образъ мертвеца, возставшаго изъ гроба на гласъ страшнаго суда, нежели живаго человѣка. И въ самомъ дѣлѣ въ словахъ

Зуды, произносимыхъ въ то время, когда неизбѣжная смерть висѣла у него надъ головою, въ точномъ значеніи сего слова, онъ слышалъ, казалось ему, начавшійся надъ нимъ грозный и неотвратимый судъ за гробомъ. Но слова Зуды были прерваны дикимъ крикомъ Гатальчи, который, не имѣя терпѣнія ждать выхода своихъ жертвъ, сбросилъ доски, и закричалъ свирѣпымъ голосомъ: «Ну-ка вылѣзайте, проклятые! Намъ долго ждать, пока вы тамъ сами переколѣете! Вылѣзайте, говорю вамъ, а не то мы и тутъ васъ всѣхъ перестрѣляемъ, какъ утокъ!»

— Погибли! — вскричалъ Погремушкинъ, упавъ на полъ, между тѣмъ какъ товарищъ его давно уже сидѣлъ, забившись подъ нары, полумертвый отъ страха.

«Таковы-то всегда подлые люди!—говорилъ Зуда, глядя съ презрѣніемъ и жалостію на обоихъ трусовъ. — Въ счастіи они готовы на все, а при малѣйшей опасности они совершенно теряютъ разсудокъ... А вы что, ребята! — продолжалъ онъ, обратившись къ казакамъ — уже ли и вы сробѣли?»

— Сробѣть не сробѣли, Абрамъ Васильевичъ — отвѣчали казаки въ одинъ голосъ: — двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать;

да, вѣдь, дѣлать тутъ нечего. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ!

«Нѣтъ, ребята: для Русскаго ни гдѣ ворота не заперты. Смѣлость города беретъ. Не драться умереть, и драться умереть: такъ лучше попробуемъ счастія: авось!»

— Ты дѣло вздумалъ, Абрамъ Васильевичъ!— сказалъ одинъ изъ казаковъ. — И точно! Ударимъ-ка на басурмановъ: авось!

— Ну благослови Господи!—сказали казаки въ одинъ голосъ. — Чѣму быть, тому не миновать. Ура!

Казаки, схвативъ ружья, бросились къ отверзтію, но первый изъ нихъ, храбрый, отважившійся показаться изъ юрты, полетѣлъ внизъ съ разрубленною головою, сопровождаемый ужаснымъ хохотомъ Камчадаловъ, отдавшимся въ сердцѣ осажденныхъ, и вслѣдъ за нимъ влетѣло въ юрту нѣсколько стрѣлъ, отравленныхъ ядомъ. Всѣ онѣ просвистали попусту, кромѣ одной; но эта одна похитила жертву, стоившую многихъ: она ранила Зуду. Старецъ, не смотря на вѣрную смерть, сохранилъ однако жъ всю твердость духа, никогда его не оставлявшую, и, опустившись на нары, еще ободрялъ казаковъ: «Друзья! не унывайте! Ваше спасеніе заклю-

чается въ одной вашей храбрости.» Но поощреніе его было тщетно; страшный, зловѣщій голосъ Гатальчи опять раздался надъ юртою:

«Ребята! тащите-ка болѣе хвороста: зажжемъ его, да набросаемъ въ юрту, а потомъ закроемъ ее; пусть они издохнутъ въ ней, какъ черви!»

— Въ самомъ дѣлѣ, ребята—повторило множество голосовъ—притащимъ хвороста, да сморимъ всѣхъ ихъ тамъ чертей: что съ ними долго-то биться!

Скоро цѣлыя груды горящаго хлама посыпались въ юрту. Ужасный удушающій дымъ быстро распространился по ней, похищая изъ виду осажденныхъ не только всѣ предметы, но и самихъ ихъ, другъ у друга. Наконецъ начало захватывать у нихъ дыханіе, и жизнь, такъ сказать, собралась въ груди, чтобы вылетѣть оттуда съ послѣднимъ вздохомъ. Начался страшный споръ между бытіемъ и смертію, рѣшеніе котораго уже, можетъ быть, зависило отъ одной минуты. «Ну, товарищи! прощайте! — сказали казаки другъ другу. — Теперь конецъ нашъ насталъ!»

Но въ сіе роковое мгновеніе вдругъ раздались выстрѣлы: разъ, два, три. Камчадалы схлынули съ юрты, и проворная рука разбро-

сала лежавшіе на ней доски. Дымъ повалилъ изъ нее столбомъ.

— Живы ли тамъ?—раздался сверху голосъ.

«Ни живы, ни мертвы» — отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ, пробираясь ощупью къ отверзтію.

— Выходите проворнѣе: Камчадаловъ мы всѣхъ прогнали.

«Ба, это ты, Паршинъ! Да какими, братъ, судьбами ты подоспѣлъ къ намъ на выручку? Вѣдь насъ, окаянные, совсѣмъ было прокоптили, словно юколу.»

— Да, братъ, кабы не прилетѣлъ къ намъ на верховой посланный отъ Зуды: то, вѣрно, попали бы вы на закуску къ курносой.

«А вы развѣ недалеко гдѣ были?»

— Да я вотъ съ командою посланъ изъ Большерѣцка на Лопатку, да остановился было на дневку на рѣчкѣ *Кылхту*, отсюда верстахъ въ пятнадцати...

Въ продолженіе сего разговора вышли и прочіе четыре казака, протирая глаза и едва переводя духъ.

— Да гдѣ же ваши начальники?— спросилъ Паршинъ.

«Кто ихъ знаетъ: живы ли они? Вотъ дай перевести духъ, такъ пойдемъ и ихъ отыскивать.»

Первый изъ отысканныхъ былъ Погремушкинъ. Не вставая съ пола, онъ сѣлъ, и посмотрѣвъ мутными, мрачными глазами вокругъ себя, прошепталъ: «еще ли я живъ?» Между тѣмъ казаки отыскали и Сумкина.

— Баше благородіе! — сказалъ одинъ изъ нихъ.—Извольте вставать: опасность прошла.

«Рѣжь меня, коли хочешь: не встану!» — прошепталъ Сумкинъ, дрожа отъ страху.

— Извольте встать, ваше благородіе! Вѣдь мы казаки, а не камчадалы: они всѣ ужъ разбѣжались.

«Разбѣжались? — вскричалъ Сумкинъ, вскочивъ на ноги. — Разбѣжались? а Зуда?»

— А онъ вотъ здѣсь.

«Такъ ты здѣсь еще, мошенникъ! Возьмите его, свяжите! Разбойникъ! онъ вздумалъ смѣяться надъ чиновниками!

— А я долженъ доложить вашему благородію—сказалъ Паршинъ—что если бы не Абрамъ Васильевичъ: то вамъ бы смерть неминучая...

«Это почему?»

Паршинъ повторилъ сказанное казаку.

«Пустяки! это только одинъ отводъ! Исполняйте, что приказываютъ. Возьмите его, свяжите крѣпче, да приготовьте...»

«Помилуйте ваше благородіе! — сказалъ Паршинъ съ твердостію—что его вязать? Онъ уже умираетъ...»

— Все равно! — кричалъ Сумкинъ. — Все равно! Вяжите его!

«Нѣтъ, воля ваша: не можемъ!»

Такимъ образомъ, не слушая безумныхъ и злостныхъ приказаній, казаки стояли вокругъ умирающаго Зуды безъ всякаго дѣйствія, смотря на него съ видомъ величайшаго участія.

«Друзья мои! — сказалъ Зуда, какъ бы проснувшись отъ глубокаго сна, и почувствовавъ какую-то необыкновенную легкость, которая бываетъ всегда вѣрнымъ предвѣстникомъ исхода жизни, такъ же блещущей на мгновеніе предъ своимъ концемъ, какъ блещетъ иногда потухающій свѣтильникъ. — Друзья мои! не откажитесь исполнить просьбу человѣка умирающаго: вынесите меня отсюда.»

— Извольте, батюшка Абрамъ Васильевичъ, — говорилъ Паршинъ! какъ старшій изъ казаковъ.—Съ охотою исполнимъ ваше желаніе: вѣдь мы не бусурмане какіе, чтобы видѣли васъ въ такомъ положеніи, да еще бы не пожалѣли и не послушались.

Казаки вынесли его изъ юрты и положили близъ оной на разостланныя оленьи кожи. Погремушкинъ и Сумкинъ также вышли изъ юрты, и на лицѣ перваго была написана самая черная дума. Они стали поодаль. Зуда лежалъ на холмѣ, съ котораго было видно вдали море, съ закатывавшимся въ бездны его дневнымъ свѣтиломъ. Умирающій сдѣлалъ послѣднее усиліе, приподнялъ нѣсколько голову и уныло, подобно отходящему съ родины путешественнику, посмотрѣвъ на море и на солнце, произнесъ тихимъ прощальнымъ голосомъ: «О ты, неугасающее, вѣчно-юное свѣтило! погрузясь въ эти синія бездны, ты опять взойдешь завтра съ прежнею красотою и величіемъ, но я уже не увижу болѣе твоего восхода!... И погрузившись навсегда въ бездну вѣчности, сохраню ли мое эфемерное бытіе?... О сколько разъ ты заставало меня посреди этихъ печальныхъ пустынь въ слезахъ и горести!... И для чего суждено было мнѣ видѣть, какъ, оживляемое твоими лучами, все твореніе дышало радостію, величіемъ, между тѣмъ, какъ я одинъ скорбѣлъ безъ утѣшенія и безъ надежды? Для того ли, чтобы, означивъ бытіе свое на земли однимъ страданіемъ, я потомъ исчезъ навсегда?...» Сильное волненіе души изо-

бразилось на лицѣ страдальца. Проведя жизнь въ тщетныхъ изысканіяхъ разума, онъ напрасно искалъ въ немъ утѣшенія при дверяхъ гроба: ибо тутъ нѣмѣетъ всякая человѣческая мудрость, и вѣщаетъ одна Вѣра. Примѣтно утомленный мучительными сомнѣніями, несчастный опять склонилъ голову на постель и закрылъ глаза.

— Тише, тише! — говорили тихомолкомъ казаки другъ другу, снявъ шапки и набожно крестясь. — Не помѣшайте: онъ отходитъ!

Но умирающій еще взглянулъ, и сдѣлавъ едва примѣтный жестъ рукою, сказалъ казакамъ, чуть-чуть слышнымъ голосомъ: «Друзья мои!... если будете въ Петропавловскѣ... скажите Ивашкину, что объ немъ одномъ я пожалѣлъ при концѣ моей жизни.... ибо свѣтъ сей для меня давно былъ чуждъ!... Прощайте!»

Онъ опять закрылъ глаза, и уже не открывалъ болѣе.

— Ну, слава Богу, кажется, комедія кончилась! — сказалъ глупый и безчувственный Сумкинъ, обращаясь съ подлою улыбкою къ Погремушкину.

«Да, кончилась! — отвѣчалъ холодно сей послѣдній, мрачно нахмуривъ брови. — Но какъ

то приведется намъ самимъ ее разыгрывать!»

Между тѣмъ казаки начали уже рыть могилу. Опустивъ въ нее умершаго, они прочитали надъ нимъ короткую молитву, и общая всѣмъ мать тихо приняла странника на свое лоно. Скудный деревянный крестикъ, на-скоро связанный ремнемъ, нѣсколько времени стоялъ надъ сею уединенною могилою, а потомъ вѣтеръ уронилъ его, холмикъ могильный изгладился, и не осталось ни малѣйшаго слѣда, что былъ человѣкъ, кромѣ однихъ пустыхъ звуковъ преданія.

XVIII.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ.

Камчадалы, испуганные прибытіемъ казацкой команды, забравъ женъ и дѣтей своихъ, убѣжали въ горы.

Сотникъ Паршинъ, получивъ отъ Погремушкина приказаніе идти за ними въ погоню, произвелъ прежде самый тщательный обыскъ во всѣхъ юртахъ, въ надеждѣ: не отыщетъ ли кого, кто могъ бы дать ему свѣдѣніе, въ какихъ мѣстахъ надлежало искать бѣглецовъ. Обыскъ былъ удаченъ: найдена въ одной юртѣ, спрятавшаяся за *чирелы* больная и дряхлая старуха. Вытащивъ ее оттуда, казаки, не столько съ дѣйствитель-

ными, сколько съ притворными угрозами, начали ее разспрашивать; но Камчадалка, прикинувшись нѣмою, не говорила ни слова.

«Ну, видно, ничего дѣлать съ тобою, старая корга! — сказалъ притворно разсердившійся Паршинъ — какъ раскласть побольше огня, да... Говори же! Что въ самомъ дѣлѣ? Долго ли будемъ съ тобою биться? Ну-ка, ребята, принимайтесь: взвалите ее на очагъ! Видно, у ней языкъ-то примерзъ, такъ отогрѣть надобно!»

— Скажу, скажу бачка! — завопила старуха, повидимому струсившая, когда казаки схватили ее, дѣлая видъ, что хотятъ тащить на огонь.

«Давно бы такъ! Ну, сказывай же проворнѣе! Не говорили ли иногда ваши старики, *что грезятся имъ во снѣ мертвые, и не ѣздили ли въ гости въ дальніе острожки* (*)?»

—Нѣтъ, бачка, этого не слыхала, хоть сейчасъ издохнуть?

«А вѣрно, знаешь, въ которую сторону сговорились бѣжать бунтовщики?»

— Про это мелькомъ слышала.

«Куда же они побѣжали?»

(*) Въ старину оба сіи случая были вѣрными предвѣстниками бунта.

— А вотъ, бачка: подите вы все вверхъ по *Нынгучу*, и дойдете вы до двухъ горъ, одна изъ нихъ называется *Омгазинъ*, по вашему, бачка, это значитъ: *лѣсъ валить*, потому что, какъ говорятъ старики, на этомъ демѣстѣ...

«Ну, да полно околесицу-то молоть: что намъ за нужда до вашихъ побасенокъ? Сказывай дѣло!»

— Хорошо, бачка, хорошо! — отвѣчала Камчадалка, вытаскивая непримѣтнымъ образомъ съ пояса у себя ножъ. — Такъ вотъ и подите вы къ этимъ горамъ. Одна изъ нихъ, я сказывала ужъ вамъ, *Омгазинъ*, а другая *Саану*, по вашему: *кормовая*, потому-что-де говорятъ старики, на этой горѣ...

«Опять за тоже! — вскричалъ Паршинъ. — Да что, въ самомъ дѣлѣ? Знать, ты морочить насъ хочешь? Ребята! тащите ее на огонь?»

— Врете! Камчадалка умѣетъ умереть отъ своей руки! — вскричала старуха, и въ то же мгновеніе черкнула себя ножемъ по горлу, и упала безъ дыханія.

Экое чортово племя! — сказалъ Паршинъ, качая головою. — Имъ зарѣзать себя, словно выпить рюмку вина. Нечего дѣлать, ребята: пойдемте на авось. Можетъ быть, и сами оты-

щемъ слѣдъ! Да гдѣ у насъ Пронька Трунпловъ, безшабашная голова?»

И то, гдѣ-то не видно его! — говорили казаки. — Смотри, что, ребята, онъ пошелъ слѣдить за Камчадалами!

«Да и вѣдомо, что такъ!» — подхватилъ спустившійся въ юрту молодый и бравый казакъ.

— Гдѣ ты это слонялся? — спросилъ его Паршинъ.

«Да гдѣ слоняться-то? Слѣдилъ за этими чертями...»

— Ну такъ и есть! — перебили казаки. — Мы угадали... Ай-да, безшабашная голова! Одинъ за сотнею погнался!

«Такъ мнѣ какая надобность, что ихъ сотня! хоть бы ихъ двѣ было: смѣлымъ Богъ владѣетъ! Я то думалъ, что-де неравно вздумаетъ начальникъ посылать за ними погоню, такъ было бы вѣдомо куда идти...»

— Да, спасибо, братъ Пронча — говорилъ Паршинъ. — Ты это хорошо вздумалъ... А что, они не примѣтили тебя?

«Нѣтъ; не могъ скрыться; увидѣли, каторжные, да и погнались было; однако я не сробѣлъ: одного изъ нихъ срѣзалъ изъ винтовки, а прочіе спрятались.»

— Жаль, что они увидѣли тебя: теперь они скроются въ такія трущобы, что ихъ и самъ чортъ не найдетъ!... А въ которую же сторону они пошли?

«Да сперва они шли вверхъ по *Нынгучу*, а потомъ, не доходя до перваго поворота, свернули налѣво въ гору, а тутъ ужъ я и бросилъ ихъ.

— Такъ, видно старуха — сказалъ Паршинъ — говорила правду. Ну съ Богомъ! — Терять время нечего: пойдемте къ *Омгазину*. Я догадываюсь, гдѣ теперь должны быть бунтовщики.

Казаки отправились въ погоню въ числѣ пятнадцати человѣкъ, между тѣмъ, какъ бѣглыхъ, однихъ мужчинъ, было около пятидесяти; но такъ завоевана вся Сибирь: вездѣ горсть Русскихъ сражалась съ тысячами, и побѣждала. Сверхъ сего и самый путь, по которому надлежало проходить нашимъ храбрецамъ, былъ чрезвычайно трудный и опасный. Быстрая рѣчка, во многихъ мѣстахъ, отъ пробивавшихся по берегамъ ея ключей, не была покрыта льдомъ, и потому, проходя между утесами, должно было кое-какъ лѣпиться съ величайшею опасностію, на скользкихъ и узкихъ закраинахъ.

«Ну, чортово же только это мѣстечко! — сказалъ Паршинъ. — Смотри Ванюха, не обор-

вись: что ротъ-то разинулъ на утесы? Обрушишься, такъ утащитъ какъ разъ подъ ледъ, и молитвы сотворить не успѣешь! Вишь, рѣчка, словно котелъ кипитъ.»

— Небось, Лука Ѳадденчъ, не обрушусь! — отвѣчалъ казакъ.

«Только скользко же, парень, пробираться! — замѣтилъ другой. — Того и смотри, что сотворишь *кувыръ-коллегію.*»

— Да! — говорилъ третій — за утесъ зубами не ухватишься: не рѣпа!

«Экая, Господи, махина выросла! — продолжалъ третій. — Такъ въ небо и упирается!»

— Да и на той-то вонъ сторонѣ, братъ, не поддается этому! — замѣтилъ четвертый.

«Словно въ какой въ трубѣ идемъ! — присовокупилъ пятый. — Ужъ подлинно небо съ овчинку кажется! И звѣздъ-то почти не видать: первой, другой обчелся!»

— Да нечего сказать, братъ! — говорилъ шестой. — Не для людей эта дорога построена; только чертямъ по ней и ходить!

«Ну, теперь недалеко, ребята! — сказалъ Паршинъ. — Вонъ ужъ и конецъ, а тамъ и поворотъ налѣво.»

— Слава-те, Христе! выбрались! — провозгласили всѣ казаки въ одинъ голосъ.

Въ семъ мѣстѣ утесы разошлись въ разныя стороны, превратившись въ обыкновенныя горы, и соединившись съ другими хребтами. Казаки, пройдя около двухъ верстъ равниною, поросшею кустарникомъ, едва, впрочемъ, выставлявшимся изъ-подъ снѣга, наконецъ достигли до хребта, черезъ который надлежало имъ перебираться. Предъ ними лежала высокая и крутая гора, обнаженная отъ лѣса и покрытая скользкимъ настомъ, блиставшимъ, какъ хрусталь, при лучахъ мѣсяца.

— Ну, ребята, какъ-то мы взмостимся на эту лежанку! — сказалъ Паршинъ, по обычаю Русскихъ, сохраняя веселость духа и шутливость въ величайшихъ трудностяхъ и опасностяхъ. — И не топлена, да жжется!

« А вотъ какъ, Лука Ѳадденчъ!» — подхватилъ безшабашная голова, проворно бросившись къ горѣ, и начавъ подниматься на нее.

— Проворенъ больно! — говорили старослуживые. — Не взойди внизъ головой!

Въ самомъ дѣлѣ, удалый казакъ сколько ни употреблялъ усилій, но взойдя не болѣе трехъ

саженъ, оборвался и скатился съ горы. Общій смѣхъ казаковъ раздался съ его паденіемъ.

— Что, братъ — говорили казаки — знать, удалъ да безталаненъ?

«Погодите еще, не смѣйтесь! Дайте только подвязать щипы подъ *лапки* (*), такъ взойду и не на такую гору.»

— Молоденекъ, братъ ты, Пронча! — сказалъ одинъ изъ опытныхъ казаковъ. — Если бы слушалъ, кто тебя побольше служивалъ и бывалъ, какъ говорится, и подъ конемъ и на конѣ: такъ не леталъ бы, братъ, по тюленьи, внизъ головой!

«Вотъ еще! учить вздумалъ!»

— Учить не учу, а дѣло всегда скажу. Видишь ли, вонъ на горѣ: какъ будто поднимается вихорь и заметаетъ снѣгъ?

«Вижу. Такъ что за бѣда?»

— Вотъ вишь, ты еще и не знаешь этого. Попробуй-ка взойти теперь на гору: такъ тебя и унесетъ съ нее въ таръ-тарары, такъ что и костей не соберешь!

«Отъ чего такъ?»

— Да отъ того, что хоть теперь здѣсь и

(*) Лапки — родъ лыжъ.

тихо, а тамъ, поди-ка, такой *хіусъ*, что и на ногахъ не устоишь.

«Э, чѣмъ пугать вздумалъ! Снесетъ, такъ туда и дорога: была не была! Два вѣка не проживешь! А коли далъ Царю присягу служить вѣрой и правдой, не жалѣя крови, такъ ужъ тутъ думать нечего! Благослови-ка, Лука Ѳадденчъ!»

— Съ Богомъ, съ Богомъ, братъ Прокопій! — провозгласилъ Паршинъ, смотрѣвшій съ восторгомъ на удальство Трунилова, и выжидавшій только времени, чтобы поджечь соревнованіе и въ прочихъ своихъ подчиненныхъ.

«Экая озорь! — говорили казаки, смотря съ удивленіемъ на поднимавшагося быстро Безшабашнаго. — Смотри, какъ чешетъ!»

— Да, чешетъ! — подхватилъ одинъ изъ нихъ. — вонъ поѣхалъ назадъ... ну, не бывать живому!

«Ну, совсѣмъ обрушился! — вскрикнули казаки съ чувствомъ жалости. — За камень-то ухватись!... Ахъ ты, Господи!... За кустарникъ-то, за кустарникъ-то!... Лови! Вотъ такъ! Ай-да, молодецъ!»

— Смотри-ка, какъ пошелъ опять отваливать! — сказалъ Паршинъ.

«Вотъ ужъ не далеко и до вершины!» — подхватилъ одинъ изъ казаковъ, по нѣкоторомъ молчаніи.

— Смотри, что доберется! — прибавилъ другой. — Теперь ужъ много, что саженъ съ десятокъ осталось.

«Ну, взошелъ! — провозгласили казаки въ одинъ голосъ. — Ай-да, отчаянный!»

— Ребята! - воскликнулъ Паршинъ — стыдно же намъ, старымъ служивымъ, оставаться здѣсь, чтобъ этотъ молокососъ послѣ надъ нами смѣялся. Ну, ребята, подвязывай щипы, да всѣ за мной!

Казаки начали подниматься на гору, и по мѣрѣ того, какъ они всходили выше и выше, вѣтръ, почти нечувствительный въ долинѣ, становился постепенно сильнѣе, и на вершинѣ горы превратился почти въ бурю, которой стремительные порывы могли сбить съ ногъ и утащить оплошнаго въ страшную падь, отдѣлявшую сію гору отъ противоположнаго утеса, еще и надъ нею возвышавшагося.

— Я сказалъ — говорилъ казакъ, дававшій совѣтъ Трунилову — что на вершинѣ буря: теперь видите, что моя правда!

«Ребята! — возгласилъ Паршинъ — ползкомъ, если не хотите прогуляться въ падь: вѣтеръ какъ разъ съ ногъ срѣжетъ, а гора, смотрите, словно *коча* (*), опрокинутая вверхъ *днищемъ*: притулиться не куда!»

— Тише! — прошепталъ лежавшій на горѣ Трунниловъ.

«Что такое?» — спросилъ поднявшійся на гору Паршинъ.

— А вонъ смотри-ка, на утесъ... Видишь, вонъ въ этомъ уступѣ, какъ-будто огонекъ просвѣчиваетъ между камней?... Вѣдь, знать, тутъ кто-нибудь есть?

«Да кому быть, кромѣ этихъ чертей Камчадаловъ? Слышишь: собаки завыли?»

— Да, это точно вой не вѣтра! А смотрите-ка, кажись человѣкъ показался на уступѣ?

«Человѣкъ, точно человѣкъ! — сказали въ одинъ голосъ нѣсколько казаковъ. — Ахъ, онъ дьяволъ! Смотри, что онъ насъ увидѣлъ: вѣдь у нихъ глаза-то нечеловѣчьи; къ тому же солнышко-то наше не въ добрый часъ вздумало на насъ свѣтить: такъ насъ имъ, какъ на зеркалѣ видно!»

(*) Коча—судно.

— Увидѣлъ и есть! — подхватили другіе. — Кажись, машетъ рукой?... Экъ ихъ высыпало изъ норы!.... Что это? Смотри: что принимаются за стрѣлы!

«Пусть ихъ потѣшатся! — сказалъ хладнокровно Паршинъ. Я увѣренъ, что ни одна стрѣла не попадетъ въ насъ.»

Множество стрѣлъ взвилось въ воздухѣ, но всѣ онѣ, отнесенныя вѣтромъ, дѣйствительно упали далеко въ сторону отъ своей цѣли, а многія и вовсе не долетѣли до горы.

— Теперь, ребята! — провозгласилъ Паршинъ — наша очередь! Ну-ка посмотримъ, что вѣрнѣе: пуля или стрѣла?

Грохотъ ружей раздался по горамъ. По смятенію, оказавшемуся въ толпѣ Камчадаловъ, можно было примѣтить, что выстрѣлы не были совершенно потеряны. Казалось, они что-то схватили и скрылись, иные въ пещеру, иные за огромные *кекуры* (*), черпѣвшіеся на утесѣ.

— Теперь ихъ оттуда не выживешь! — сказалъ Паршинъ. — Дѣлать другаго нечего, какъ вотъ что: я возьму съ собой тебя, Пронча, да еще васъ, ребята! (онъ указалъ на самыхъ удалыхъ осьмерыхъ казаковъ.) Спустимся въ

(*) *Кекуръ* — каменный столбъ.

падь, обойдемъ по ней утесъ и поднимемся на него съ другой стороны. Тамъ, знать, отложистѣе, что Камчадалы могли взобраться. Поднявшись же на вершину, намъ ужъ не трудно будетъ спуститься къ нимъ на уступъ. Спадемъ на нихъ, какъ снѣгъ на голову! Поняли вы меня, ребята?

— Какъ не понять? Ты, Лука Ѳаддейчъ, худо не выдумаешь! – говорили казаки въ одинъ голосъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ, особенно Безшабашный.

«А вы — продолжалъ Паршинъ, обращаясь къ остальнымъ казакамъ — оставайтесь здѣсь, и если кто выглянетъ изъ нихъ, такъ того и бацъ изъ ружья.

Сдѣлавъ сіе разпоряженіе, Паршинъ, съ отобранными удальцами, началъ спускаться ползкомъ на другую сторону горы, по которой, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вершины показывался мелкой топольникъ, мало по малу увеличивавшійся и превратившійся, во глубину пади, въ густой лѣсъ (*). Но добраться до спуска, покрытаго лѣсомъ, по скользкому и крутому

(*) Топольникъ и листвякъ есть единственный лѣсъ, изъ котораго строятъ въ Камчаткѣ домы и суда; но послѣдній ростетъ только во

Библиотека К. Д. Галахтеновъ

скату, нельзя было иначе, особенно по причинѣ бури, какъ ползкомъ, почти внизъ головой. Само собою разумѣется, что такое путешествіе требовало величайшихъ усилій и чрезвычайной осторожности. Нѣкоторые изъ казаковъ совсѣмъ выбились изъ силъ, и одинъ изъ нихъ, не смотря на явную опасность, рѣшился встать на ноги.

— Нѣтъ, не могу! — вскричалъ онъ. — Усталъ хуже собаки!

«Что ты это дѣлаешь, сумасшедшій?» — сказалъ Паршинъ съ чувствомъ страха и негодованія.

— Не могу, Лука Ѳадденчъ, какъ хочешь: изъ мочи выбился!

Но едва казакъ успѣлъ сіе выговорить, какъ сильный порывъ вѣтра потащилъ его по скату, потомъ сбилъ съ ногъ, и бѣднякъ, разбитый и окровавленный, стремительно покатившись внизъ, напрасно старался схватиться руками за гладкой и скользкой пастъ, и вскорѣ исчезъ изъ глазъ изумленныхъ и устрашенныхъ товарищей.

внутренности сей земли, по рѣкѣ Камчаткѣ. Сосны, которыми прочая часть Сибири такъ изобилуетъ, здѣсь нѣтъ совсѣмъ.

— Ну, бѣдняга! — сказали съ сожалѣніемъ казаки — вѣрно, ужъ живъ не будетъ!

«Самъ виноватъ! — подхватилъ Паршинъ. — Я говорилъ, что нельзя вставать... Чу! Выстрѣлъ!»

— Это, знать, ружье само выпалило! — замѣтили казаки.

«А слышите ли — сказалъ Паршинъ — какъ опять завыли собаки? Смотри, что Камчадалы опять высыплютъ!»

Въ самомъ дѣлѣ Камчадалы опять вышли изъ пещеры, и увидѣвъ спускавшихся въ падь своихъ непріятелей, проворно прикатили общими силами къ краю утеса на преогромный камень, и дождавшись ихъ спуска, съ величайшимъ крикомъ свалили его внизъ. Ужасный громъ и трескъ деревъ, сокрушенныхъ сброшенною массою, раздался въ пади; за нимъ слѣдовали ударъ, другой, третій, четвертый, между которыми разсыпались выстрѣлы изъ ружей — и пустыня, можетъ быть, отъ созданія міра стоявшая въ невозмущаемомъ безмолвіи и оглашенная сими мятежными звуками, казалось, изъявляла свою скорбь въ дикихъ и протяжныхъ вопляхъ свирѣпствовавшей бури.

Не смотря на безпрерывное паденіе камней, казаки шли бодро и смѣло, и при паденіи каждаго камня, еще острились на счетъ своихъ непріятелей. Но чтобы совершить обходъ, имъ надлежало употребить не мало времени, въ продолженіе котораго Камчадалы, не сомнѣваясь въ намѣреніи казаковъ, положили, по общему совѣту: Гатальчѣ, какъ смѣлому и удалому воину, съ отборными товарищами, идти на отбой приступа, а менѣе отважнымъ оставаться въ становищѣ; и въ случаѣ разбитія Гатальчи, рѣшиться на послѣднюю мѣру: *достать подъ себя постелю*, лишь бы только не достаться живыми въ руки супостатовъ. Гатальча и товарищи его, отправляясь на смертную битву, весело простились съ своими женами и дѣтьми, и закинувъ за плеча *сайдаки* (*), пошли бодро съ пѣснею безнадежной отваги:

Не ползи змѣей изъ темныя дубравы:
Не застанешь насъ въ расплохъ, казакъ лукавый!
Мы съ тобой теперь впослѣдніе сразимся:
Лучше сгибнемъ, а живые не дадимся!

*
* *

Нужды нѣтъ, что злобный Канна тебѣ служитъ:
Камчадалъ въ бѣдѣ не плачетъ и не тужитъ!

(*) Луки.

Онъ умѣетъ, презирая участь злую,
Подостлать себѣ постелю кровяную!

Внимая сему отчаянному пѣнію, оставшіеся въ становищѣ Камчадалы смотрѣли на удаляющихся съ какимъ-то дикимъ безмолвіемъ: ни у кого ни слеза не выступила изъ глазъ, ни вопль, ни вздохъ не вылеталъ изъ груди. Таково чудное человѣколюбіе природы! Она положила извѣстный предѣлъ, до котораго бѣдствія еще чувствительны человѣку, по далѣе онаго ни умъ не въ состояніи живо представить себѣ огромность бѣды, ни сердце чувствовать ея приближеніе: тогда несчастіе, превысившее положенную мѣру, измѣняетъ свое свойство и принимаетъ характеръ спокойствія. Здѣсь-то начинается отчаянная радость, верхъ человѣческаго злополучія!

Впрочемъ, Камчадаламъ не трудно было защититься отъ нападенія казаковъ; ибо подъемъ, предлежавшій симъ послѣднимъ, хотя и былъ возможенъ, но сопряженъ съ величайшими затрудненіями: имъ надлежало кой-какъ пробираться по скользкому насту между выставлявшихся изъ крутаго и безлѣснаго ската огромныхъ камней, уподоблявшихся, по чрезвычайной высотѣ своей, почти скаламъ.

Камчадалы, спустившись съ вершины горы до половины ея и остановившись на одной изъ таковыхъ скалъ, ожидали казаковъ, готовые къ сопротивленію.

Первый шелъ Паршинъ. Едва онъ, сопровождаемый своею командою, поднялся на нѣсколько саженъ, какъ страшной величины камень полетѣлъ съ горы и непремѣнно бы раздробилъ и Паршина и шедшаго по слѣдамъ его Безшабашнаго, если бы, по счастію ихъ, ударившись о край скалы, надъ ними висѣвшей, не перелетѣлъ чрезъ ихъ голову.

«Ребята! — вскричалъ Паршинъ — проворнѣе на скалу, да хватимъ оттуда изъ винтовокъ: вѣрно, черти разбѣгутся при первомъ выстрѣлѣ.»

Проворно взобравшись на скалу, казаки увидѣли надъ собою Камчадаловъ, опять готовящихся свалить также огромный камень. «Стрѣляй!» — вскричалъ Паршинъ. Пули со свистомъ понеслись съ камня на камень, и сшибли сверху двухъ Камчадаловъ, стремглавъ полетѣвшихъ внизъ. Товарищи ихъ сробѣли и бросились на гору; одинъ Гатальча, удалый и отчаянный, остался на мѣстѣ, и употребивъ гигантскія усилія, сбросилъ до половины нависнувшій внизъ осколокъ утеса. Низвергнутая громада, запры-

гавъ съ камня на камень, наконецъ грянулась на вершину скалы, на которой стояли Паршинъ и Безшабашный, едва успѣвшіе отскочить при семъ паденіи, и потомъ пронеслась въ трущобу, наполняя пустыню трескомъ деревъ и грохотомъ паденія. Послѣ сего, неутомимый и разъяренный Гатальча еще хотѣлъ въ третій разъ употребить то-же губительное средство, но казаки, быстро поднявшись къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ онъ, на небольшой каменной площадкѣ, не дали ему исполнить сего намѣренія. Начался смертный бой. Гатальча, схвативъ копье, направилъ его противъ Паршина, занесшаго руку на площадку, дабы на нее взобраться; но неустрашимый и проворный потомокъ желѣзнаго племени, схвативъ копье и крѣпко держась за него, вскочилъ такимъ образомъ, съ невольною помощію самаго непріятеля, на площадку, и нанесъ ему ужасный ударъ саблею. Гатальча успѣлъ однако-жъ отъ него нѣсколько уклониться, и получивъ рану только вскользъ по рукѣ, схватилъ казака за грудь, и вонзилъ ему въ бокъ смертоносную чекушу, съ ужаснымъ крикомъ: «Пропадай врагъ!» Но въ то же мгновеніе и самъ вкусилъ смерть: Безшабашный, съ быстротою сокола, вскочивъ за Паршинымъ, ударилъ Кам-

чадала прикладомъ по головѣ, и отважный дикарь, послѣдняя отрасль славнаго Шантала, превозносимаго въ Камчадальскихъ сагахъ, кончилъ свои отчаянные подвиги. Отуманенный ударомъ, онъ качнулся въ сторону, не выпустивъ, однако жъ, изъ рукъ своей жертвы, какъ бы по невольному, судорожному движенію, и съ повтореннымъ ударомъ, покатился вмѣстѣ съ нею въ пропасть, означая свой путь кровавою полосою. Смерть сихъ воиновъ произвела совершенно различныя чувствованія въ сражающихся: Камчадалы вовсе потеряли духъ, а Русскіе, по чудной доблести нашего народа, съ увеличившеюся опасностію при потерѣ начальника, еще болѣе ободрились, совершенно позабыли сами себя и дружно кинулись на гору, презирая летящіе на нихъ сверху камни и стрѣлы, и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Это твердое, безмолвное презрѣніе смерти, эта стихійная, нечеловѣческая храбрость, совершенно обезумили Камчадаловъ: пораженные болѣе нравственно, нежели физически, они не были въ состояніи долѣе сопротивляться, не смотря на превосходство своего ни числа, ни положенія, и съ отчаяннымъ воплемъ бросились на вершину горы, дабы потомъ сбѣжать на уступъ, въ свое ста-

новище. Казаки также вбѣжали на гору вслѣдъ за ними, и схватили съ плечь ружья; тоже самое сдѣлали и товарищи ихъ, оставшіеся на противоположной горѣ, и увидѣвши ихъ появленіе; но тѣ и другіе, приложившись къ ружьямъ, внезапно остановились въ семъ положеніи, пораженные ужасомъ и изумленіемъ. Предъ ними открылась страшная, раздирающая сердце картина. Каждый изъ Камчадаловъ, схвативъ свою жену, или сына, или дочь, и занеся надъ ними ножъ, ожидалъ только перваго знака отъ стоявшаго между ними съ бубномъ шамана, чтобы поразить ихъ прямо въ сердце. Шаманъ, находившійся въ какомъ-то безумномъ, дикомъ изступленіи, наконецъ сверкнулъ кровавыми глазами, ударилъ въ бубенъ—и ножи разомъ мелькнули, озаренные краснымъ пламенемъ зари: ужасный, удушающій, но мгновенный вопль раздался въ воздухѣ; кровь хлынула ручьями съ утеса!

Казаки, сколько ни были неустрашимы въ битвахъ, но при семъ ужасномъ зрѣлищѣ невольно затрепетали. Безшабашный, первый, выйдя изъ состоянія изумленія, бросился было, чтобы остановить сіе варварское торжество, но не успѣлъ: жертвы покатились по утесу, а потомъ

и сами убійцы съ крикомъ неизъяснимаго, дикаго, но отчаянно-радостнаго изступленія, взмахнувъ кверху руками, какъ-бы въ знакъ предания себя волѣ Высшаго Духа, бросились всѣ разомъ съ утеса, и только одинъ шаманъ полубольной и полубезумный, не боясь и не понимая человѣческаго мщенія, остался отъ всего племени, какъ обломокъ отъ разбитаго бурею корабля, и какъ привидѣніе чернѣлъ на утесѣ при первыхъ лучахъ восходившаго солнца. Казаки не сочли нужнымъ вести его съ собою, и удалясь съ мѣста побоища, долго слышали его бубенъ и безумные крики, коими онъ провожалъ, казалось, души своихъ родовичей въ безвѣстное владычество *Гаеча*. Наконецъ бубенъ умолкъ, и въ пустынѣ, на минуту возмущенной буйными существами, злостно и безумно отнимающими другъ у друга и безъ того кратковременное бытіе, опять воцарилось вѣчное и невозмущаемое безмолвіе!

По возвращеніи казаковъ въ опустѣвшій Куюхченъ, Погремушкинъ пришелъ въ большое затрудненіе, не зная, какъ и что написать о слѣдствіи; но смѣтливый товарищъ его, безподобный Сумкинъ, тотчасъ вывелъ его изъ затрудненія.

«Помилуйте, Петръ Ѳедоровичъ! Да чѣмъ тутъ затрудняться? Господи твоя воля! Да развѣ перо-то не въ нашихъ рукахъ? Развѣ нельзя заставить его, чтобы оно заговорило за всѣхъ Камчадаловъ, какъ намъ надобно, да потомъ наставило у каждаго допроса *сайдаки* со стрѣлами (*)? Вотъ вамъ и слѣдствіе!»

Погремушкинъ мрачно посмотрѣлъ на Сумкина, и махнувъ рукой, сказалъ холодно: «Ну дѣлай, какъ хочешь!

Такимъ образомъ, по слѣдствію, протопопъ и мичманъ оказались совершенно виновными въ смерти Тенявы и въ подученіи Камчадаловъ, а Зуда и въ дѣятельномъ участіи въ бунтѣ, остановленномъ при самомъ началѣ, безъ особенныхъ послѣдствій, благоразумными и кроткими мѣрами гг. слѣдователей. Антонъ Григорьевичъ, донося о семъ губернатору, испрашивалъ имъ, *въ поощреніе къ дальнѣйшему усердію по службѣ и въ примѣръ другимъ, за дѣятельность, неутомимость и безкорыстіе*, приличное награжденіе, особенно настоялъ о выдачѣ имъ годоваго оклада, *въ уваженіе ихъ бѣднаго состоянія и малаго жалованья, коимъ-де они не въ состоя-*

(*) Иновѣрцы вмѣсто своей подписи ставятъ знакъ: лукъ со стрѣлою, положенною на тетиву.

ніи пропитываться, имѣя на своемъ попеченіи большія семейства. Къ несчастію его, подобныя казенныя фразы, коими такъ много злоупотребляютъ слабые и безчестные люди, не могли обмануть тогдашняго иркутскаго губернатора, о которомъ мы уже упоминали выше. Прочитавъ означенное донесеніе, *Кличка*, отмѣтилъ на немъ: *оставить до окончанія ревизіи въ Камчаткѣ.*

Но не столько сія ревизія, стѣсненная болѣе или менѣе формами, какъ безпристрастный судъ преданія раскрылъ страшныя дѣянія, нами описанныя. Давно сказано, что гласъ народа есть гласъ Божій. Сколько бы осторожное лицемѣріе ни укрывалось отъ преслѣдованій закона, но оно не въ силахъ утаиться отъ преслѣдованій *общаго толка.* Сей всезрящій и всевѣдущій судія проникаетъ въ глубочайшіе изгибы сердца, обнаруживаетъ сокровеннѣйшія пружины дѣяній, и выясняетъ темнѣйшія тайны. На грозномъ судѣ его нѣтъ ни лицепріятія, ни пощады — и вы, надѣющіеся избѣгнуть наказанія, установленнаго закономъ, трепещите: есть общее мнѣніе, есть презрѣніе и проклятіе народа!

XIX.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗЛОДѢЕВЪ.

Начальникъ, получивъ письмо отъ фельдшера о смерти своей жены, въ первый день Пасхи поутру, во время собранія у него поклонниковъ, вышелъ къ нимъ изъ кабинета съ самымъ ужаснымъ лицемъ. Оно было подернуто какою-то синею тѣнью, изображавшею болѣе раскаяніе убійцы, нежели притворную скорбь, какую лицемѣръ старался показать. Во всякомъ другомъ случаѣ, онъ не поскупился бы на обильныя слезы, дабы лучше представить видъ печалящагося, но тутъ не могъ сего сдѣлать: адское мученіе совѣсти и невольное опасеніе преступника,

терзавшее его душу, были слишкомъ сильны для того, чтобы вполнѣ выдержать принятую имъ ролю. Но между тѣмъ сіе страшное состояніе души грѣшника также привело присутствовавшихъ къ выгодному для него заключенію: оно было принято за дѣйствіе величайшей, безслезной горести. Обозрѣвъ безсмысленное и покорное стадо, и не встрѣтивъ ни одного смѣлаго и проницательнаго взора, начальникъ ободрился, и какъ бы задыхаясь отъ скорби, сказалъ предстоявшимъ: «Да! тяжко потерять жену во всякомъ случаѣ, а особенно теперь мнѣ, въ такой отдаленности, гдѣ она замѣняла мнѣ все!» Слышавшіе сіи трогательныя слова, желая показать, что они сердечно раздѣляютъ съ нимъ его печаль, сдѣлали каждый по самой плаксивой гримасѣ и тяжело воздохнули.

Съ недѣлю послѣ сего Антонъ Григорьевичъ не выходилъ никуда изъ дому, и большую часть сутокъ проживалъ за Библіей. Никто не сомнѣвался въ его благочестивыхъ чувствованіяхъ и размышленіяхъ, кромѣ одного Всевѣдающаго.

Между тѣмъ пріѣхалъ съ горячихъ водъ вѣрный агентъ его, фельдшеръ и благочестивый отшельникъ имѣлъ слѣдующій разговоръ съ симъ мошенникомъ, который, гордясь оказанною

имъ своему повелителю кровавою услугою, и считая его уже не столько начальникомъ, какъ товарищемъ въ злодѣйствѣ, слѣлался гораздо смѣлѣе прежняго въ обращенія съ нимъ.

— Вотъ видите, ваше высокоблагородіе — говорилъ онъ, смотря на подписываемое Антономъ Григорьевичемъ извѣстное представленіе о наградѣ слѣдователей — другихъ вы представляете къ наградамъ, а, кажется, и меня пора бы....

«И тебя?» — перебилъ начальникъ, взглянувъ на него съ насмѣшливою улыбкою.

— Да что же вы изволите смѣяться? Конечно; чѣмъ же я хуже другихъ?

«А къ чему прикажешь тебя представить?»

— Какъ, къ чему? Вѣдь, кажется, давно уже я стою на офицерской линіи...

«Вотъ чего тебѣ захотѣлось! Стало-быть, ты позабылъ, что во время оно...»

— Да помилуйте! Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! Вѣдь, если сказать правду, такъ вашъ честнѣйшій секретарь и господинъ засѣдатель давнымъ-давно то же бы вытерпѣли, кабы не имѣли офицерскихъ чиновъ, да открылись бы всѣ ихъ плутни...

»Послушай, Алексѣй: ты, во-первыхъ, го-

ворить слишкомъ дерзко для начальника, а во-вторыхъ, и не по-христіански: знаешь, велѣно не только ближнихъ, но и...»

— Знаю, знаю, ваше высокоблагородіе! Я и люблю ихъ обоихъ; да развѣ бы имъ вредъ бы какой причинился, если бы вы изволили и меня тутъ же приписпуть: вѣдь, дѣло-то я сдѣлалъ, а барыша-то не много!

«Не много, а билеты?»

«Да, сударь, билеты! Не тутъ-то было!

«Что же это значитъ?»

— Да то, ваше высокоблагородіе, что мнѣ ихъ и во снѣ не видать. Признайтесь, ваше высокоблагородіе: ужъ, вѣрно, вы изволили пошутить надо мною?

«Я вижу, Алексѣй — отвѣчалъ начальникъ, вспыхнувшій отъ злобы, но стараясь сохранить видъ спокойствія — ты, кажется, сегодня въ хорошемъ расположеніи духа!»

— Напротивъ, въ самомъ худомъ, ваше высокоблагородіе, и былъ и буду, если не изволите удовлетворить моей просьбы.

«То есть, представить тебя въ офицеры?»

— «Да-съ!»

«Хорошо, ты будешь представленъ; но довольно объ этомъ. Что твои больные?»

— Ничего, сударь! Мичманъ лежитъ въ общей арестантской, а внучку протопопа я велѣлъ перенести въ домъ казака Горбунова.

«А хорошо ли караулятъ ихъ? Смотри: пока они больны, такъ на твоемъ отчетѣ. Ну какъ они теперь?»

— Оба въ страшной горячкѣ, ваше высокоблагородіе, совсѣмъ безъ памяти.

«А что, протопопъ не приходилъ къ своей внучкѣ?»

— Приходилъ вчера. Да какими судьбами, ваше высокоблагородіе, онъ разгуливаетъ у васъ на волѣ, какъ правый?...

«Нельзя, братецъ, особа духовная: тутъ надобно дѣйствовать осторожно. Я ожидаю увѣдомленія изъ Иркутска. Увидимъ, куда вѣтеръ потянетъ. Ну что же этотъ калуеръ, когда увидѣлъ внучку?»

— Смѣхъ и горе, ваше высокоблагородіе! Признаюсь, не хотѣлъ-было пускать его; хотѣлъ сказать, что нельзя: испугаешь; ну да такъ и быть, думалъ, пусть полюбуется!

«Что жъ онъ, плакалъ что ли?»

— Нѣтъ! Хоть бы те слезинку выронилъ! Этакой чугунъ! Только положилъ близъ кровати три поклона въ землю, прочиталъ надъ

больною молитву, и взглянувъ на небо, перекрестилъ ее, и сказалъ: «Богъ да сохранитъ и защититъ тебя, дитя мое, и да проститъ твоихъ гонителей!»

«Ха, ха, ха! — засмѣялся невстовымъ смѣхомъ начальникъ. — Пусть охраняетъ ее кто хочетъ, но она теперь въ моихъ рукахъ!.... А что мичманъ?»

— Этотъ безпрестанно бредитъ: все матушка, да матушка! Знаете ли, что я совѣтывалъ бы вамъ? Не подать ли ему того же снадобья, которое...

«Ты, Алексѣй — прервалъ начальникъ съ негодованіемъ — сегодня слишкомъ смѣлъ!»

— Да что церемониться, ваше высокоблагородіе? Вѣдь для васъ же очищаю дорогу...

При семъ словѣ вся тяжесть сообщничества съ подчиненнымъ и неизбѣжно сопряженная съ нею унизительная зависимость отъ него, какъ бы ударили въ сердце злодѣя-начальника. «Бестія! — думалъ онъ, вскочивъ съ мѣста и начавъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ — онъ зазнался, и можетъ быть мнѣ опасенъ; но я найду еще способъ накинуть на него узду, и заковать его мерзкой языкъ.»

— Ужъ не на меня ли изволили прогнѣ-

ваться? — спросилъ нѣсколько струсившій фельдшеръ, по прежней привычкѣ своей бояться Антона Григорьевича, и давно изучившій всѣ пріемы сего послѣдняго.

«На тебя? — отвѣчалъ Антонъ Григорьевичъ, силившись принять ласковый видъ. — Съ какой стати? Нѣтъ, Алексѣй, я столько доволенъ твоимъ усердіемъ, что грѣшно бы было на тебя сердиться. Я надѣюсь, что ты и впередъ не откажешься мнѣ послужить столь же ревностно.»

— Будьте увѣрены, ваше высокоблагородіе!

«Я никогда и не сомнѣвался въ этомъ... Но скажи мнѣ, пожалуйста: точно ли Караулиха называла себя матерью мичмана?»

— Вѣдь я докладывалъ вашему высокоблагородію, что это было при моихъ глазахъ.

«Странное дѣло! Мнѣ хочется хорошенько узнать объ этомъ. Пойдешь отъ меня, такъ скажи ей, чтобы она сегодня же побывала у меня.»

По уходѣ фельдшера, начальникъ, по обыкновенію своему, началъ мѣрными шагами ходить по кабинету, съ поникшею головою и съ руками, заткнутыми за поясъ. Спустя съ пол-

часа, вошла Цыганка, и принявъ на себя самый смиренный видъ, стала у дверей, такъ что свѣча, тускло горѣвшая на столѣ, весьма слабо освѣщала ея темное лице. Начальникъ, остановившись въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, устремилъ на нее самый внимательный взоръ и, казалось, приводилъ что-то на память; наконецъ сказалъ ей значущимъ голосомъ: «Караулиха! ты должна разсказать мнѣ происшествія твоей жизни. Признаюсь: я смотрѣлъ на тебя прежде безъ особеннаго вниманія; но теперь нахожу въ чертахъ твоихъ что-то знакомое.»

— Помилуйте, батюшка ваше высокоблагородіе, гдѣ намъ, людямъ бѣднымъ, быть знакомыми съ вашею милостію!

«Притворство твое не у мѣста — прервалъ начальникъ строгимъ тономъ. — Я имѣю тысячу способовъ узнать правду; но прежде хочу спросить у тебя самой: точно ли ты Русская?»

— Да чѣмъ же мнѣ быть иной?

«Не живала ли ты когда-нибудь въ Бухарестѣ?»

— Гдѣ живать, батюшка! Я этого и имени-то не слыхивала.

«Я тебѣ еще подтверждаю, старуха: говори правду, чтобы послѣ не каяться.»

— Правду, сущую правду говорю вашей милости.

«Странное дѣло! — думалъ начальникъ, начавъ опять ходить по комнатѣ. — Въ чертахъ этой женщины есть весьма много сходнаго съ тою Цыганкою, съ которою я познакомился въ Бухарестѣ, и съ которой я, признаться, поступилъ не совсѣмъ честно... Но впрочемъ, кто жъ не шалилъ въ молодости? И что вспоминать старыя дрязги? Довольно и новыхъ! Не даромъ сказано: *довлѣетъ дневи злоба его!*»

— Гдѣ же твоя родина, старуха? — спросилъ начальникъ, вдругъ обратившись къ Цыганкѣ.

«Въ Иркутскѣ, отецъ родной!»

— Въ Иркутскѣ? — повторилъ начальникъ съ грознымъ видомъ. — И ты смѣешь такъ нагло врать?

«Не вру, батюшка! Повѣрь Богу: говорю правду!»

— Но если ты не лжешь, то какимъ чудомъ мичманъ могъ быть твоимъ сыномъ? Ты сама такъ называла его.

«Отецъ родной! — вскричала Цыганка, упавъ въ ноги начальнику — прости меня,

многогрѣшную! Я вижу теперь, что должна тебѣ во всемъ покаяться: я ссыльная.»

— Ты ссыльная! — повторилъ начальникъ съ нѣкоторымъ ужасомъ — и, стало быть, догадка моя справедлива?

«Нѣтъ, батюшка, вотъ-те всѣ Святые, нѣтъ! Я родилась въ Петербургѣ. Батюшка и матушка умерли, когда я была еще ребенкомъ. Я осталась на своей волѣ, а своя воля молодому человѣку, батюшка — кто этого не знаетъ? — сущая пагуба! Къ тому же попалась на худыя руки, а поучить уму-разуму было некому. Вотъ я и пошла по мытарствамъ. Охъ, тяжело, какъ вспомню, сколько грѣховъ на душу пало!»

— Ну, хорошо! — прервалъ начальникъ суровымъ голосомъ — ты можешь и не вспоминать о старыхъ грѣхахъ и разсказывать проворнѣе.

«Такъ къ слову пришлось, отецъ родной! Ну вотъ видите, на двадцатомъ году у меня родился сынишко. Думала было пехнуть его въ Воспитательный, да жаль стало; нѣтъ ужъ, молъ, что ни будь, а не покину свое дѣтище. Вотъ и таскала его съ собой лѣтъ до девяти, батюшка, да называла чужимъ, и самому-то ему не сказывала, что онъ мой сынъ, а все толковала: ты-де

покраденъ у другихъ. Напослѣдокъ — вѣдь горе-то, батюшка, не за горами, а за плечами — за чѣмъ пойдешь, то и найдешь — напослѣдокъ, отецъ родной, попала я подъ уголовную, и — знаешь: материнское сердце! — задумала: лучше-де вовсе откажусь отъ сынишка, чѣмъ губить его вмѣстѣ съ собою, и показала, что онъ-де не сынъ мой, а къ тому же навернулся добрый человѣкъ, который захотѣлъ призрѣть его. Вотъ, батюшка, всѣ мои похожденія. Я сказала все безъ утайки. Хоть вѣрь, хоть не вѣрь!...»

Начальникъ, обладавшій умомъ хитрымъ и проницательнымъ, не могъ съ безразсудною довѣрчивостію положиться совершенно на слова разскащицы, особенно при извѣстности ея характера и поступковъ; но, по лукавому правилу сердца, одержимаго страстію: вѣрить тому, чего желаешь, онъ старался заглушить голосъ совѣсти и разсудка; ибо зная предсмертный разговоръ своей жены съ мичманомъ, онъ не столько желалъ, сколько страшился найти въ немъ своего сына.

— Но если я спрошу самого мичмана — сказалъ онъ, сохраняя болѣе наружный видъ недовѣрчивости — и если откроется что-нибудь тутъ преступное. . . .

«Изволь, батюшка, спрашивать, сколько вамъ угодно; но вы изволили видѣть изъ моихъ словъ, что онъ и самъ хорошенько не знаетъ, что я его мать».

— Это правда! Но скажи мнѣ: тебѣ не жаль, что онъ попался въ бѣду?

«Какъ не жалѣть, батюшка! — воскликнула Цыганка съ притворными слезами, упавъ въ ноги начальнику. — Защити его, родимый! Вѣдь, что еще онъ: молодо, зелено! Будь его отецъ родной: сжалься надо мною горемышною!»

Начальникъ, не смотря на всѣ злоухищренія сердца, не престававшій сомнѣваться въ повѣствованіи Цыганки, съ ужасомъ посмотрѣлъ на ея притворную жалость; но не имѣвъ силы вдругъ отказаться отъ исполненія своихъ преступныхъ замысловъ, и готовый пожертвовать для удовлетворенія страсти всѣмъ священнымъ, онъ сказалъ ей съ неподражаемымъ равнодушіемъ: «Встань, Караулиха! Я постараюсь объ немъ сколько могу.»

— Заставьте за себя вѣчно Бога молить! — говорила Цыганка, вставая и всхлипывая отъ слезъ.

«Хорошо, что ты принимаешь такое участіе въ сынѣ — сказалъ начальникъ по нѣкоторомъ

молчаніи, съ насмѣшливою улыбкою;—но, говорятъ, что ты не ко всѣмъ дѣтямъ своимъ была такъ жалостлива.»

— Кто это смѣетъ говорить? — спросила Цыганка, вдругъ измѣнивъ свой голосъ.

«Твой пріятель, фельдшеръ!»

— Онъ?

«Да, онъ. Но это еще не все. Онъ сказывалъ про тебя вещи самыя ужасныя, и, если бы я довѣрялъ этому мошеннику....»

— Что же онъ говорилъ тебѣ? — прервала Цыганка, начиная приходить въ бѣшенство.

«Онъ сказалъ мнѣ, что ты, а не внучка протопопова, отравила мою жену, и что ты только сдѣлала на нее отводъ. Если это правда: то...»

— Такъ что же ты сдѣлаешь со мною?

«То, что велитъ строгость законовъ съ подобными злодѣями?»

А — ты — возопила Цыганка, давъ наконецъ полную волю потоку яростной злобы, таившейся въ ея груди — а ты, развѣ не такой же злодѣй, какъ и я? Развѣ не по твоему приказанію....»

«Ты, вижу я, сумасшедшая! — вскричалъ начальникъ, также внѣ себя отъ злобы. — Я

велю тебя посадить на цѣпь и заморить, какъ собаку.»

— Лицемѣръ и убійца! кричала Цыганка, предавшись совершенно изступленію — ты призвалъ меня, видно, для того, чтобы надо мной наругаться? Но я не такова! Я не боюсь твоей гнусной власти!

«Не раскайся! Отъ меня зависитъ открыть убійство твоихъ дѣтей!»

— Глупецъ! ты поручалъ уже твоему сообщнику запугать меня этимъ, и думаешь, что я въ самомъ дѣлѣ по этому исполнила твою подлую волю. . . . Ошибаешься, злодѣй: я готова на все! Я пойду и объявлю свое злодѣяніе, но и тебя, убійца, заставлю мучиться вмѣстѣ со мною!

«Постой, фурія! — вскричалъ начальникъ, устрашенный, какъ преступникъ, сею страшною запальчивостію Цыганки и совершенно растерявшійся въ сей неожиданный моментъ. Онъ схватилъ ее за воротъ и вдернулъ обратно въ свою комнату. — Постой! я вижу: ты сумасшедшая, и въ бѣшенствѣ своемъ готова наслушить всю Камчатку.»

— Пусти! Ты хочешь меня застращать!

«Безумная! кто тебѣ это сказалъ! Я хотѣлъ только открыть козни противъ тебя мошенника

фельдшера, но я ни когда не позволю клеветать на невинныхъ. Я знаю, что онъ плутъ. . . . »

— Такой же, какъ ты!

«Караулиха! мнѣ давно сказывали, что ты выходишь по временамъ изъ себя: вотъ почему я не могу на тебя сердиться. Но признаюсь, тебѣ: я хотѣлъ бы отдѣлаться какъ-нибудь отъ этого мерзавца. Я даже слышалъ, что онъ обманулъ и тебя. Обѣщалъ много, и не далъ ничего. . . . »

— Да, меня обманули — отвѣчала Цыганка, начинавшая успокоиваться; — но не знаю, который изъ васъ: ты на него, а онъ на тебя сваливаетъ эту вину.

«Подлецъ! Неблагодарный! Клянусь Богомъ: я дорого бы заплатилъ тому, кто бы меня отъ него избавилъ!»

— Тутъ не нужно платить слишкомъ дорого! — подхватила Цыганка съ злобною усмѣшкою, всегда готовая на погибель другаго и находя адское удовольствіе въ смертныхъ грѣхахъ своего обольстителя. — Это дѣло всего стоитъ двадцать копѣекъ! Такъ и быть, не пожалѣю! Отдамъ послѣдніе!

«Нѣтъ, Караулиха! — подхватилъ начальникъ такимъ голосомъ, какъ бы онъ не понималъ на-

мѣренія Цыганки, и какъ бы она говорила о какомъ-нибудь добромъ дѣлѣ. — Я не хочу, чтобы бѣдный человѣкъ для меня тратился; вотъ тебѣ десять рублей! *Богъ велѣлъ намъ помогать ближнему.*»

— Богъ! Помогать ближнему! Ха, ха, ха!

«Что же тебѣ смѣшно?»

Цыганка продолжала хохотать. Начальникъ долго крѣпился, но наконецъ и самъ расхохотался надъ своимъ лицемѣріемъ. Въ этомъ смѣхѣ отзывались адскіе тоны.

«Мы съ тобой, Караулиха — сказалъ, наконецъ, начальникъ — кажется, вѣкъ свой оба уже отжили, и дурачимся, какъ ребята; смѣемся, сами не зная чему.»

—Теперь смѣемся, а придетъ время, будемъ плакать! — отвѣчала Цыганка двузнаменательнымъ тономъ.

«Это правда! — говорилъ начальникъ, не понявъ въ точности значенія словъ ея, и между тѣмъ принявъ на себя обычную ролю святоши. — Всему есть время подъ солнцемъ! Жизнь бѣжитъ, какъ вода; потому-то и надобно дѣлать добро наскоро. Знаешь ли, что придумалъ я? Фельдшеръ хоть, правда, и великій негодяй, но до нѣкотораго времени онъ мнѣ нуженъ. Между-тѣмъ

мнѣ хочется и тебя-то обезопасить со стороны его, на тотъ случай, если бы онъ вздумалъ тебя оклеветать, когда пріѣдетъ сюда ревизоръ. Я думаю вотъ какъ: подпиши-ка ты эту бумагу. Я нарочно ее для тебя приготовилъ. Это показаніе отъ твоего лица, что онъ подговаривалъ тебя отравить мою жену, чтобы потомъ ее обокрасть. Я до времени подержу эту бумагу у себя, и пущу ее въ ходъ, когда понадобится. Ну, что же ты не отвѣчаешь ничего?»

Цыганка въ свою очередь пришла въ изумленіе, удивляясь безднѣ коварства, хитрости и злодѣйства, въ лицѣ своего стариннаго знакомца, и, измѣривъ его глазами, покачала головой и молча подписала бумагу.

— Ну, спасибо, Караулиха! Поди же, да смотри хорошенько за внучкой протопопа. Я отдаю тебѣ ее на попеченіе: ты умѣешь обходиться съ больными. Она необходима для объясненія дѣла и, Боже сохрани, если умретъ!

Цыганка, продолжая сохранять молчаніе, вышла изъ комнаты, и идучи по улицѣ, говорила сама съ собой: «Хорошо, мошенникъ! губи, какъ умѣешь, твоихъ сообщниковъ. Я подпишу тысячу бумагъ на нихъ и на себя, лишь бы онѣ не помѣшали мнѣ погубить самого тебя.»

Между-тѣмъ, начальникъ сѣлъ за столъ, и положивъ предъ собой ея показаніе, глядѣлъ на него съ усмѣшкою. «Теперь, господинъ фельдшеръ и эта старая чертовка въ моихъ рукахъ! Перваго я могу такъ состращать этою бумагою, въ случаѣ нужды, что онъ и рта разинуть не посмѣетъ передо мною, а послѣдняя уже не можетъ пугать меня своимъ признаніемъ, хотя бы тысяча ревизоровъ пріѣхала!.... Но чортъ возьми, если эта проклятая вѣдьма только запирается, и если она въ самомъ дѣлѣ была нѣкогда тою молодою, прекрасною дѣвушкою, которая казалась мнѣ такъ хороша, такъ мила и даже такъ добродѣтельна, что я влюбился въ нее безъ памяти, и не иначе могъ склонить ее на свою сторону, какъ только тѣмъ, что далъ съ клятвою обѣщаніе на ней жениться! Да, если это въ самомъ дѣлѣ она: то, смотря на нее, едва ли кто отважится похвалиться постоянствомъ своей добродѣтели?.... Э! всѣ эти люди добродѣтельные хороши только до перваго случая!»

Изъ библіотеки К. Я. Гадебовскаго

XX.

РАСКАЯНІЕ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней іюня, весьма рано поутру, шелъ по берегу Петропавловской гавани, пробираясь къ *Авачинской губѣ*, человѣкъ довольно высокаго роста и преважной осанки. Повидимому, онъ вышелъ полюбоваться природою: ибо шелъ шагъ за шагомъ, и самое неумѣренное, даже глупое восхищеніе изображалось на его лицѣ. Поводя во всѣ стороны вздернутымъ кверху носомъ, онъ, казалось, хотѣлъ вытянуть весь ароматъ изъ воздуха и съѣсть окружавшую его картину. Она въ самомъ дѣлѣ была и прелестна и величественна: ибо съ на-

ступленіемъ іюня прошла мартовская погода, и житель Камчатки благословилъ, наконецъ, благодатное явленіе лѣта. Березовыя рощи, можно сказать, мгновенно распустившіяся, толпились на пути незнакомца, наполняя воздухъ своею благотворною свѣжестью. Холмы и долины, по которымъ проходилъ онъ, были одѣты молодою зеленью и убраны цвѣтами, между коими преимущественно красовалась оранжевая сарана, сколько прелестная, столько же и полезная въ быту камчатскаго обитателя (*).

Незнакомецъ взошелъ на одинъ изъ холмовъ, и, обозрѣвъ окрестности, обратился неподвижно къ зрѣлищу восхожденія солнца. Волны свѣта выбѣгали изъ безднъ свѣтозарнаго Востока, обливавшаго пламенемъ небо и море. Съ каждымъ приливомъ свѣта, и лѣса и горы, какъ бы поочередно, выходили изъ небытія и являлись взору другъ за другомъ, въ постепенной отдаленности. Наконецъ золотой лучъ загорѣлся на вершинѣ *Авачинскаго шатра*, и милліоны птичекъ, почувствовавъ явленіе въ міръ царя жиз-

---

(*) Корни сараны сушатъ на солнцѣ и кладутъ въ кашу, пироги и толкушку.

ни, привѣтствовали его своимъ пѣніемъ. Восторженный до безумія симъ величественнымъ зрѣлищемъ, равно поражающимъ глупца и мудраго, незнакомецъ, наконецъ, воскликнулъ съ жаромъ: «O natura divina! (О Божественная природа!) Люблю тебя, поклоняюсь тебѣ, уважаю и чту! Въ тебѣ все такъ чинно, стройно, благоприлично, не какъ въ дѣлахъ человѣческихъ!.... Ахъ, Владыко! Хоть на себя я взгляну.... Что я? До сихъ поръ я еще не порѣшилъ себя! Самъ не знаю, что мнѣ выбрать?»

Говоря сіе, незнакомецъ спустился съ холма и пошелъ обратно, продолжая разсуждать вслухъ съ самимъ собою. «Словно злой духъ какой подбрасываетъ мнѣ полѣна! Хотѣлъ жениться — не могу, сударь, ни какъ рѣшиться, да и полно! Сегодня нравится одна, завтра другая! Начинаю свататься — не отдаютъ: внѣ себя отъ отчаянія; начали соглашаться — тогда самъ я отказываюсь. Знаю, что бѣсятся на меня, но мнѣ-то что же дѣлать?.... Теперь наступила еще горшая бѣда; выборъ званія! По милости фельдшера, я теперь имѣю честь засѣдать въ судѣ; но что же мнѣ дѣлать? рѣшительно ли перейти въ статскую, или оставаться въ духовномъ званіи? и здѣсь еще новая задача: быть ли свя-

щенникомъ, или обречь себя на вѣчное одиночество и сдѣлаться монахомъ? О какая мудрость потребна, чтобы разрѣшить этотъ Гордіевъ узелъ! Тамъ широкая и пространная дорога къ повышенію, за то скудное содержаніе; тутъ бы и порядочный доходъ, да нѣтъ ни какой пищи для честолюбія: засѣлъ въ одно мѣсто, такъ и сиди до скончанія вѣка; въ монашенскомъ званіи, правда, сіи выгоды сливаются, такъ можно ли, при моемъ чувствительномъ сердцѣ, отказаться отъ утѣхъ семейственнаго счастія? Какъ согласить всѣ эти противорѣчія? Quo me vertam? quod iter incipiam ingredi? quam vivendi viam ingrediar insistem? (Куда мнѣ обратиться? какую дорогу избрать? какой родъ жизни выбрать?) Блаженны неразсуждающіе! Между-тѣмъ, какъ они идутъ безъ запинки по пути жизни, и слѣпо добиваются почестей и богатствъ, человѣкъ съ геніемъ, какъ напримѣръ, я, человѣкъ, любящій глубоко проникать въ сущность вещей, останавливается при началѣ поприща и не знаетъ: куда ему пуститься....»

— Сюда, сюда! — прокричалъ съ боку голосъ. — Тутъ прямо-то болото: если упадешь, такъ увязнешь по уши!

«Ахъ, въ самомъ дѣлѣ!» — вскрикнулъ дья-

чекъ, и взглянувъ въ сторону, увидѣлъ выходящаго изъ лѣса фельдшера.

— Куда такъ раненько собрался, Климъ Степанычъ? — спросилъ сей послѣдній. — Ужъ не шашни ли завелись какія? и смотри какъ поднарядился: красный кафтанъ и голубые штаны! Молодецъ! Дура же только эта внучка протопопова!

Дьячекъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на одежду, въ которую онъ облачился, по случаю намѣренія своего оставить духовное званіе. Онъ прибодрился фертомъ, и выфранчивая самымъ смѣшнымъ образомъ, заплеталъ и косилъ ногами.

— Славно, славно, Климъ Степанычъ! — продолжалъ фельдшеръ, идучи съ нимъ рядомъ. — Вотъ ужъ теперь ты, можно сказать, что женихъ во всей формѣ, особенно еще какъ офицерской чинишко схватишь, такъ...

«То-то, братъ, меня еще и раздумье беретъ: не знаю еще, идти или не идти въ статскую?»

— Помилуй, любезный, что же тебѣ думать, когда ужъ ты и прошеніе подалъ?»

«Такъ что же? развѣ не льзя взять назадъ? Это, братъ, я ужъ не разъ дѣлывалъ! сперва подашь, а тутъ и раздумаешься.»

— Полно, полно, не срами себя! Что, тебѣ хочется опять надѣть свой долгополый балахонъ? посмотри-ка ты теперь на себя въ зеркало: молодецъ! хоть кому, такъ женихъ!

«Хо, хо, хо! — засмѣялся дьячекъ во все горло. — Женихъ-то женихъ, да невѣсты-то нѣтъ!»

— Какъ нѣтъ? а внучка протопопа?

«Да, внучка, пойдетъ! нѣтъ, я отчаялся.»

— А я тебѣ скажу, что не надо отчаяваться. Начальникъ самъ мнѣ сказывалъ, что на этихъ дняхъ поѣдетъ къ протопопу и будетъ настаивать, чтобы онъ непремѣнно за тебя выдалъ.

«Будто правда?»

— Какъ Бобъ святъ!

«Да, конечно, это было бы хорошо; но знаешь ли: если вникнуть путемъ, то едва ли мнѣ еще и есть большая выгода.»

—Помилуй, Климъ Степанычъ, да вѣдь прежде ты только это спалъ и видѣлъ....

«Прежде такъ, но теперь....»

— А теперь, видно, какъ дѣло начало приходить къ концу, такъ и раздумье взяло.

«Да разсуди же ты самъ: во-первыхъ....»

— Мнѣ тутъ судить нечего, а я просто скажу начальнику, что ты раздумалъ.

«Нѣтъ; погоди говорить. Я подумаю.»

— Ну, думай же, а теперь прощай!

Фельдшеръ свернулъ въ сторону, а дьячекъ, подходя къ дому, занимаемому уѣзднымъ судомъ на время пріѣхавшимъ изъ Нижне-Камчатска, опять началъ разсуждать самъ съ собою: «Вотъ тебѣ на! еще новая задача! раскусывай ее какъ умѣешь! О вы, древніе рѣшители самыхъ трудныхъ задачъ для человѣчества! о Платонъ! о Сократъ! о Сенека! да осѣнитъ меня безсмертный геній вашъ своимъ лучезарнымъ крыломъ, и да....»

— Кутейникъ! — вскричалъ вывернувшійся изъ-за угла мальчишка.

Сіе магическое слово разомъ пресѣкло теченіе дьячковой рѣчи. Онъ, внѣ себя отъ гнѣва, погнался за шалуномъ съ палкою, а мальчишка, бывъ изъ числа подъячихъ, побѣжалъ прямо въ судъ. Дьячекъ за нимъ, и такимъ образомъ оба они скрылись во святилищѣ правосудія, гдѣ обидчикъ и получилъ отъ обидимаго воздаяніе по заслугамъ.

Въ сіе время члены суда, судья и два засѣдателя, были уже въ присутствіи. Судья, баронъ Бутеръ, былъ добрый и честный Нѣмецъ, любившій искренно правду и не бравшій взятокъ

ни подъ какими титлами, словомъ: человѣкъ, какого только можно желать для служенія во храмѣ Ѳемиды; но (какъ говоритъ нашъ знаменитый Крыловъ:

Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ!)

одно было худо въ нашемъ судьѣ, что онъ не умѣлъ ни читать, ни писать по-русски, и только выучился, и то съ превеликимъ трудомъ, кое-какъ подписывать свое имя. Правда, г. баронъ старался всячески скрывать свое невѣжество, и особенно выѣзжалъ на презрѣніи къ русскому языку; но за всѣмъ тѣмъ всякой разъ, какъ приводилось ему подписывать бумаги, чувствовалъ большое неудобство отъ этого пустяка; ибо не разъ случалось, что секретарь возвращалъ ихъ къ нему обратно съ несноснымъ докладомъ: «Вы изволили подписать-съ вверхъ ногами.» Что тутъ оставалось дѣлать барону, какъ не прибирать на нашъ бѣдный языкъ разныя нѣмецкія брани?

Изъ числа засѣдателей одинъ былъ Малороссіянинъ, по уму и по прозванію: *Дураченко.* Онъ составлялъ совершенную противоположность съ

барономъ. Баронъ зналъ все, кромѣ русской грамоты, а Дураченко, кромѣ грамоты, не зналъ рѣшительно ничего; притомъ всякое знаніе почиталъ глупостію, отъ-роду не читывалъ ни одной книги, и это невѣжество ставилъ еще себѣ въ превеликую честь.

Другой засѣдатель былъ Хапиловъ, о которомъ было уже упомянуто выше. Онъ былъ тоже неученъ, но человѣкъ съ здравымъ умомъ и съ знаніемъ своего дѣла, каковы большею частію природные сибирскіе служаки. Хапиловъ, родясь въ Камчаткѣ, тёръ, какъ говорится, лямку лѣтъ тридцать, чтобы добиться высокаго званія засѣдателя: ибо десять разъ открывалась вакансія, и десять разъ садили на нее пріѣзжихъ, по извѣстному выраженію: «*нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ.*» Товарищи же его, какъ легко догадаться и по ихъ происхожденію, были оба пріѣзжіе, и посажены на мѣста, какъ люди отличные, по представленію Антона Григорьевича.

Секретарь сего Ареопага, по прозванію Прижимовъ, былъ самый знаменитый крючекъ по всей Камчаткѣ, плутъ, взяточникъ и пьяница. Судья Бутеръ не разъ грозился выгнать его изъ должности; но, надобно сказать правду, соб-

ственное благоразуміе запрещало ему сіе дѣлать: ибо Прижимовъ замѣнялъ ему не только руку, но и голову. Пользуясь симъ, секретарь презиралъ и угрозами судьи и самою его особою, и ходилъ въ присутствіе постоянно полу-пьянымъ.

По открытіи засѣданія, Дураченко спросилъ вчерашній журналъ, который и былъ поданъ ему секретаремъ. Перелистывая тетрадь съ миною неудовольствія, Дураченко спросилъ секретаря: «кто это писалъ?»

— Вновь опредѣляющійся дьячекъ Шайдуровъ-съ.

«Позовите его.»

Шайдуровъ вошелъ въ присутствіе, и сдѣлавъ легкій поклонъ à la mode, старался подойти къ столу присутствія со всѣмъ искусствомъ, въ полной надеждѣ, что онъ своею ловкостію обратитъ на себя вниманіе начальства; но вдругъ всѣ его лестныя мечты разлетѣлись, какъ дымъ, когда Дураченко грозно спросилъ его:

«Ты это вараксалъ?»

— Я, сударь!

«А что это у тебя, брратецъ, за каракули?»

— Это, сударь, запятыя.

«Чтобъ я никогда не выдалъ ихъ! ты толь-

ко, брратецъ, переводишь чернила. Пыши, какъ я, а не то я тебя подъ арестъ велю посадыть.»

— Да помилуйте, сударь, за что же?

«Такъ ты, брратецъ, еще вздумалъ со мною спорыть. Сторожъ! возьмы его, сными съ него сапоги, да не пускай отсюда цѣлую недѣлю!»

Дьячекъ, пораженный, какъ громомъ, симъ приказаніемъ, не сказалъ ни слова, и только крупныя слезы градомъ покатились изъ его глазъ, когда сторожъ началъ снимать съ него сапоги. Сіе оскорбленіе тѣмъ еще было для него чувствительнѣе, что приказные подняли при семъ случаѣ ужасный хохотъ, такъ что *Дураченко*, выглянувъ изъ присутствія, закричалъ на нихъ: «перестаньте, черти! я со всѣмы вамы сдѣлаю тоже.» Хохотъ стихъ, но за то посыпались на бѣднаго дьячка самыя язвительныя насмѣшки.

— Что, братъ! — говорилъ одинъ изъ старыхъ повытчиковъ — видно, писать-то не въ колокола звонить?

«Да — подхватилъ другой — видно, это не кутья: за одинъ разъ не схлебнешь!»

— Вишь — прибавилъ третій — выѣхалъ со своими крюками! нѣтъ, братъ, здѣсь ихъ не любятъ! По нашему такъ вотъ какъ: захотѣлось табаку нюхнуть, такъ тутъ и точка!

Особенно надоѣдалъ нашему бѣдняку проклятый мальчишка, который, послѣ полученныхъ имъ отъ него побоевъ, сдѣлавшись совершеннымъ его врагомъ, дразнилъ его безъ малѣйшаго отдыха и пощады: «Кутейникъ! знать ноги-то спотѣли, что сапоги снялъ? смотри: мышь бѣжитъ: не отгрызла бы пальцы!» и проч. Разумѣется, что всѣ эти выходки были глупы, какъ нельзя болѣе, но они ужасно терзали злополучнаго и неповиннаго дьячка. Наконецъ, бѣдствіе его достигло высочайшей степени: мимо оконъ суда прошелъ протопопъ, прямо къ воротамъ судебнаго дома. Дьячекъ совершенно обезумѣлъ отъ стыда, и вскочивъ со стула, распахнулъ шкафъ, стоявшій подлѣ печи, и спрятался около нея за шкафною дверью, такъ что только однѣ его босыя ноги выказывались изъ-за нихъ. Протопопъ вошелъ въ комнату; вѣжливо поклонился подъячимъ и не видя сторожа, на сей разъ куда-то усланнаго, спросилъ у одного изъ нихъ: «можно ли доложить объ немъ присутствію?» Подъячій равнодушно поглядѣлъ на него, и опять началъ писать, не удостоивъ его ниже словомъ. Протопопъ спросилъ другаго, и получилъ тотъ же отвѣтъ: эта чудная психологическая черта, которая вовсе неизвѣстна въ высшихъ присут-

ственныхъ мѣстахъ, въ нижнихъ инстанціяхъ, кое-гдѣ, сохраняется еще и донынѣ. Протопопъ, видя, что приказные, не отвѣчая ему, только изрѣдка вспрыскиваютъ отъ смѣха, и не понимая сего причины, рѣшился ожидать сторожа, и сѣлъ на лавку, стоявшую противъ самаго шкафа. Приказные примѣтивъ, что онъ увидѣлъ дьячковы ноги, опять подняли общій смѣхъ, а мальчишка, тихонько вскочивъ со скамьи и подкравшись къ шкафу, вдругъ отпахнулъ дверь такъ, что дьячекъ едва успѣлъ только произнести: ахъ! и, съ смертною блѣдностію на лицѣ, стоялъ, потупивъ голову, какъ пойманный на шалости школьникъ, и не смѣя поднять глазъ на протопопа.

— Ну выходи, красный гусь! — говорилъ мальчишка, издѣваясь надъ его робостію. — Не докуда тебѣ тутъ стоять: ноги отерпнутъ!

«Что это, Степанычъ! — сказалъ протопопъ съ истиннымъ участіемъ — въ какомъ, братъ, положеніи тебя вижу? Вотъ, братъ, какъ случается съ людьми, которые берутся не за свое дѣло! кабы ты пошелъ по духовному званію, да пошелъ съ умомъ: такъ ты вѣкъ-то свой прожилъ бы спокойно, и по крайности такого срама право бы не терпѣлъ! а то захотѣлъ, Богъ

знаетъ, чего, ударился въ доносы, да въ кляузы, и что изъ этого выйдетъ путнаго, Богъ вѣсть!»

Дьячекъ не отвѣчалъ ни слова, но зарыдалъ, и началъ громко всхлипывать. Протопопъ, по отличной добротѣ своей души, глубоко былъ тронутъ его положеніемъ, и забывъ всѣ обиды его, началъ уговаривать съ самымъ отеческимъ расположеніемъ:

«Ну, полно, Степанычъ! Господь милостивъ! Еще такой бѣды нѣтъ, чтобы такъ плакать! Зними-ка ты этотъ красный поддергай, да останься въ прежнемъ: такъ авось дѣла-то поправятся. Ты тогда, какъ приходилъ просить меня, чтобы я написалъ о тебѣ съ Саламатовымъ къ преосвященному, хоть немножко меня и оскорбилъ; однако я все-таки о тебѣ писалъ хорошее, и вотъ съ нынѣшней почтой получилъ отвѣтъ. На-ка, читай!»

Дьячекъ, все еще не смѣя взглянуть на протопопа, взялъ бумагу трепещущею рукою, и едва дочиталъ до половины, какъ выронивъ ее изъ рукъ, вскричалъ самымъ отчаяннымъ голосомъ: «О! это сверхъ силъ моихъ! Если бы меня распилили, расчетвернли, я перенесъ бы это мученіе легче, нежели ваши благодѣянія. Они мнѣ жгутъ и прожигаютъ насквозь сердце!

«Полно, Степанычъ!—прервалъ протопопъ.— Къ чему эти пустяки сбирать?»

— Нѣтъ, отецъ святый, это не пустяки. Я васъ оклеветалъ праваго, а вы виноватаго меня оправили. Охъ, тяжело! Не могу это снести! Прощайте, святый отецъ! Поминайте меня въ вашихъ молитвахъ.

Сказавъ сіе, дьячекъ схватилъ лежавшую на полу веревку, опрометью бросился въ дверь, и сшибъ съ ногъ сторожа, попавшагося ему на встрѣчу. Сторожъ, вскочивъ на ноги, бросился за нимъ, думая, что онъ бѣжалъ отъ ареста; равнымъ образомъ и многіе изъ подъячихъ также кинулись изъ суда, не столько для поимки дьячка, сколько для того, чтобы воспользоваться случаемъ для отлучки отъ должности, и чтобы завернуть по дорогѣ въ свое любимое мѣстопребываніе. Самъ протопопъ также вышелъ за ворота и глядя вслѣдъ за бѣгущими, покачалъ головой, и глубоко вздохнувъ, сказалъ съ горестію: «Бѣдный парень! совсѣмъ погибъ отъ своего высокоумія!»

Между-тѣмъ дьячекъ, отмѣривая преогромные шаги, далеко опередилъ преслѣдовавшихъ его, и, наконецъ, скрылся отъ нихъ въ лѣсу. Онъ обѣжалъ сгоряча всю Петропавловскую

гавань, выбѣжалъ на берегъ *Авачи*, и тамъ, выбравъ толстое дерево, придвигалъ къ нему подмостки, и ставъ на нихъ, привязалъ веревку за сукъ, съ готовою петлею, и потомъ вложилъ въ нее голову; оставалось только столкнуть подмостки и повиснуть. Въ семъ положеніи протекло нѣсколько минутъ; но подмостки все еще были цѣлы: ибо нерѣшительность не покинула своей жертвы и на краю гроба. Дьячка взяло раздумье: не лучше ли утопиться? Около четверти часа онъ высчитывалъ удобства той и другой смерти, и наконецъ, отвергнувъ смерть сухопутную, рѣшился избрать водяную. Съ сею мыслію, онъ вынулъ изъ веревки голову, и проворно соскочивъ съ подмостковъ, бросился прямо къ водѣ. Но между-тѣмъ продолжительность разсужденій чувствительно охладила въ немъ охоту къ смерти, такъ что, взойдя только по колѣно въ воду, онъ впалъ въ новое недоумѣніе: «Не лучше-ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ — говорилъ онъ самъ съ собою — умереть, какъ умирали древніе: сѣсть въ воду и пустить себѣ кровь изо всѣхъ жилъ? Точно! Такъ умеръ великій Сенека, такъ умру и я!» Съ симъ словомъ онъ сѣлъ въ воду, и припоминая себѣ монологъ Катона, дабы умереть по всѣмъ правиламъ древней Философіи,

хватился перочиннаго ножичка, съ помощію котораго хотѣлъ послѣдовать за Сенекою; но, переискавъ во всѣхъ карманахъ, ни гдѣ его не нашелъ. «О верхъ несчастія! — вскричалъ онъ, выходя изъ воды. — Нечего дѣлать! Видно, въ наказаніе за мои преступленія, всемогущая судьба не позволяетъ мнѣ умереть такъ, какъ умеръ ты, великій свѣтильникъ древности, и, видно, я долженъ кончить жизнь не какъ философъ, но какъ умираютъ и самые невѣжественные люди, отъ этой грубой, варварской вервіи!» Дьячекъ опять хотѣлъ было закинуть на себя петлю, какъ вдругъ кто-то схватилъ его за руку, съ крикомъ: «здѣсь, здѣсь!» Это былъ сторожъ, ужъ довольно дряхлый старикъ. Дьячекъ разомъ выдернулъ у него руку, и оттолкнувъ его отъ себя прочь, опять кинулся въ лѣсъ. Вслѣдъ за нимъ опять погнались и сторожъ и сопутствовавшіе ему подъячіе; но всѣ они были уже въ порядочномъ куражѣ, и дьячекъ снова скрылся отъ нихъ въ чащѣ лѣса. Долго шумъ и трескотня, раздававшіеся въ немъ, извѣщали слѣдователей о могучемъ бѣгѣ отчаяннаго дьячка, который, скажемъ кстати, былъ одаренъ отъ природы чрезвычайною тѣлесною силою; но вскорѣ затихъ и шумъ, и преслѣдователи, отказавшись отъ

успѣха въ погонкѣ, принуждены были возвратиться назадъ, и прошли по кратчайшему тракту — прямо въ питейный домъ.

XXI.

СУДЬЯ ВЪ ХЛОПОТАХЪ.

Тревога, произведенная бѣгствомъ дьячка, смутила присутствующихъ, и всѣ они бросились къ окнамъ. Проводивъ глазами бѣглеца, судья Бутеръ и засѣдатель Дураченко призвали въ присутствіе оставшихся въ судѣ приказныхъ, и произвели строгій разспросъ о причинѣ и подробностяхъ сего происшествія. Наконецъ правдолюбивый, но близорукій судья, бывъ подстрекнутъ *Дураченкомъ*, разгнѣвался, самъ не зная за что, на протопопа, и позвавъ его въ присутствіе, сказалъ ему съ примѣтною запальчивостію:

«Каспадинъ протопопъ! я призвалъ васъ чтобы объявить волю нашальникъ: отобрать отъ, васъ нѣкоторый свѣдѣній....»

— Я готовъ исполнить волю начальника — отвѣчалъ протопопъ съ величайшею скромностію; — но я самъ получилъ изъ Иркутска увѣдомленіе, что дѣло Тенявы по случаю доноса, поданнаго Саламатовымъ, оставлено до пріѣзда сюда ревизора, и что....

«Постойте, каспадинъ протопопъ! Вы не далъ мнѣ досказать, что я началъ. Судъ призывалъ васъ для этотъ дѣлъ; но теперь вы сдѣлалъ новый проказъ, и сейчасъ же извольте написывать къ намъ отвѣтъ....»

— Господинъ судья! я тутъ не сдѣлалъ ни какой проказы, а только хотѣлъ обратить погибающаго на путь правый.

«Тутъ сказывать проповѣдь не время: для этого быль церковь. Притомъ вы показывалъ ему какой-то бумагъ....»

— Да, я показывалъ ему бумагу ко мнѣ отъ преосвященнаго, который, по ходатайству моему, его простилъ, и предписывалъ возвратиться ему въ Иркутскъ для принятія священства....

«Да что, Богданъ Богдановичъ! — сказалъ Дураченко съ тою неизъяснимою злобою, кото-

рой обыкновенно предаются подлыя и низкія души, при видѣ человѣка, нелюбимаго начальствомъ — что терять попусту слова? Прикажите секретарю, чтобы онъ записывалъ, что отецъ протоіерей будетъ говорить, да представимъ начальству — вотъ и все!»

— Вы говорилъ резонъ. Каспадинъ протопопъ! извольте сѣсть и сказывать, а вы, каспадинъ секретарь должны писать.

Протопопъ, по удивительной скромности своей, ни сколько не противорѣчилъ сему обидному приказанію, и разсказалъ, какъ происходило дѣло. Наконецъ допросъ былъ конченъ. Протопопъ уже готовъ былъ его подписать, какъ вдругъ засѣдатель Хапиловъ, непримѣтно заглядывавшій въ сію бумагу, во время письма, вдругъ остановилъ протопопа: «Постойте, и прежде прочитайте: тутъ написано совсѣмъ не то, что вы говорили!»

— Какъ не то? — возразилъ секретарь, стараясь выдернуть бумагу изъ рукъ Хапилова. — Нѣтъ-съ, извините-съ: точно то-съ!

«Не понимаю, какъ достаетъ у тебя дерзости — вскричалъ Хапиловъ — это утверждать? Развѣ ты думаешь, что я не умѣю читать?.... Богданъ Богдановичъ! вы изволили слышать,

что говорилъ отецъ протоіерей; теперь послушайте, что написалъ г. секретарь.»

Хапиловъ прочиталъ отвѣтъ, въ которомъ протопопъ явно обвинялъ себя въ произведеніи въ судѣ шума, безпорядка и безчинства; въ подученіи дьячка къ оставленію службы и къ побѣгу, въ грубыхъ отвѣтахъ предъ судьею и проч. Выслушавъ сіе, любившій правду судья совершенно взбѣсился, и обратился къ секретарю съ величайшимъ гнѣвомъ: «Каспадинъ секретарь! какъ вы смѣль это сдѣлать на моихъ глазъ?»

— Да что же я сдѣлалъ такое? — отвѣчалъ равнодушно секретарь, заткнувъ за ухо перо и не вставая съ мѣста.

«Какъ что? И вы смѣете говорить съ пашальникъ, не вставай со стуль? Я васъ фелю сею же минуту посадить подъ арестъ, и кушать одинъ хлѣбъ и водъ.»

— И будто нельзя ужъ будетъ и каплю вина пропустить въ горло? — говорилъ секретарь съ насмѣшкою.

«Mein Gott! что мой видѣль? — вскричалъ судья, совершенно выйдя изъ себя.— Онъ смѣетъ еще надо мной издѣваться! Сторожъ! посаживай его подъ арестъ.»

— Пожалуйте, ваше благородіе! — сказалъ подошедшій къ секретарю сторожъ.

«Пошелъ прочь! Пойду я!»

— Какъ твой не пойдетъ! — воскликнулъ судья, даже въ нѣкоторомъ безпамятствѣ. — Я велю тащить тебя за волосъ!

«Попробуйка-ка!»

Судья кинулся было самъ тащить его, но секретарь, оттолкнувъ его отъ себя, сказалъ ему весьма хладнокровно:

— Да что, Богданъ Богдановичъ, такъ ты расходился! Вѣдь, теперь не прежняя пора тебѣ надо мною ломаться; стоитъ только захотѣть мнѣ, такъ ты *и пошелъ вверхъ ногъ!*

«Что это значилъ?»

— А вотъ что *значилъ!* Господа! — провозгласилъ секретарь, обратясь къ засѣдателямъ, изъ коихъ Хапиловъ смотрѣлъ на сіе происшествіе съ примѣтнымъ прискорбіемъ, а Дураченко, напротивъ, едва удерживался отъ смѣха — господа! извольте-съ выслушать. Вчера г. судья, подписалъ прошеніе объ отставкѣ на имя намѣстника, и вотъ что въ немъ пишетъ....

«Что я слышу? Какое прошеній?» — прервалъ судья, съ величайшимъ испугомъ.

— Тебѣ должно быть извѣстно, когда подписывалъ. Господа! Судейская ли это рука?

Засѣдатели сдѣлали утвердительный отвѣтъ.

— Такъ вотъ извольте-съ выслушать: «Во все продолженіе моей сорока-лѣтней службы я постоянно обманывалъ начальство: не зная не только законовъ, но и русской грамоты, я перешелъ многія должности и наконецъ добился званія судьи, утотребляя всякую неправду, пронырства и подлости. Наконецъ начинаетъ меня мучить совѣсть: не могу долѣе жить обманомъ, потому что смерть уже стоитъ за плечами. А потому принося мое душевное покаяніе, что я человѣкъ незнающій, глупый и къ должности своей вовсе неспособный.... (*)»

— Allmächtiger Gott! (Всемогущій Боже!) — воскликнулъ судья, повалившись отъ ужаса на полъ.

«Что ты это сдѣлалъ, негодяй!» — вскричалъ Хапиловъ, бросившись поднимать судью.

— Развѣ я сдѣлалъ это? — отвѣчалъ насмѣшливо секретарь. Вѣдь вы видѣли, что онъ самъ подписалъ!

«Пасвольте мнѣ (*) пасвольте! — воскликнулъ судья, проворно вскочивъ на ноги, и бросясь на колѣна передъ секретаремъ. — Mein lieber

(*) Истинное происшествіе.

Freund! — произнесъ онъ самымъ жалобнымъ голосомъ. — Пошалѣй мою жену и моихъ дѣти! Оттай мнѣ этотъ проклятый бумагъ!»

— Нѣтъ, завтра! Теперь ты, Нѣмецъ, въ моихъ рукахъ, а отдай тебѣ бумагу, такъ опять распѣтушишься. Опять примешься меня бранить, что я пошутилъ надъ отцемъ протопопомъ....

«Оттай, ради Бога, оттай! Я не станетъ никогда бранить тебя: что хочешь, тѣлай; сочиняй бумагъ, какія только умѣешь: я всѣ буду утверждать; пей, сколько твоей душъ угодно: я ни скажу ни одинъ словъ!»

— Ладно, за этимъ дѣло не станетъ — отвѣчалъ секретарь, вытаскивая изъ стола сулейку. — Ваше здоровье, господинъ судья!

Дураченко расхохотался, а Хапиловъ, внѣ себя отъ неудовольствія, вскричавъ: «Боже мой! какой срамъ!» — бросился къ секретарю, вырвалъ у него прошеніе и отдалъ судьѣ.

«Возьмите эту кабалу, которую вы подписали на себя, и ради Бога встаньте, не срамите своего почтеннаго званія!»

— Благодѣтель! отецъ! — воскликнулъ судья, бросившись обнимать Хапилова — мой въ вѣкъ не забудетъ вашихъ благодѣяній.... А ты, неготяй! — вскричалъ онъ, обратившись къ секре-

тарю со вспыхнувшимъ лицемъ — я тебѣ покажу, какъ сочинять фальшивый бумагъ....

«Простите великодушно! — воскликнулъ секретарь съ притворнымъ страхомъ бросившись, въ свою очередь, судьѣ въ ноги.

— Мой никогда не проститъ! — отвѣчалъ судья, тряся въ рукѣ надъ головою секретаря сочиненное имъ прошеніе. — Эту бумагъ....

Но въ сію минуту секретарь, проворно вскочивъ на ноги, вырвалъ снова изъ рукъ у него прошеніе и мгновенно перемѣнивъ тонъ, сказалъ: «Прощайте, господинъ судья! Я сейчасъ иду къ начальнику.»

— Стой, стой! — воскликнулъ судья, схвативъ секретаря за фалду; но сей послѣдній вырвался и ушелъ изъ суда. Вслѣдъ за нимъ убѣжалъ и Дураченко, уже давно взявшійся за шляпу и только выжидавшій конца, дабы бѣжать съ донесеніемъ.

«O Mein Gott! — говорилъ судья, упадая на стулъ. — Что я стану теперь тѣлать? Вся мой служба самаранъ! Мой пошелъ теперь на вѣкъ безъ репутасіонъ....»

Вся эта сцена происходила предъ глазами протопопа, который смотрѣлъ на нее съ истиннымъ прискорбіемъ, какъ вѣрный сынъ отече-

ства, и наконецъ сказалъ, обратясь къ Хапилову: «Ахъ, Боже мой! я никогда не думалъ, Евгеній Петровичъ, чтобы въ судахъ, толь въ священныхъ мѣстахъ, могли происходить такіе безпорядки!»

— Что дѣлать, отецъ Петръ? У меня у самого разрывается сердце на части; но не въ моей власти помочь этому злу.

«Все, Евгеній Петровичъ, зависитъ отъ выбора чиновниковъ; ибо сказано: *Премудрость и мысль блага во вратѣхъ премудрыхъ: смысленніи не уклоняются отъ закона Господня.*»

— Ваша правда, отецъ Петръ! Наши установленія всѣ прекрасны; Монархиня начертала ихъ съ великою мудростью; но исполнители всякой законъ искажаютъ.

«Это прискорбно слышать, не только видѣть!»

— А между тѣмъ я обреченъ цѣлую жизнь быть этому свидѣтелемъ! Каково мнѣ?

«Привычка, Евгеній Петровичъ, можетъ сдѣлать ко всему хладнокровнѣе; но каково нашему брату подсудимому?»

— Конечно, подсудимому тягостно, отецъ Петръ; но увѣряю васъ: еще тягостнѣе смотрѣть на страданія другихъ, и не имѣть возможности

помочь. Подавай, сколько хочешь мнѣній, не только ихъ не уважаютъ, но еще гонятъ за нихъ.

«Да, а слышалъ про вашу исторію. Ахъ, Боже мой! можно ли такъ насмѣхаться надъ правосудіемъ? Вмѣсто того, чтобы искать истины, за нее еще наказываютъ! Послѣ этого что такое вашъ судъ?»

— Такъ-то употребляютъ во зло — отвѣчалъ Хапиловъ съ сильнымъ негодованіемъ — самое священнѣйшее установленіе! Въ общемъ мнѣніи уѣздный судъ есть мѣсто низшее, маловажное; но на дѣлѣ онъ есть важнѣйшее изъ учрежденій! Здѣсь полагается основаніе дѣлу; сюда приходитъ народъ, который часто не имѣетъ и понятія о существованіи высшихъ мѣстъ, и тутъ получаетъ онъ прямое или превратное мнѣніе о самомъ правительствѣ. Боже мой! пристрастный или глупый судья есть истинный врагъ Государя и отечества: ибо никто болѣе, кромѣ его, не можетъ поколебать самое спокойствіе народа!

«Вы прекрасно судите, Евгеній Петровичъ!»

— Можетъ быть, я и ошибаюсь, но я много толковалъ съ людьми, знающими о семъ предметѣ; даже много читалъ книгъ, завезенныхъ сюда покойнымъ Зудою. И самая бесѣда его была всегда

для меня истиннымъ наслажденіемъ. Сколько онъ сообщилъ мнѣ самыхъ здравыхъ и совершенно новыхъ для меня идей!

Сей разговоръ еще долго длился; но, наконецъ, вбѣжавшій въ присутствіе сторожъ объявилъ Хапилову, что за нимъ присылалъ начальникъ со строгимъ повелѣніемъ: сейчасъ же къ нему явиться.

XXII.

ВИДѢНІЕ.

— Такъ точно! — говорилъ съ бѣшенствомъ Антонъ Григорьевичъ разговаривавшему съ нимъ фельдшеру. — Я всегда зналъ этого Хапилова, какъ ослушника, какъ бунтовщика, какъ негодяя! Удивительная дерзость! Въ судѣ, въ присутствіи, при зерцалѣ, вырвать изъ рукъ бумагу!.... Прикажи сейчасъ позвать его.

Фельдшеръ передалъ сіе приказаніе стоявшимъ въ прихожей казакамъ, и по возвращеніи его начальникъ спросилъ съ нетерпѣніемъ: ну чѣмъ же все кончилось?

«А тѣмъ, ваше высокоблагородіе, что секре-

тарь успѣлъ-таки опять выхватить прошеніе изъ рукъ Нѣмца.»

— Успѣлъ? Молодецъ! Вотъ служака! Вотъ настоящій чиновникъ, какими должны бы быть всѣ! Дѣятеленъ, проворенъ, безкорыстенъ!

«Особенно, если бы не испивалъ еще» —прибавилъ съ усмѣшкою фельдшеръ.

— Это пустяки, сущіе пустяки! Знаешь пословицу: *пьянъ да уменъ*.... Однако жъ разсказывай скорѣе. Ну чтожъ наконецъ?

«Да окончилось тѣмъ, ваше высокоблагородіе, что вырвавши прошеніе, секретарь прибѣжалъ со всѣхъ ногъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Дураченкомъ. И этотъ преданъ вашему высокоблагородію какъ нельзя болѣе.»

— Я это знаю! Дураченко чиновникъ, право, хорошій, скромный, съ поведеніемъ, прилежный. Чего же болѣе? Говорятъ, что-де туповатъ; но признаюсь тебѣ, я терпѣть не могу этихъ сибирскихъ умниковъ. Чортъ ли въ нихъ? Хапиловъ живой примѣръ! Кромѣ непослушанія, непокорности, противорѣчій, другой нѣтъ пользы!

«Истинная правда, ваше высокоблагородіе!»

— Но почему же они не бѣжали прямо ко мнѣ? Мои двери для хорошихъ чиновниковъ всегда отворены!

«Не посмѣли, ваше высокоблагородіе, безпокоить васъ въ обѣденное время. Къ тому же секретарь былъ въ небольшомъ куражикѣ, такъ оно, изволите знать, какъ-то неловко къ начальнику лѣзть, а со мною-то ему церемониться нечего. Вотъ онъ прибѣжалъ, да и поразсказалъ всѣ похожденія, да и бумагу-то отдалъ, чтобы вручить вашему высокоблагородію. Вотъ-съ она!»

— Удивительный ты человѣкъ! — вскричалъ начальникъ, вырвавъ изъ рукъ фельдшера прошеніе. — Вмѣсто того, чтобы давно подать, онъ толкуетъ околесную. Ну, слава Богу! Я такъ много думалъ, какъ бы забрать совершенно въ свои руки этого безграмотнаго, но упрямаго Нѣмца; ночи не спалъ; и наконецъ придумалъ это превосходное средство. Разсуди же: каково бы было мнѣ перенести, если бы мой планъ вдругъ разрушился?

«Да, вы изволили уже, ваше высокоблагородіе, говорить мнѣ объ этомъ, когда еще отдавали эту бумагу, чтобы я передалъ ее секретарю; только я не понимаю, что вы изволите слишкомъ безпокоиться съ этимъ Нѣмцомъ. Приказали ему, да и все тутъ.»

— Ты судишь, какъ фельдшеръ, но я долженъ дѣйствовать, какъ начальникъ. Развѣ ты

не видишь, что я окруженъ мошенниками, доносчиками, ябѣдниками, которые готовы обнести и оклеветать меня каждую минуту? Я вижу, что этотъ глупый баронъ дѣйствуетъ несправедливо, подучаемый Хапиловымъ; но могу ли я приказать ему открыто: такъ рѣши? Боже сохрани! Баронъ имѣетъ кой-какія связи въ Иркутскѣ, и на меня написали бы не вѣсть что; но теперь!...

Начальникъ, прикусивъ губы, махнулъ значительно головой.

«Справедливо, ваше высокоблагородіе! Теперь онъ съ руками и съ ногами попалъ къ вамъ въ услуженіе.»

— Скажи же ему, что если хочетъ остаться на мѣстѣ, то прекратилъ бы съ протопопомъ всякое знакомство и не мѣшался при отобраніи отъ него отвѣтовъ. Если же, паче чаянія, протопопъ вздумаетъ опять отпираться отъ своихъ словъ, то баронъ долженъ приказать составить журналъ, что отвѣты написаны совершенно сходно со словами подсудимаго, и немедленно донести мнѣ формально объ его дерзости. Все ли ты понялъ?

«Все, ваше высокоблагородіе!»

— Ну поди же, и что скажетъ онъ, тотчасъ

меня извѣсти. Я бы могъ все это сказать ему самъ; но, признаюсь, мнѣ скучно слушать его тарабарскій языкъ.

Фельдшеръ вышелъ, а начальникъ, по обыкновенію, придвинувъ къ себѣ Чети-Минею, и готовясь читать, разсуждалъ: «Да, это гораздо лучше! Пусть этотъ бездѣльникъ ведетъ переговоры, чѣмъ мѣшаться мнѣ самому; онъ и отвѣчать будетъ, если это откроется. Славное правило: загребать жаръ чужими руками; и кто его выдумалъ, былъ самый мудрый изъ земнородныхъ! Жаль только, что не всегда оно удается! Хотѣлось было мнѣ погрести жарку руками дьячка, да нѣтъ! А было бы весьма хорошо для меня! Онъ бы женился, а я.... Мы бы знали уже, какъ это дѣло уладить! Тогда всѣ концы бы въ воду; на меня не могло бы быть ни малѣйшаго подозрѣнія, и я былъ бы совершенно спокоенъ.... но что дѣлать? Съ дуракомъ не справить. Справедливо говорится: съ дуракомъ Богъ не воленъ!»

Въ сіе время, по предварительному докладу, вошелъ въ кабинетъ Хапиловъ. Начальникъ, вспыхнувъ, какъ адское зарево, взглянулъ на него такими глазами, въ которыхъ изображались вдругъ всѣ неистовыя страсти: гнѣвъ, злоба и бѣшенство.

«Что вы, сударь, дѣлаете со мною?» — возопилъ онъ, ударя кулакомъ по столу.

— Я не знаю за собой ни какой вины — отвѣчалъ Хапиловъ съ величайшимъ уваженіемъ.

«Ты не знаешь ни какой вины, а между тѣмъ связываешься съ подсудимыми, дѣйствуешь съ ними за одно, потворствуешь, нарушаешь всѣ установленія, всѣ законы....»

— Мнѣ кажется, вы получили обо мнѣ совсѣмъ неправильныя свѣдѣнія.

«Мнѣ нечего получать; у меня нѣтъ наушниковъ! Я самъ знаю, гдѣ что̀ дѣлается. Я не сплю; я бодрствую день и ночь для блага ввѣренной мнѣ страны. Я самъ умѣю различать чиновника честнаго, справедливаго, усерднаго отъ негодяя, взяточника и лѣнивца.»

— Но всѣ эти названія, по сущей справедливости, я не могу принять на свой счетъ.

«Да, ты не можешь; но я скажу тебѣ, что ты точно таковъ и есть. Кто тебѣ далъ право учить протопопа и вырывать бумаги изъ рукъ секретаря? Какъ ты смѣлъ это дѣлать въ судѣ, въ мѣстѣ, толь важномъ и священномъ?»

— Я сдѣлалъ то, что требовала моя совѣсть, честь и присяга....

«Честь и присяга! — возопилъ начальникъ, выйдя изъ себя. — Повиновеніе волѣ начальства: вотъ твоя честь и присяга! Тебѣ, видно, еще мало, что ты разгуливалъ по морю! Я не то еще сдѣлаю. Я домъ твой раскатаю по бревнамъ! Ты не найдешь для себя мѣста во всей Камчаткѣ!»

— Воля ваша, вы начальникъ; но я вамъ скажу рѣшительно: я присягалъ въ вѣрности Государынѣ, и не нарушу ея ни за какія блага, ни страданія въ мірѣ! Дѣлайте со мной что хотите!

«Бунтовщикъ, крамольникъ! — закричалъ начальникъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ отъ чрезвычайнаго дѣйствія гнѣва — я заставлю тебя повиноваться!»

— Когда же я не повиновался? И если высказывалъ свои мнѣнія по дѣламъ: то въ такомъ случаѣ только пользовался правомъ, даннымъ мнѣ силою закона.

«Вы вѣчно прикрываетесь закономъ, а на умѣ у васъ только заговоры и комплоты противъ начальства; только противорѣчія, умничанье и неповиновеніе.»

— Вы заблуждаетесь.

«Какъ? ты смѣешь еще грубить мнѣ? Поди-

те вонъ, сударь, вонъ! Я вижу, что говорить съ тобой — значитъ терять слова. Нѣтъ; тутъ надо принять другія мѣры!»

— Но прежде, кажется, надобно бы выслушать обвиняемаго.

«Ни слова болѣе! Вонъ, вонъ! Казаки! выведите его отъ меня!»

Привыкшій съ дѣтства къ глубокому повиновенію, Хапиловъ, не смѣя болѣе ничего говорить въ свое оправданіе, отдалъ начальнику самый почтительный поклонъ и вышелъ изъ кабинета. Сердце его, огорченное обидою и несправедливостію, раздиралось на части, и глубокая скорбь изображалась на блѣдномъ его лицѣ. Въ сіе время находился въ комнатѣ предъ кабинетомъ притаившійся Сумкинъ. Нѣсколько подслушанныхъ словъ, шумъ въ кабинетѣ и встревоженное лице Хапилова, дали ему вѣрное понятіе о происходившемъ. Какъ будто бы съ нѣкоторымъ участіемъ, а болѣе для удовлетворенія низкому и злому удовольствію, онъ подошелъ на цыпочкахъ къ Хапилову, и съ ужимками сказалъ ему чуть-чуть слышнымъ голосомъ: «Напрасно вы это дѣлаете! Знаете: воля начальства!....» Хапиловъ не дослушалъ его, и не удостоилъ ниже взглядомъ. Сумкинъ посмотрѣлъ

вслѣдъ его со злобою змѣи, и сдѣлавъ жестъ рукою, сказалъ про себя: «вотъ пародецъ! Взялъ бы этакихъ всѣхъ собралъ, да, гм!.... Жаль, что не моя воля, а то бы....»

— Ба, Сумкинъ! ты пришелъ весьма кстати — сказалъ начальникъ, отворивъ дверь изъ кабинета. — Поди сюда!

«Я пришелъ доложить вашему высокоблагородію. Не безъизвѣстно вамъ, что....»

— Прежде выслушай меня, а потомъ уже говори свое! — перебилъ начальникъ, еще несовершенно успокоившійся послѣ сцены съ Хапиловымъ.

«Виноватъ, ваше высокоблагородіе! Что приказать изволите?»

— Ты слышалъ разговоръ мой съ этимъ негодяемъ....

«Какъ я осмѣлюсь....

— Ну полно, притворствовать: я знаю тебя: твои уши далеко слышатъ.

«Но только тогда, ваше высокоблагородіе, когда есть на это воля начальства.»

— Хорошо! я желаю, чтобы ты слышалъ этотъ разговоръ, и слѣдовательно ты уже знаешь: съ какою дерзостію, съ какою обидою къ моему лицу, отвѣчалъ этотъ крамольникъ.

«Волосы дыбомъ стали у меня, ваше высокоблагородіе, не повѣрите? Какъ можно быть столь дерзкимъ, столь непокорнымъ!»

— Ты видишь: тутъ слова уже не дѣйствуютъ. Я начальникъ, и слѣдовательно долженъ предупреждать всякое безпокойство; а чего ждать, если такъ будутъ презирать власть? Вотъ что заставляетъ меня приступить къ мѣрамъ строгимъ. Я тебя зналъ, Сумкинъ, всегда человѣкомъ усерднымъ, кромѣ только одного случая.... помнишь, въ декабрѣ?

«Что дѣлать, ваше высокоблагородіе! Тогда проштрафился не много. Впередъ таковъ не буду! *Не помяните грѣховъ....*»

— Я и не помнаю ихъ: ты уже ихъ со сторицею вознаградилъ при слѣдствіи; потому-то я и хотѣлъ бы поручить тебѣ....

«Все радъ исполнить, ваше высокоблагородіе!»

— Тебѣ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что дѣло о Тенявѣ пріостановлено. Ябѣдники перемогли меня; но я еще слажу съ ними! Я не могу выразить тебѣ, какъ я радъ назначенію ревизора: ибо по пріѣздѣ его, я увѣренъ, правда восторжествуетъ во всемъ блескѣ. Между тѣмъ нельзя же, однако жъ, послаблять ослушникамъ и бунтов-

щикамъ: такъ я хочу поручить тебѣ.... (Тутъ начальникъ остановился, и, примѣтно, обдумывалъ преднамѣреваемый приказъ).... Вотъ что, братецъ! Я сказалъ уже тебѣ, что дѣло Тенявы отложено; по этому уѣздный судъ долженъ скоро отправиться обратно въ Нижне-камчатскъ.... (При семъ словѣ начальникъ снова замолчалъ).. Ну, словомъ, вотъ что: когда поѣдетъ Хапиловъ, то развѣ не могутъ напасть на него разбойники?.... Нельзя же мнѣ имѣть повсюду глаза: я не Богъ! Мало ли что̀ можетъ дѣлаться въ этакой обширной странѣ! Могутъ убивать, грабить.... Конечно, жаль человѣка честнаго, добраго, но ослушниковъ, непокорныхъ, эту заразу общества, право, весьма полезное истреблять, какъ говорится, мечемъ и огнемъ.... Ты понялъ меня?

«Кажется, понялъ, ваше высокоблагородіе! То есть, вы изволите.....»

— Терпѣть я не могу этихъ то есть, и ничего не изволю, кромѣ одного вашего спокойствія и благоденствія Камчатки. Если ты не растерялъ послѣдняго ума въ Куюхченѣ, то, кажется, можешь понять, что Хапиловъ и Ревизоръ....

«Нечего сказать, ваше высокоблагородіе! вели-

ка ваша забота о насъ грѣшныхъ, и Богъ убилъ бы насъ громомъ, кабы мы не старались исполнять вашихъ отеческихъ повелѣній....»

— Ну, хорошо, исполняй ихъ съ усердіемъ, какимъ ты всегда отличался къ пользѣ службы: оно не будетъ забыто. Но что же ты хотѣлъ мнѣ сказать, когда пришелъ?

«Да вотъ что, ваше высокоблагородіе! Я пришелъ было вамъ доложить о здоровьѣ Петра Ѳедоровича. Вѣдь, вамъ извѣстно, что я съ нимъ квартирую вмѣстѣ: такъ насмотрѣлся такихъ ужасовъ, что Господи упаси!»

— Что же такое?

«Страшно и пересказывать, ваше высокоблагородіе! Притомъ не худо бы его положить въ особую какую-нибудь каморочку, а то. . . .»

— Да говори, братецъ! Что такое?

«Такіе казусы разсказываетъ, ваше высокоблагородіе, и все съ вашимъ именемъ!»

— И ты давно не придешь сказать мнѣ объ этомъ? О вы, негодные! Всѣ вы на одинъ покрой! Поди къ нему, глупецъ, бѣги бѣгомъ, зажми ему ротъ, и не пускай къ нему ни одной души. Я сейчасъ приду самъ.

Погремушкинъ, котораго душа сильно была потрясена проповѣдію Зуды во время камча-

дальскаго бунта, съ-тѣхъ-поръ все задумывался болѣе и болѣе, и наконецъ, услышавъ подробности страшной исторіи, случившейся на водахъ, и вѣрную вѣсть о назначеніи ревизора, совершенно помѣшался, и приходилъ время отъ времени въ ужасное бѣшенство. Въ припадкахъ сумасшествія, воображая присутствіе начальника, изступленный укорялъ его самыми страшными словами въ разныхъ злодѣяніяхъ, въ которыя онъ былъ вовлеченъ имъ; бросался на него съ величайшею яростію, и бился самъ до крови, такъ что, наконецъ, должно было связать ему руки и ноги; между-тѣмъ ничего не пилъ, не ѣлъ и высохъ, какъ скелетъ, у котораго остались только страшные, мутные, почти совершенно выкатившіеся глаза и ужасный, нестерпимый скрежетъ зубовъ.

Въ семъ положеніи засталъ его начальникъ. Едва показался сей послѣдній, какъ страшное бѣшенство овладѣло помѣшаннымъ. Онъ затрясся всѣмъ тѣломъ, и, съ пѣною во рту, заскрежеталъ зубами. «Злодѣй! — закричалъ онъ такимъ голосомъ, отъ котораго стали дыбомъ волосы у начальника. — Злодѣй! зачѣмъ ты пришелъ? Губитель! зачѣмъ ты пришелъ? Изверг! зачѣмъ

ты пришелъ? Я тебя растопчу, растерзаю, раздеру адское сердце твое....»

—Петръ Ѳедоровичъ!—сказалъ начальникъ подойдя къ его постели—ты не узналъ меня...

Я? Тебя не узналъ, злодѣй? Тебя не узналъ, убійца? Я не узналъ тебя? Нѣтъ, кровопійца! я знаю тебя, знаю слишкомъ хорошо! Ты погубилъ мою душу и тѣло; ты ввелъ меня въ свои богомерзскія дѣла; ты научилъ меня лгать, притворствовать, лицемѣрить; ты очернилъ мою совѣсть; ты предалъ меня адскому огню.... Видишь ли эти билліоны духовъ? Видишь ли, какъ они жаждутъ моей души?.... О злодѣй! ты отдалъ меня въ ихъ руки! Ты научилъ меня презирать Вѣру и законы; ты далъ мнѣ адской примѣръ смѣяться надъ всѣмъ священнымъ; ты научилъ меня злодѣйствовать.... Я къ тебѣ вступилъ невиннымъ юношею, а теперь что я? грѣшникъ, лицемѣръ, святоша, убійца!.... О горе мнѣ!.... Видишь ли, сколько страшныхъ тѣней собралось вокругъ моей постели! Вотъ купецъ Пивоваровъ, котораго мы обвинили, разорили и заморили въ тюрьмѣ! Вотъ....»

Начальникъ задрожалъ при семъ перечисленіи, и схвативъ подушку, бросилъ ее на изступленнаго, и сѣлъ на нее, кидая вокругъ страш-

ные взоры, выражавшіе и рѣшительность злодѣя и опасеніе душегубца. Больной страшно забился, но не могъ сбросить гнѣтущей его тяжести. Нѣсколько минутъ продолжались судорожные припадки; наконецъ умирающій въ послѣдній разъ вскинулъ ногами и протянулся. Болѣе признаковъ жизни не было. Любопытно бы взглянуть въ сію минуту во внутрь души жестокаго убійцы. Что̀ тамъ происходило? Говорятъ, въ ней была адская тма съ неопредѣленными, безобразными видѣніями тѣней. Душегубецъ самъ былъ въ сіе время почти въ изступленіи, и съ ужасомъ увидѣлъ вьявѣ грозную тѣнь отравленной имъ супруги, которая, бросивъ на него взоръ поражающій, какъ молнія, казалось, глухо прошептала: «Несчастный! вспомни о душѣ!» Онъ не могъ перенести сего видѣнія, и съ трепетомъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Воздухъ и великолѣпные виды природы освѣжили его воображеніе. Была уже ночь — ночь теплая, ясная, свѣжая. Чистое темноголубое небо было усѣяно звѣздами. Море спокойно и безмолвно дремало въ своихъ берегахъ. Горы и лѣса, рисовавшіеся на западѣ по отливу потухавшей зари, также погружались въ тишину и сонъ. Все въ природѣ было такъ мирно, такъ тихо,

такъ величественно и прекрасно — и посреди этого превосходнаго созданія шло существо, которое было сотворено для его украшенія, и которое сдѣлалось его безобразіемъ и гибелію!

По приходѣ домой, начальникъ засталъ у себя фельдшера, возвратившагося отъ судьи.

— Ну, что твой Бутеръ? — спросилъ онъ фельдшера довольно спокойнымъ голосомъ.

«Да что, ваше высокоблагородіе, такъ перетрусился, что даже смѣшно и жалко смотрѣть! Только и твердитъ: «мой все сдѣлаетъ для нашальникъ, лишь бы его не погубить.»

— Ну, хорошо! Я и ждалъ этого. Вотъ какъ дѣлается на свѣтѣ: всегда вмѣстѣ бываетъ и радость и горе. Ты принесъ мнѣ добрыя вѣсти, а я скажу тебѣ худыя: нашъ Петръ Ѳедоровичъ скончался.

«Что вы говорите? Ну, дай Богъ ему царство небесное! Впрочемъ, если молвить правду—матку, то какъ не скажешь: *жила бабушка не мышала, а умерла не жаль.* Погремушкинъ, ваше высокоблагородіе, былъ себѣ на умѣ!»

— Да, онъ былъ человѣкъ весьма умный и честный.

«Ну, что касается до честности, такъ это еще подъ сомнѣніемъ.»

— Полно шутить, Алексѣй — сказалъ начальникъ, какъ бы не примѣчая продолжающагося дерзкаго тона со стороны фельдшера; — теперь не то время. Вообрази, какія странныя вещи совершаются со мною! Сидя у постели Погремушкина, я дожидался его конца. Между тѣмъ смерклось; въ комнатѣ стало довольно темно. Я задумался, и вдругъ слышу шорохъ. Я взглянулъ, и представь мое изумленіе... Но Боже мой, опять она!

«Кто, кто, ваше высокоблагородіе?» — вскричалъ суевѣрный и трепещущій фельдшеръ.

— Развѣ не видишь ты? — сказалъ шопотомъ начальникъ, уставивъ въ уголъ устрашенные взоры, и схвативъ фельдшера за плеча. — Это она!... Жена моя!

«Я ничего не вижу, ваше высокоблагородіе» — говорилъ фельдшеръ побѣлѣвъ, какъ полотно и дрожа, какъ листъ.

— Слышишь? Опять тѣ же слова: убійца? вспомни о душѣ!

«Вотъ вамъ Христосъ, ваше высокоблагородіе, хоть мнѣ сейчасъ провалиться сквозь землю: ничего не вижу.»

— Она опять скрылась! — сказалъ тихо начальникъ по нѣкоторомъ молчаніи, начиная свободнѣе переводить духъ.

«Ваше высокоблагородіе, осмѣливаюсь вамъ доложить: не прикажете ли отслужить панихиду?»

Начальникъ не говорилъ ни слова, погруженный въ глубокое размышленіе. Но когда фельдшеръ повторилъ свое предложеніе, онъ, вслушавшись въ рѣчь его, захохоталъ.

«Панихиду? Ха, ха, ха! Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мертвецы могутъ воставать изъ гробовъ и приходить безпокоить живыхъ своимъ явленіемъ? Вздоръ, братецъ! Это только призракъ, обманъ, мечта разстроеннаго воображенія, и наша робость весьма стоитъ того, чтобы надъ нею смѣяться въ веселый часъ. Ха, ха, ха!»

— Воля ваша, ваше высокоблагородіе — сказалъ фельдшеръ съ большею робостію и запинкою — я радъ бы смѣяться вмѣстѣ съ вами, да не могу: мнѣ все думается....

«Что тебѣ думается?» — спросилъ начальникъ такимъ голосомъ, который означалъ, что вопросъ сдѣланъ безъ всякаго участія души, которая, судя по выраженію глазъ, неподвижно устремленныхъ на одну точку, была уже сильно занята совсѣмъ другимъ предметомъ.

— Мнѣ думается — продолжалъ между тѣмъ фельдшеръ — что чуть ли это въ самомъ дѣлѣ

не тѣнь Ольги Павловны: такъ ваша обязанность, ваше высокоблагородіе, какъ вы ни говорите, отслужить по ней панихиду. Вѣдь я, хотя и грѣшный человѣкъ, да исполнялъ только вашу волю: вы приказали мнѣ научить Караулиху, чтобы она отравила ее; вы велѣли взвалить эту вину на внучку протопопа: на все это была ваша воля....»

«Что ты говоришь, мошенникъ? — вскричалъ начальникъ, выйдя изъ задумчивости. — На что была моя воля?»

«Да вѣдь вы, ваше высокоблагородіе, изволили....»

— Молчать! Клянусь адомъ, если ты скажешь еще хотя одно слово, то я прикажу тебя ковать и заморить въ тюрьмѣ какъ убійцу.... Но эта ненавистная тѣнь опять!

Начальникъ не могъ докончить рѣчи. Зубы застучали у него другъ о друга и задрожали руки и ноги. Между тѣмъ какъ фельдшеръ, у котораго воображеніе было разстроено не менѣе, какъ и у его наставника въ злодѣяніхъ, вскричалъ съ ужасомъ: «Вижу, вижу!» — и повалился на полъ.

«Глупая и странная мечта! — сказалъ начальникъ, не преставая владѣть собою. —

Встань, Алексѣй! Я слишкомъ погорячился: теперь намъ надобно дѣйствовать....»

— Дѣйствуйте, какъ хотите — отвѣчалъ фельдшеръ, блѣдный и трепещущій, вставая съ пола; — но я болѣе не слуга вамъ!»

«Что же хочешь ты сдѣлать, сумасшедшій?»

— Я долженъ умереть.

«Ты? Умереть?»

— Да, умереть, потому что теперь только вижу, что я сдѣлалъ то, что̀ стоитъ смерти.

«Безумный, ты губишь себя напрасно!»

— Все равно!

«Остановись! — вскричалъ начальникъ, схвативъ его въ изступленіи за грудь, и какъ бы страшась, что еще душа упадетъ на его совѣсть.— Остановись!... Казаки! подите сюда! Возьмите его и не выпускайте ни куда изъ дома: онъ помѣшался!»

— Пустите меня! — кричалъ фельдшеръ, вырываясь у нихъ изъ рукъ. — О силы небесныя! сойдите ко мнѣ на помощь!

«Отведите его — повторилъ начальникъ — и не выпускайте ни куда изъ дома. Вы будете отвѣчать за его жизнь.»

Казаки, не смотря на всѣ усилія помѣшавшагося, схватили его и увели, а начальникъ,

запершись въ кабинетѣ, долго сидѣлъ въ ужасной думѣ, и, наконецъ, вскочивъ на ноги, произнесъ съ нѣкоторымъ изступленіемъ: «Чортъ заберн! Что дѣлается вокругъ меня! Все падаетъ и рушится, и я одинъ остаюсь посреди обломковъ своего зданія! Но что ни будетъ, то и будетъ: обратной дороги для меня уже нѣтъ! Мнѣ одна дорога, страшная дорога.... въ адъ!... Но покамѣстъ еще живу я, меня ни что не поколеблетъ. Буду дѣйствовать до послѣдняго вздоха! Въ вѣчности мнѣ уже ждать нечего; по крайней мѣрѣ здѣсь проживемъ счастливо, сколько можно. Что робѣть?... Одного сумасшедшаго я сбылъ съ рукъ; теперь надобно подумать о другомъ. Если эта скотина, воображая, что онъ скоро умретъ, также вздумаетъ каяться и разсказывать мои тайны.... Плохая шутка!... Нечего дѣлать; надобно пустить въ ходъ бумагу Караулихи: это будетъ мнѣ лучшею опорою.... И такъ теперь только одна эта вѣдьма осталась изъ всей моей свиты.... Все къ лучшему: отъ одной отдѣлаться не долго; только прежде удалось бы докончить, съ помощію ея, мои планы съ этою дѣвчонкою.... О мученіе!... Опять эта несносная тѣнь!... Опять тѣ же слова!....

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

		Стр.
XVI.	Начальница	1
XVII.	Слѣдствіе	18
XVIII.	Преслѣдованіе	36
XIX.	Объясненіе злодѣевъ	60
XX.	Раскаяніе	78
XXI.	Судья въ хлопотахъ	94
XXII.	Видѣніе	107

КАМЧАДАЛКА.

Из библиотеки Н. В. Гоголевского

СОЧИНЕНІЕ

Н. Калашникова.

ЧАСТЬ IV.

Второе изданіе.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, декабря 11 дня 1841 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ІОГАНСОНА.

XXIII.

ПОКАЯНІЕ.

Мичмакъ и Ивашкинъ были заключены въ одной тюрьмѣ: это была обширная, грязная и темная изба, съ однимъ окошкомъ, загороженнымъ желѣзною рѣшеткою. Мичманъ былъ прикрѣпленъ къ стѣнѣ толстою цѣпью; Ивашкинъ сидѣлъ на свободѣ. Но не по степени взводимыхъ на нихъ преступленій было расположено ихъ заключеніе: злой соперникъ мичмана, не надѣясь погубить его по суду, послѣ полученія повелѣнія: оставить дѣло объ убійствѣ Тепявы до пріѣзда ревизора, рѣшился уморить его въ тюрьмѣ, и всячески стараясь увеличить его страданія,

томилъ голодомъ и жаждою. Ни молодость, ни крѣпость силъ, не спасли бы его отъ смерти, если бы добрый Ивашкинъ не былъ на сей разъ его ангеломъ-хранителемъ, и не облегчалъ его и душевныхъ и тѣлесныхъ скорбей. Пользуясь любовію и уваженіемъ многихъ изъ караульныхъ казаковъ, Ивашкинъ дѣлилъ съ нимъ свой скудный обѣдъ, и голосомъ опытнаго, мудраго старца утверждалъ ослабѣвавшаго юношу въ необходимости крестной жизни, въ упованіи на неукоснительную помощь Божію, и въ преданіи себя на Его святую волю.

«Эхъ, Викторъ Ивановичъ! — говорилъ онъ мичману — для того мы и созданы на сей свѣтъ, чтобы здѣшнимъ страданіемъ искупить будущее блаженство! Кому хорошо здѣсь, тому будетъ худо тамъ: ибо въ счастіи люди большею частію развращаются и забываютъ Бога. Посмотрите на меня: меня люди не только погубили, но и положили на мое лице клеймо безчестія, которое навсегда разлучило меня съ самымъ драгоцѣннѣйшимъ для человѣка на землѣ—съ родиною; а за что? Богъ судитъ моимъ гонителямъ! Но никогда мой языкъ не произнесъ имъ страшнаго слова: проклятіе; никогда я не допускалъ богохульнаго ропота на свой жребій, и всегда бла-

тословлялъ и благословляю доднесь святую Десницу, меня карающую (*)! И какое право имѣетъ одинъ человѣкъ роптать, когда милліоны страждутъ? Если бы можно было прислушаться къ гулу, раздающемуся на землѣ, и обхватить однимъ взоромъ весь родъ человѣческій... о! что́бы мы услышали и увидѣли!... Всеобщій вопль и стенанія оглушили бы насъ, и страшное зрѣлище слезъ и крови поразило, раздробило бы на части наше сердце!»

— И все это благо и все добро? — сказалъ мичманъ съ усмѣшкою ужаснѣйшаго отчаянія.

«Такъ, все это благо и все добро: ибо жизнь наша не здѣсь, а тамъ!»

— Гдѣ жъ это *тамъ?*

«Этого не дано знать человѣку, потому что не нужно: здѣсь намъ дана вѣра и надежда.»

— Надежда!... Ха, ха, ха! Мечта, которою обольщаютъ себя бѣдняки!

«Но если и обманываетъ насъ иногда надежда земная: то небесная никогда!... Викторъ Ивановичъ! — воскликнулъ Ивашкинъ въ какомъ-то священномъ восторгѣ, схвативъ мичмана за ру-

---

(*) Ивашкинъ былъ сосланъ невинно. Смотр. Путешествіе Крузенштерна.

ку — мужайтесь духомъ: здѣсь нѣтъ счастія, но тамъ... тамъ оно есть; это говоритъ мнѣ мое сердце!»

— Но мое сердце мнѣ не говоритъ ничего; оно умерло для всякаго счастія, для всякой надежды.

«Не гнѣвите Бога, Викторъ Ивановичъ, не предавайтесь отчаянію!»

— Да! я послушался бы васъ, если бы вы могли измѣрить бездну моего несчастія. Вы оклеветаны, согнаны съ блестящей дороги, которая васъ вела къ чести и знатности; изгнаны, обезчещены, заточены, — конечно, это страшное злополучіе; но вы не испытали измѣны, ужасной измѣны сердца, которое бы вы почитали святилищемъ, недоступнымъ ни какому пороку; измѣны того человѣка, котораго бы любили болѣе самого себя, котораго бы вы считали небеснымъ духомъ, и который бы сталъ... О Боже!... Я видѣлъ прекрасное существо, которое, можетъ быть, готово было наименовать меня своимъ сыномъ, и эта злополучная... О! для чего ты, Небо, сохраняешь еще мое пагубное бытіе?... Возьми его! Возьмите у меня жизнь!

Несчастный упалъ ницъ на скамью и зарыдалъ горько.

«Викторъ Ивановичъ! — сказалъ Ивашкинъ съ важнымъ видомъ — вы богохульствуете?»

— Что это значитъ?

«Вы проклинаете жизнь, и слѣдовательно оскорбляете Творца, вамъ ее давшаго! Вы не видите Его путей, и дерзаете мыслить, что они не правы! Малодушный! я испыталъ не менѣе твоего: и я любилъ нѣкогда, и я получалъ клятвы въ вѣрности; скажу еще болѣе: я имѣлъ друга, горячо-любимаго мною друга, для котораго не жалѣлъ ни самой жизни моей — и что же? Этотъ-то другъ и погубилъ меня, и, невѣрная! отдала ему свою руку...»

— А вы?

«А я благословляю Провидѣніе, и несу безропотно ношу скорбей, чтобы успокоиться въ могилѣ!»

Мичманъ взглянулъ на своего собесѣдника съ чувствомъ невольнаго уваженія. «Великій человѣкъ! — подумалъ онъ — и ты въ рубищѣ и уничиженіи!»

Разговоръ прекратился на нѣсколько времени. Оба разговаривавшіе, сильно взволнованные мыслями, погрузились въ думу; но потомъ мичманъ, примѣтно успокоившійся, сказалъ:

«Конечно, Аркадій Петровичъ, когда несча-

стіе прошло, тогда можно уже покоряться судьбѣ; но бѣдствіе настоящее...»

—А развѣ вы находите настоящее положеніе мое счастливымъ? Развѣ я не въ ссылкѣ, не въ тюрьмѣ, не въ нищетѣ, не обезчестенъ, не опозоренъ? И развѣ я — произнесъ Ивашкинъ дрожащимъ голосомъ, залившись слезами— развѣ я не лишился послѣдняго человѣка, любившаго меня на сей землѣ?

«И за всѣмъ тѣмъ?...»

— И за всѣмъ тѣмъ благодарю Создателя моего, и не ропщу на свой жребій: здѣшняя жизнь — мгновеніе, а тамошняя — вѣчность!

«Боже Всемогущій!—воскликнулъ мичманъ— отчего я не имѣю этой удивительной преданности Твоей волѣ?»

— Молись Ему, Викторъ Ивановичъ, молись: это бездна благости и милосердія; это отецъ, который и въ тѣ ужасныя минуты, когда все бѣжитъ отъ несчастнаго, простираетъ къ нему отрадную руку и проливаетъ утѣшеніе въ его растерзанное сердце. Молись ему, юноша, молись, и я стану также молиться за тебя!

Ивашкинъ, со слезами на глазахъ, произнесъ самую пламенную молитву, вылетѣвшую изъ глубины его сердца. Мичманъ былъ пораженъ этимъ

зрѣлищемъ. Душа его умилилась, и въ первый разъ, по приключеніи съ нимъ несчастія, слезы полились изъ его глазъ.

«Благодарю тебя, добродѣтельный человѣкъ — сказалъ онъ, сжимая руку Ивашкина — благодарю: ты облегчилъ мою горесть, и пролилъ какой-то цѣлебный бальзамъ въ мое сердце; мнѣ стало теперь гораздо легче.»

— Благодарите того, Викторъ Ивановичъ, отъ котораго вѣчно истекаетъ благость и щедрота. Не преставайте прибѣгать къ Нему въ часъ скорьби и отчаянія — и вы всегда получите скорую помощь....

«Да! когда уже не осталось ничего на землѣ....»

— Но для чего вамъ такъ думать? Я, конечно, жизнь свою уже прожилъ; но ваша едва начинается....

«И скоро кончится!»

— Но она не должна кончиться. Вы обязаны сберечь ее, если не для себя, такъ для отечества.

«Это не въ моей власти; и притомъ, что такое отечество?»

— Священная страна, пріютъ въ дни дѣтства и успокоеніе въ старости!

«Пусть будетъ такъ; но эта цѣпь слишкомъ хорошо связала меня и для себя и для отечества!»

— Викторъ Ивановичъ! вы видите: мнѣ предана наша стража. Эти добрые люди сами не могутъ смотрѣть равнодушно на ваши страданія. Скажите слово — и вы свободны!

«Какъ? Вы предлагаете мнѣ бѣжать? Мнѣ бѣжать! Куда и зачѣмъ?»

— Затѣмъ....

«Замолчи, старый грѣшникъ! — вскричала вбѣжавшая въ тюрьму цыганка. Мичманъ вздрогнулъ и отворотился къ стѣнѣ; но Ивашкинъ сохранилъ свое непоколебимое спокойствіе. — «Я все подслушала! — продолжала она. — Лукавая лисица! Ты не обманешь меня?»

— Тебя?

«Я всѣ знаю твои умыслы, и прежде, чѣмъ ты сманишь моего безпутнаго сына...»

— Боже Великій! – воскликнулъ мичманъ голосомъ величайшей горести.

«А я такъ скажу тебѣ, — прервалъ равнодушно Ивашкинъ — что размозжу тебѣ голову прежде, чѣмъ ты назовешь его въ другой разъ своимъ сыномъ!»

— Какъ?

«Да говори скорѣе: зачѣмъ ты пришла, и не заражай....»

— Аркадій Петровичъ! — произнесъ мичманъ умоляющимъ голосомъ — оставьте ее: можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ мать моя.

«Можетъ быть! — повторила цыганка укоризненнымъ голосомъ — можетъ быть! Такъ знай же, безумецъ, что тотъ, кому ты писалъ вчера, спрашивая: отецъ ли онъ твой? послалъ меня сказать тебѣ, что одни изверги ищутъ своихъ родителей только въ тѣхъ, кто богатъ и въ чести, и презираютъ тѣхъ, которые въ нищетѣ и униженіи....»

— И такъ, все совершилось! — произнесъ съ отчаяніемъ мичманъ, схлопнувъ руками и поникнувъ головою на грудь. — Я погибъ!

«Неблагодарный, отступникъ, извергъ! — завопила цыганка — я дала тебѣ жизнь, воспитала, пожертвовала для тебя всѣмъ, самою любовію матери, а ты? Ты подъискался подо мною, обезчестилъ меня, погубилъ, и теперь еще не хочешь признать меня своею матерью! Да будетъ же проклятъ часъ, въ который ты родился на свѣтъ! Да будетъ....»

— Пощади! — возопилъ мичманъ, повалившись на скамью.

«Если ты точно мать его — сказалъ строго Ивашкинъ, — то ты должна сжалиться надъ нимъ!»

— Нѣтъ, нѣтъ для него жалости: она умерла давно въ моемъ сердцѣ! Проклинаю его стократно, проклинаю....

«Милосердый Боже!» — тихо простоналъ мичманъ.

— Такъ, замолчи же, злодѣйка! — вскричалъ Ивашкинъ, схвативъ цыганку за грудь, бросивъ ее на полъ, и зажавъ ей ротъ. — Я вижу, что ты не мать его, а Фурія!

«Пощадите ее, пощадите!» — говорилъ мичманъ едва слышнымъ голосомъ.

Въ это мгновеніе цыганка, обладавшая не женскою силою, рванулась съ необыкновеннымъ усиліемъ, сбросила съ себя Ивашкина, и съ крикомъ: «караулъ! разбой! душатъ!» кинулась въ двери; но едва она успѣла занести ногу черезъ порогъ, какъ грозно е страшилище схватило ее за горло: это былъ полунагой, полуживой, съ блѣднымъ изсохшимъ лицемъ и выставившимися глазами мертвецъ. Трудно было узнать въ немъ фельдшера.

«Стой! — завопилъ онъ охрипнымъ, болѣзненнымъ, но пронзительнымъ голосомъ. — Стой!

Въ эту минуту ты мнѣ всего нужнѣе.» Съ напряженіемъ всѣхъ силъ онъ вдернулъ ее въ тюрьму, и не давъ опомниться ей отъ изумленія, повергнулъ ее на полъ, и ставъ колѣномъ на грудь, произнесъ съ страшнымъ воплемъ: «Кайся! кайся въ твоихъ злодѣйствахъ!»

Мичманъ не могъ объяснить себѣ, что такое совершалось предъ его глазами: сонъ или существенное явленіе, и то глядѣлъ на сіе, то снова закрывалъ глаза, какъ бы желая повѣрить свое сомнѣніе. Ивашкинъ также смотрѣлъ съ изумленіемъ; равнымъ образомъ и казаки, какъ караулившіе тюрьму, такъ и прибѣжавшіе вслѣдъ за фельдшеромъ, бывъ поражены симъ зрѣлищемъ, стояли въ безмолвіи. «Кайся! — кричалъ мертвецъ. — Викторъ Ивановичъ! мы съ этою злодѣйкою, а не невѣста твоя, виновны въ смерти начальницы; мы умертвили ее, и оклеветали невинную...»

— Боже мой! что я слышу? — говорилъ шепотомъ мичманъ, все еще не довѣряя самъ себѣ.

«Мы сговорились съ начальникомъ на это злодѣяніе; мы, а не невѣста твоя, украли доносъ твой; мы всему злу причиною; мы погубили васъ, мы злодѣи, убійцы!»

Больной не могъ болѣе говорить, ослабѣлъ,

и упавъ на полъ, покатился въ ужасныхъ конвульсіяхъ.

— Скажите мнѣ, ради Бога скажите мнѣ, Аркадій Петровичъ — говорилъ мичманъ умоляющимъ голосомъ — что́ это такое? Мечта, сонъ, видѣніе моей разстроенной души?

«Нѣтъ, Викторъ Ивановичъ, это не сонъ, но здѣсь рука Промысла: вы видите, злодѣй невольно кается въ погубленіи васъ.»

И такъ я обманутъ, жестоко обманутъ?

«Мы тебя обманули! — вопіялъ валявшійся на полу въ смертныхъ страданіяхъ фельдшеръ.— Я твой губитель! Я тебя обнесъ, оклеветалъ неповиннаго въ убійствѣ, а самъ.... сдѣлался настоящимъ убійцею! Ахъ! зарѣжь меня, приколи, растерзай меня скорѣе.... Нѣтъ болѣе силъ терпѣть этихъ адскихъ мученій!»

— Мерзавецъ! — вскричала съ величайшею злобою и изступленіемъ цыганка, отдохнувшая между-тѣмъ отъ боли, причиненной фельдшеромъ, и кинувшаяся на него съ ножемъ, схваченнымъ ею со стола. — Мерзавецъ! я тебя избавлю отъ этихъ мученій:

«Держите ее!» — вскричалъ Ивашкинъ, и бросившись къ ней, успѣлъ схватить ее за руку.

Казаки кинулись къ нему на помощь, и мгновенно обезоружили убійцу.

— Ребята! — сказалъ Безшабашный, бывшій въ караулѣ — скрутимъ ка ей руки, чтобы не барахталась, да поведемъ къ начальнику.

«Вы успѣете еще увести ее!—сказалъ Ивашкинъ. — Но теперь лучше позовите сюда скорѣе отца протоіерея: вы видите, фельдшеръ издыхаетъ, и можетъ умереть безъ покаянія; грѣхъ останется на васъ!»

Казаки, потолковавши нѣсколько между собою, послали одного изъ среды себя за протопопомъ. Между тѣмъ больной не преставалъ кататься по полу, и когда Ивашкинъ предложилъ ему лечь на скамью, разостлавши на нее свой армякъ, онъ, съ ужаснымъ скрежетомъ зубовъ, отвѣчалъ ему: «Оставь меня, оставь! Мало мнѣ этого, злодѣю!»

— Видите, Викторъ Ивановичъ — говорилъ Ивашкинъ — какъ Богъ и милосердъ и справедливъ! Кто внушилъ этому несчастному придти къ вамъ съ раскаяніемъ, если не Тотъ, Кто владѣетъ нашими помышленіями? Я давеча говорилъ вамъ: надо Ему молиться, и Онъ не замѣдлитъ поспѣшить на помощь!... Но отъ чего же я еще не вижу слѣдовъ радости на вашемъ

лицѣ, когда величайшая тягость спала съ вашего сердца — и невѣста ваша невинна?

«Но я виновенъ предъ нею! Проститъ ли она меня? Притомъ, эта женщина!... о! если она въ самомъ дѣлѣ мать моя!»

— Нѣтъ, она не мать твоя! — прохрипѣлъ умирающій фельдшеръ. — Я знаю ее давно.... Я былъ бѣглый солдатъ, и вмѣстѣ съ нею участвовалъ нѣкогда въ воровствахъ. Она....

«Околѣй, дьяволъ! — завопила цыганка, порываясь изъ рукъ казаковъ — околѣй! О кабы я могла вырвать съ корнемъ твой проклятый языкъ!»

— Зажмите ей ротъ! — вскричалъ Ивашкинъ.—Зажмите, вотъ такъ, чтобы она не могла слова пикнуть!

Но между тѣмъ съ больнымъ увеличились припадки, и онъ не былъ въ состояніи сказать ни одного слова на безчисленные вопросы мичмана.

«Экая причина, ребята! — говорили казаки— смотри, что онъ умретъ безъ покаянія! Что это отецъ протопопъ замѣшкался! Бѣги-ка ты за нимъ, Егорка!.... А вотъ, слава Богу идетъ!»

— Не опоздалъ ли я? — спросилъ съ нетерпѣніемъ протопопъ.

«Да чуть ли не опоздали, отецъ Петръ! — сказалъ Ивашкинъ. — Впрочемъ онъ ужъ во всемъ раскаялся. Вотъ что онъ при всѣхъ насъ говорилъ....»

Ивашкинъ пересказалъ, въ краткихъ словахъ, признаніе фельдшера, и протопопъ, съ видомъ величайшаго умиленія, произнесъ: «Благодарю тебя, Господи Боже Всемилосердый: что Ты не попустилъ погубить невинную сироту! Я твердо увѣренъ былъ, Аркадій Петровичъ, что Господь, рано или поздно откроетъ ея невинность.... Но дайте же мнѣ поскорѣе заняться этимъ несчастнымъ.... Друзья мои! — сказалъ онъ обратившись къ казакамъ — положите его на лавку.... Ахъ, Господи! какъ онъ мучится! Какъ ужасно сводитъ его члены и какъ пѣна бьетъ изо рта!... Зажгите-ка эту свѣчку, и поставьте передъ образомъ.... Алексѣй Пантелѣичъ! я пришелъ, любезный, къ тебѣ.... Перекрестись, если можешь, и если слышишь меня, то дай знать мнѣ хотя движеніемъ руки.... Алексѣй Пантелѣевичъ!»

Больной почувствовалъ призывающій его голосъ, еще разъ раскрылъ глаза, и взглянувъ на протопопа, съ видомъ величайшаго раскаянія, произнесъ умирающимъ голосомъ: «отецъ Петръ! простите меня!»

Послѣднія слова произнесены были шепотомъ. За тѣмъ послѣдовало страшное молчаніе. Еще раскрылись глаза, потухшіе и остановившіеся — и потомъ закрылись навсегда. «Онъ скончался! — сказалъ протопопъ съ чувствомъ живѣйшаго участія. — Господь да проститъ его согрѣшенія!»

Послѣ сего, совершивъ надъ умершимъ установленныя молитвы, протопопъ сказалъ казакамъ, чтобы отнесли его на квартиру, и потомъ подошелъ къ мичману, который, при приближеніи его, затрепеталъ, какъ преступникъ, не смѣя поднять на него глазъ.

— Что съ вами сдѣлалось, Викторъ Ивановичъ? — спросилъ протопопъ. — Отъ-чего вы такъ дрожите? Вы все еще больны?

«Нѣтъ, я здоровъ; но... я оскорбилъ васъ; оскорбилъ Марію.... Ахъ, я знаю, что достоинъ всего вашего гнѣва!»

— Полноте, Викторъ Ивановичъ! На что я буду сердиться, когда вы нисколько не виноваты? Васъ нарочно старались разстроить съ Машей! Все дѣло въ томъ, что Антонъ Григорьевичъ, забывъ и совѣсть и страхъ Божій, рѣшился или погубить васъ обоихъ, или жениться на ней...

«Что я слышу?»

— И сегодня еще поутру приходилъ онъ ко мнѣ съ предложеніемъ, что если я хочу спасти Машу отъ гибели, то отдалъ бы ее за него...

«Злодѣй!»

— Но я сказалъ ему рѣшительно, что я надѣюсь на единую помощь Божію, по слову писанія: *не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны человѣческія*; что если святой волѣ Его не угодно будетъ примирить васъ между собою....

«О мой отецъ! О мой другъ! — воскликнулъ мичманъ — если Марія отвергнетъ раскаяваю-щагося преступника, то я готовъ умереть у ногъ ея!»

— И не смотря на то — сказалъ хладнокровно Ивашкинъ — умрете въ этой тюрьмѣ, невидавъ ее!

«Такъ! Я не могу имѣть и этого послѣдняго утѣшенія!»

— Нѣтъ, можете, если вамъ пріятнѣе обнять вашу невѣсту, нежели нянчиться съ этою подругою (Ивашкинъ указалъ на цѣпь).

«Неужели мнѣ должно бѣжать, какъ преступнику! Нѣтъ; что бы ни стало со мною, я этого сдѣлать не могу!»

— Отецъ Петръ! — сказалъ возвратившійся

въ сіе время, по отнесеніи фельдшера, Безшабашный — мы теперь шли мимо дома Горбунова, и, смотри, что-то тамъ не ладно совершается: кажись голосъ начальника и Марьи Алексѣевны...

«Боже милостивый!» — воскликнулъ протопопъ, упавъ безъ чувствъ на полъ.

— Проклятая цѣпь! — вскричалъ мичманъ съ величайшимъ изступленіемъ. — Теперь ты меня не удержишь (онъ рванулъ цѣпь, и выдернулъ ее изъ стѣны)!

«Что вы дѣлаете? — говорилъ Безшабашный. — Вы хотите бѣжать; но мы не смѣемъ васъ отпустить.»

— Пустите меня или...

«Насъ стращать нечего: мы не трусова десятка! Изволь-ка убираться на свое мѣсто!»

— Разбойники! я размозжу вамъ всѣмъ головы!

«Ребята! — сказалъ Безшабашный — берите его, да свяжемъ по рукамъ и по ногамъ.»

— Остановитесь! — вскричалъ Ивашкинъ — остановитесь! Вы слышали, что онъ ни въ чемъ невиновенъ; что его терзаютъ напрасно; что злодѣй для того только губитъ его, чтобы отнять у него невѣсту, и, можетъ быть, въ эту

минуту совершаетъ ужаснѣйшее изъ преступленій... Если вы христіане, вы не должны исполнять волю душегубца... Пустите его!

«Мы дали присягу!»

— Вы дали присягу служить вѣрою и правдою Государынѣ; но здѣсь вы видите явное нарушеніе всѣхъ законовъ и Божескихъ и Государевыхъ. Вы сами будете отвѣчать, когда допустите погубить невинность!

«А что въ самомъ дѣлѣ, ребята — сказалъ Безшабашный—вѣдь теперь въ домѣ Горбунова не добро творится! Такъ и быть: пусть же судитъ насъ Богъ и Государыня, но не дадимъ злодѣю смѣяться надъ сиротою. Пустимъ его, и всѣ пойдемъ съ нимъ вмѣстѣ!»

— Пойдемъ, ребята! — вскричали казаки въ одинъ голосъ. — Пойдемъ! За добро не станутъ судить насъ!

XXIV.

ПРИМИРЕНІЕ.

Начальникъ, получивъ рѣшительный отказъ въ рукѣ Маріи, вышелъ отъ протопопа съ величайшею яростію, хотя при прощаніи и утаилъ ее въ сердцѣ. «Теперь — думалъ онъ, идучи дорогою — жребій мой брошенъ: пусть этотъ старый хрычъ лопнетъ съ досады, а я цѣли своей достигну! ни Богъ, ни адъ не остановятъ меня въ моемъ намѣреніи: я не жду болѣе милости и презираю всякія муки!»

Мы не будемъ доканчивать сихъ страшныхъ размышленій злодѣя, уже перешедшаго всѣ предѣлы возможности раскаянія, и скажемъ только

то, что онъ принялъ рѣшительное намѣреніе посѣтить въ тотъ же день Марію.

Положеніе сей несчастной со стороны содержанія не было слишкомъ худо: ибо губитель ея, для собственныхъ адскихъ цѣлей, старался о ея выздоровленіи. Горница, гдѣ жила она, была довольно просторна и опрятна, какъ въ порядочномъ крестьянскомъ домѣ. Пища доставлялась ей не только здоровая, но и пріятная. Самая свобода ея не была совсѣмъ стѣснена: ей позволялось гулять въ огородѣ, который хотя для пріѣзжаго не представилъ бы инаго зрѣлища, кромѣ скупости тамошней природы, но для жительницы Камчатки былъ, по крайней мѣрѣ, не непріятенъ (*). Все это, конечно, не могло возвратить Маріи ея прежняго здоровья и красоты, однакожъ, при ея молодости, крѣпкомъ сложеніи и особенно при твердомъ упованіи на Бога, поддержало ея жизнь. Она страдала, но не предавалась отчаянію, и горесть ея, растворенная чувствованіемъ невинности и живою надеждою на высшую помощь и лучшую жизнь, если не здѣсь,

(*) Въ Камчаткѣ родится картофель, капуста, не вьющаяся, однакожъ, въ кочни, рѣпа и рѣдька. Хлѣбъ сѣютъ весьма мало и только во внутреннихъ мѣстахъ, по рѣкѣ Камчаткѣ.

такъ за гробомъ, придавала ея чертамъ нѣчто возвышенное, неземное: ибо счастіе сближаетъ насъ съ землею, а злополучіе приближаетъ къ Небу; и тотъ, кто никогда не былъ несчастливъ, заслуживаетъ истинное сожалѣніе!

Марія, пробудившись на самомъ разсвѣтѣ, сѣла подъ окно. Все покоилось и въ природѣ и въ смутномъ жилищѣ людей; только чуть-чуть подувалъ легкій утренній вѣтерокъ, и море едва плескалось въ берега. Небо было чисто. Воздухъ прозраченъ и прохладенъ. Вдали поднималась заря. Прекрасное, радостное явленіе утра имѣло цѣлебное дѣйствіе на душу Маріи, какъ и всегда бываетъ съ несчастными: имъ кажется, что, при всеобщемъ праздникѣ, воскресеніи природы, невозможно, чтобы одни они были забыты и опредѣлены на мученія. Свѣтлый, прелестный лучъ надежды блеснулъ ярко въ душѣ нашей страдалицы, и ей такъ живо, такъ ясно представилось могущество Творца, что, въ умилительномъ восторгѣ души, она залилась слезами, и бросилась на колѣна, обративъ молящій взоръ на лучезарный Востокъ, откуда, казалось ей, вмѣстѣ со свѣтомъ лились утѣшеніе и отрада.

Дѣйствіе молитвы всегда благодѣтельно: Марія цѣлое утро чувствовала себя весьма легко,

тѣмъ болѣе, что при ней не было на сей разъ ея ненавистнаго аргуса — Маринны, которая въ сіе время отлучалась отъ нея, имѣвъ продолжительную конференцію съ начальникомъ. Злодѣй и сластолюбецъ разспрашивалъ ее со всею подробностію о душевномъ расположеніи Маріи—и цыганка, находя замѣченное уже нами выше дьявольское удовольствіе подстрекать своего губителя на новыя злодѣянія, и притомъ мучить свою невинную соперницу, обманула его. По словамъ ея, Марія уже начинала охотно слушать разсказы объ удовольствіяхъ брачной жизни и о выгодѣ быть женою человѣка богатаго и чиновнаго. Гнусная страсть вспыхнула въ грѣшникѣ. Не откладывая далѣе своихъ намѣреній, злодѣй пошелъ къ протопопу. Послѣдствія ихъ свиданія уже извѣстны. Цыганка, возвратившись къ Маріи, начала съ адскимъ смѣхомъ надъ нею издѣваться.

— Я рада, что ты сегодня не такъ печальна, какъ прежде, и не такъ сердито на меня смотришь; за то и я тебѣ скажу радостную вѣсть.

Марія хотя убѣгала всякаго разговора съ Мариною: ибо злодѣйка всегда растворяла его ядомъ; но обольщенная мечтательными надеж-

дами сердца, бѣдная думала, что въ настоящихъ словахъ Марины уже заключается ихъ исполненіе, и съ нетерпѣніемъ спросила ее: «Не узналъ ли онъ, что я невинна?»

— Это — онъ отвѣчала цыганка съ усмѣшкою, будто бы не понимая, про кого говоритъ Марія — это онъ давно уже знаетъ!

«О если это правда, то благодарю Тебя, Боже мой! Одного этого я и желала: теперь что ни будетъ со мною, я все снесу терпѣливо!»

— И я скажу тебѣ еще болѣе: онъ сегодня къ тебѣ придетъ...

«Онъ придетъ ко мнѣ? Викторъ?»

— Какой Викторъ! Не про него рѣчь: онъ сидитъ въ тюрьмѣ, и скоро исчахнетъ въ цѣпяхъ.

Смертная блѣдность выступила на лицѣ Маріи. Цыганка продолжала:

— Рѣчь о начальникѣ. Вѣдь я тебѣ твержу давно, что онъ отъ тебя безъ памяти.

«Перестань!—воскликнула Марія, всплеснувъ руками.—Если ты вѣришь чему-нибудь святому, то заклинаю тебя этимъ — не мучь меня!»

— Что за мука быть женою начальника?

«Боже мой, Боже мой!»

— Ну, а если не нравится быть его женою,

то можешь сдѣлаться его любовницею. Правда, когда пройдетъ молодость и спадетъ красота, то онъ, безъ сомнѣнія, тебя броситъ; но чтожъ такое? Не ты первая, не ты и послѣдняя! Я сама была нѣкогда не хуже тебя...

Марія ничего не отвѣчала, и только самые болѣзненные вопли вырывались изъ ея души. Языкъ злобы наконецъ истощился. Марія отдохнула. Наступилъ вечеръ. Вдругъ опять цыганка вбѣжала къ ней съ видомъ фуріи и, съ адскою радостію на глазахъ, сказала: «Вотъ, видишь, я правду говорила тебѣ давеча: онъ придетъ; вонъ и идетъ онъ! Радуйся!» Но противъ ожиданій ея, Марія не оробѣла: отчаяніе придало ея душѣ невѣроятныя силы. Спрятавъ, украдкою отъ цыганки, ножъ въ рукавѣ своего платья, она сѣла подлѣ стола и ожидала своего злодѣя съ величайшимъ, повидимому, спокойствіемъ. Онъ взошелъ въ горницу, и прежде обратился къ цыганкѣ. «Я забылъ тебѣ сказать — говорилъ онъ — что твой сынокъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ описываетъ свое происхожденіе и набивается мнѣ въ сыновья. Поди и скажи ему...» Продолженіе сего приказанія мы знаемъ. Цыганка, бросивъ взоръ нечеловѣческой радости на Марію, вышла изъ гор-

ницы, и остановившись на нѣкоторое время у дверей, прислушивалась съ дикимъ удовольствіемъ начавшемуся между Маріею и начальникомъ разговору, и потомъ отходя прочь, сказала съ неимовѣрною злобою: «Празднуй, злодѣй; праздникъ твой не долгъ! Теперь пойду потѣшусь надъ твоимъ выродкомъ, а тамъ наступитъ и твоя очередь!»

Въ продолженіе сего между начальникомъ и Маріею началась слѣдующая сцена:

«Марья Алексѣевна! — сказалъ начальникъ строгимъ голосомъ — вы, чай, знаете за что вы содержитесь?

— За что бы я ни содержалась — отвѣчала Марія съ твердостію, — но я знаю одно то, что я невинна!

«Хорошо! О невинности твоей поговоримъ послѣ; но теперь я долженъ сказать тебѣ, что если ты имѣешь хоть какое-нибудь сердце, то должна чувствовать цѣну моихъ благодѣяній, и быть, вразсужденіи меня, по крайней мѣрѣ, благодарною...»

— Вамъ благодарною? — съ живостію прервала Марія.

«Да, благодарною! - повторилъ начальникъ. — На тебя поданъ мнѣ ужасный доносъ, что ты

отравила мою жену. Я давно могъ бы произвесть слѣдствіе и осудить тебя, а ты видишь я что̀ дѣлаю? Съ собственною своею опасностію я хочу спасти тебя: я медлю, заботусь о твоемъ содержаніи, о здоровьѣ, о спокойствіи...»

— Но было бы гораздо съ вашей стороны великодушнѣе, когда бы вы приказали убить меня однимъ разомъ, чѣмъ по каплѣ пить мою кровь.

«Такъ! Неблагодарная! я зналъ напередъ, что инаго ожидать отъ тебя нечего! Хорошо! Я болѣе тебя не стану щадить: предамъ тебя суду; пусть же полюбуется твой старый дѣдъ, когда тебя выведутъ на мѣсто казни, и когда...»

— Но чего вы хотите отъ меня?

«Ты знаешь, чего я хочу. Я люблю тебя. Если хочешь избавиться отъ казни: будь моей женою!»

— Никогда!

«А казнь?»

— На все готова!

«А думаешь ли ты, что твой дѣдъ перенесетъ твое безчестіе?»

— Я знаю, что онъ не перенесетъ этого, и смерть его падетъ на твою душу!

«Э! такъ ты такова! Но нѣтъ голубушка ты не отдѣлаешься отъ меня: ты моя!»

— Отойди, злодѣй! – вскричала Марія, припимаясь за ножъ.

«Вздоръ! Ты должна быть моею!»

Марія, отскочивъ на нѣсколько шаговъ отъ губителя, выдернула изъ рукава ножъ, и занеся его себѣ на грудь, сказала ему съ величайшею твердостію: «Если ты сдѣлаешь еще одинъ шагъ ко мнѣ, меня не будетъ!»

— Ты рѣшаешься на самоубійство?

«Рѣшаюсь!»

— И не боишься вѣчной муки?

«Ты будешь отвѣчать за меня!»

— Но подумай, что если ты сдѣлаешься моею женою, то будешь пользоваться честію, богатствомъ, довольствомъ; все мое будетъ принадлежать тебѣ; я раскрою предъ тобою всѣ мои сокровища, и каждое твое слово...

«Замолчи обольститель! Я ненавижу тебя, и презираю твои богатства!»

— Испытаніе кончилось! — сказалъ начальникъ, вдругъ принявъ на себя радостный и довольный видъ, и сѣвъ на скамью.—Милая дочь моя! ты выросла подъ моимъ кровомъ, и ты могла подумать, что я въ самомъ дѣлѣ стану губить тебя, разлучая съ избраннымъ тобою женихомъ! Нѣтъ, ты еще не знаешь меня; не

знаешь, сколько я забочусь о твоемъ счастіи! Все, что ни случилось съ тобою, было сдѣлано по желанію самого твоего жениха. Онъ хотѣлъ испытать твою къ нему любовь, твое постоянство, твою добродѣтель — и ты прекрасно выдержала это испытаніе!

«Напрасно ты думаешь обмануть меня этою ложью: я знаю тебя уже хорошо!»

— Но если ты не вѣришь мнѣ: то повѣришь твоему жениху, который....

«Который, по твоему приказанію сидитъ въ тюрьмѣ и въ цѣпяхъ!»

— Нѣтъ!... который свободенъ, и теперь же будетъ у ногъ твоихъ.

Начальникъ отворилъ дверь въ сѣни, и сказалъ громко: «Викторъ Ивановичъ! идите, спѣшите въ объятія вашей....» Когда онъ говорилъ сіе, Марія стояла въ недоумѣніи. Злодѣй примѣтивъ сіе, не докончилъ рѣчи, быстро обернулся къ ней, выхватилъ у ней изъ рукъ ножъ, отбросилъ его въ сторону, и схвативъ Марію въ объятія, вскричалъ съ неистовою радостію: «Теперь ты моя!»

Марія издала ужасный вопль. «Боже! защити меня!» — вскричала она отчаяннымъ голосомъ, употребляя слабыя и тщетныя усилія.

— Нѣтъ! — сказалъ злодѣй съ бѣшенымъ смѣхомъ. — Теперь ни какая сила не вырветъ тебя изъ моихъ рукъ! Ты моя!

«Злодѣй!—вскричалъ вбѣжавшій въ горницу въ ярости и бѣшенствѣ мичманъ — полно ругаться надъ невинностію!» Онъ мощно ухватилъ начальника за волосы, бросилъ его на полъ, и занесъ надъ главою его саблю.

— Викторъ, Викторъ!—вскричала Марія забывшая, въ сію минуту ужаснаго смущенія, всѣ злодѣйства начальника, всѣ оскорбленія, перенесенныя ею отъ своего жениха, всѣ непріязненныя съ нимъ отношенія, и увлекшаяся одною къ нему любовію — Викторъ! что ты дѣлаешь? Ты губишь себя!

«Ты не знаешь, Марія—отвѣчалъ мичмамъ, оставаясь въ томъ же положеніи — всю злобу и гнусность этого душегубца! Онъ посѣялъ вражду между нами; онъ оклеветалъ и очернилъ тебя предо мною; онъ хотѣлъ погубить тебя: самъ велѣлъ убить свою жену, и свое злодѣяніе свалилъ на тебя, дабы принудить тебя слѣдоватъ его гнуснымъ желаніямъ; онъ....»

— Все это извѣстно мнѣ, Викторъ; но я все прощаю ему, и умоляю тебя: и ты прости его!

Мнѣ простить его? Никогда! Нѣтъ; конец его насталъ! Умирай, злодѣй.»

— Остановись! Остановись! - вскричала Марія, бросясь къ мичману и удержавъ его руку.

«Для чего ты его удерживаешь? — сказалъ начальникъ съ обыкновеннымъ равнодушіемъ.— Пусть онъ убьетъ своего отца!»

— Нѣтъ, извергъ, ты самъ отказался отъ этого имени, и теперь меня не обманешь имъ!

«Перестаньте, перестаньте, Викторъ Ивановичъ! — сказалъ поспѣшно вошедшій въ сію минуту Ивашкинъ. — Что вы затѣяли? Господь съ вами! Ужели хотите сдѣлаться убійцею? Боже сохрани васъ! Онъ злодѣй, но что же и вы будете передъ закономъ, когда убьете его? И тогда на-вѣкъ вы прощайтесь со своимъ счастіемъ!»

— Этотъ извергъ уже похитилъ его у меня: я оскорбилъ ангела (мичманъ показалъ на Марію), и все кончено!

«Неужели ты думаешь, Викторъ, что я могу на тебя сердиться? Я и теперь люблю тебя, какъ и всегда!»

— Какъ? ты и теперь все еще любишь меня?

«Я никогда и не переставала тебя любить! Я видѣла, что ты въ заблужденіи, и объ одномъ просила Бога, чтобы ты узналъ мою не-

виность; потомъ же, если бы ты и забылъ меня, я все бы простила, и если бы умерла, то умерла бы о тебѣ молясь!»

— О небесное существо!—воскликнулъ мичманъ, бросивъ саблю, и упавъ къ ногамъ Маріи.

Слезы потекли ручьемъ у него изъ глазъ.— Ангелъ-хранитель мой! какъ ты любишь меня, и какъ я, легковѣрный, не достоинъ твоей любви!

Между тѣмъ освободившійся изъ рукъ мичмана злодѣй проворно вскочилъ на ноги и бросился въ двери; но Ивашкинъ остановилъ его.

«Пустите меня! — кричалъ первый. — Что? Вы хотите меня убить? Вы бунтовщики, крамольники....»

— Нѣтъ, Антонъ Григорьевичъ, мы не бунтовщики и не крамольники; но все-таки не можемъ васъ отпустить.

«Вы бунтуете противъ власти, нарушаете законы....»

— Это рѣшитъ высшее начальство, кто изъ насъ: мы или вы болѣе нарушаемъ законы; но теперь мы не имѣемъ времени съ вами состязаться. Вы должны остаться здѣсь, пока не придутъ васъ отсюда выручить. «Ребята!—сказалъ! Ивашкинъ, обратившись къ казакамъ—посадите Антона Григорьевича въ этотъ чуланъ.»

— Какъ вы смѣете, разбойники? Я вашъ начальникъ!

«Знаемъ — говорилъ Безшабашный — что Матушка Царица послала васъ сюда начальствовать, да вы-то, вишь, задумали другое, а повадился кувшинъ по воду ходить, такъ тутъ ему и голову положить.»

— Упрямиться нечего, Антонъ Григорьевичъ! —сказалъ съ твердостію Ивашкинъ. — Вы видите: здѣсь всѣ противъ васъ. Извольте войти въ чуланъ доброй волей: изъ уваженія единственно къ вашему званію мы не хотимъ употребить силы.

«Хорошо, я пойду, но.... это будетъ вамъ всѣмъ дорого стоить!»

Ивашкинъ молча заперъ за нимъ дверь, завернулъ замкомъ, и положивъ ключъ въ карманъ, сказалъ тихо любовникамъ, утопавшимъ между тѣмъ въ слезахъ радости и восторга: «Довольно, довольно! Пора идти! Время дорого! Пользуйтесь имъ, пока звѣрь взаперти!... Едва приведя въ чувство отца протоіерея....»

— Развѣ онъ боленъ? — спросила испугавшаяся Марія.

«Былъ, но я помогъ ему. Все это вы узнаете послѣ.... Я уговорилъ его обвѣнчать васъ

вынѣшнею же ночью, — и онъ уже въ церкви. Спѣшите за мною!»

— Но что съ нами будетъ потомъ? — спросилъ мичманъ.

«Впереди Богъ! спѣшите!»

XXV.

ВѢНЧАНІЕ.

Была темная ночь. Небо задернулось тучами, отъ времени до времени освѣщавшимися молніею. Слышался и громъ, но отдаленный, глухой, какъ большею частію бываетъ въ Камчаткѣ. Въ лѣсахъ бушевалъ вѣтеръ. Волны шумѣли на морѣ. Пользуясь мракомъ и шумомъ, молча пробиралась къ церкви торопливая толпа, изъ которой, при одномъ поворотѣ повидимому тайкомъ отъ прочихъ, отдѣлился человѣкъ, и ускользнулъ въ ворота. Дойдя до дверей церкви, толпа раздѣлилась надвое: большая часть пошла скорыми шагами къ лѣсу; остальные вошли въ

церковь. Въ ней было и пусто и мрачно и безмолвно; только скрыпѣли ставни, потрясаемыя вѣтромъ; только одна свѣча горѣла передъ налоемъ, у котораго стоялъ старецъ, погруженный въ глубокую думу. Прекрасный юноша и прелестная дѣвушка бросились въ его объятія. Старикъ прижалъ ихъ къ своей груди, и всѣ трое, не произнеся ни одного слова, вдругъ залились слезами. Есть чувствованія, для которыхъ языкъ человѣческій и медлителенъ и излишенъ!

Прошли первыя минуты свиданія. Сердца нѣсколько успокоились. Старецъ, возвелъ глаза къ небу, благословилъ дѣтей и началъ совершать обрядъ, при которомъ не было ни богатоубранныхъ и веселыхъ поѣзжанъ, ни шумной толпы любопытныхъ зрителей. Два только свидѣтеля присутствовали при вѣнчаніи: дряхлый восмидесяти-лѣтній трапезникъ, взглядывавшій, какъ житель другаго свѣта, изъ темнаго угла, гдѣ стоялъ его прилавокъ, и печальный Ивашкинъ, склонившійся на свой посохъ, и, казалось, обдумывавшій будущій жребій новобрачныхъ. Обрядъ кончился. Протопопъ еще разъ со слезами на глазахъ горячо обнялъ Виктора и Марію, непрестававшихъ также заливаться слезами радости и горя; но потомъ, какъ бы исполнясь

высшаго вдохновенія, отеръ слезы и произнесъ съ важностію пророка: «Малодушные! о чемъ мы плачемъ? Тотъ, кому повинуются моря, предъ Кѣмъ трепещутъ горы, и небо свивается яко риза, развѣ не можетъ защитить насъ отъ нападенія червя, буде восхощетъ? Идите, дѣти, куда вамъ назначитъ Господь! Спасайтесь отъ губителя!... Викторъ Ивановичъ! я тебѣ вручаю сокровище, котораго дороже я ничего не имѣлъ и не имѣю на сей землѣ: ты заступишь теперь для нея мѣсто отца и матери; береги ее, другъ мой: она достойна тебя!»

— Ея спокойствіе есть мое спокойствіе — сказалъ съ жаромъ супругъ Маріи; — ея жизнь есть жизнь моя! Никто не можетъ посягнуть на ея безопасность прежде, пока не погрязнетъ въ моей крови: вотъ обѣтъ мой предъ алтаремъ Того, Кто видитъ самую глубину моего сердца!

«Да поможетъ тебѣ Господь во всѣхъ путяхъ твоихъ!—сказалъ протопопъ съ глубочайшимъ чувствомъ. — А ты, дочь моя, слѣдуя за твоимъ мужемъ....»

— О любезный дѣдушка!—вскричала Марія, задыхаясь отъ слезъ — я люблю Виктора; но не имѣю силъ и съ вами разстаться!

«Другъ мой! этого требуетъ Провидѣніе — и

мы должны покориться Его волѣ! Вамъ нельзя оставаться здѣсь ни одной минуты: злодѣй непремѣнно разлучитъ васъ и погубитъ обоихъ. Аркадій Петровичъ будетъ вашимъ хранителемъ. Ему Камчатка знакома вдоль и поперегъ, и, съ Божіею помощію, я надѣюсь, онъ успѣетъ скрыть васъ въ безопасномъ мѣстѣ, до времени....»

— Думаю, что успѣю въ этомъ! — сказалъ Ивашкинъ, вышедшій изъ задумчивости, при произнесеніи его имени. — Дорогою я разсказывалъ Виктору Ивановичу, куда я надѣюсь ихъ провести; но и то также сказалъ я, что впереди Богъ!

«Да, отъ Него все зависитъ! И кто другой, какъ не Онъ, внушилъ вамъ ваше благое намѣреніе?»

— Дай Богъ только, чтобы оно исполнилось!

«Нѣтъ, Аркадій Петровичъ — сказалъ съ живостію мичманъ, — я не могу васъ взять въ свои проводники: предоставьте насъ нашей судьбѣ!»

— Отъ-чего вдругъ такая перемѣна въ вашихъ мысляхъ?

«Если мы попадемся въ руки преслѣдователей, мы будемъ отвѣчать за свой побѣгъ; но вы по какой винѣ будете мучиться?»

— Обо мнѣ не безпокойтесь: я давно пересталъ бояться человѣческой власти. Что со мной сдѣлаютъ? Будутъ терзать этотъ бѣдный трупъ? Пускай! Было время, когда я любилъ жизнь, а теперь мнѣ все равно! Скажу вамъ болѣе и скажу истинную правду: теперь смотрѣть мнѣ на страданія другихъ гораздо мучительнѣе, нежели на свое собственное. Если бы было иначе, кто меня притащилъ бы въ Петропавловскъ, когда я могъ бѣжать туда, куда воронъ костей не заносивалъ? Но я вспомнилъ Зуду и—воротился. Богу не угодно было, чтобы я помогъ моему старому другу; за то Онъ послалъ мнѣ другой случай; я полюбилъ васъ обоихъ всѣмъ сердцемъ— и готовъ для васъ на все. Пойдемте! Пора!

«Подумайте!»

— Все обдумано! Безъ меня вы не ступите шагу въ этой пустынѣ, а мнѣ она извѣстна, какъ моя ладонь. Пойдемте!

«Но если вы дѣлаете благородное дѣло, спасая насъ, то развѣ съ нашей стороны должно пользоваться имъ къ вашему вреду?»

— Эхъ, Викторъ Ивановичъ! въ этомъ разочтемся послѣ!

«Въ самомъ дѣлѣ сказалъ протопопъ — не теряйте, дѣти, напрасно времени. Положитесь на

Бога и вдите! Благословляю васъ отъ всей души моей!... Полно плакать, Машенька: слезами не поможешь! Мужайтесь и крѣпитесь!... Ну, прощайте, прощайте! Богъ да благословитъ васъ!»

Протопопъ взялъ свѣчу, и уговаривая Марію, заливавшуюся горькими слезами, подошелъ съ новобрачными къ дверямъ; но едва онъ коснулся къ замку, какъ страшный ударъ въ нее съ наружной стороны раздался въ пустотѣ церкви. Всѣ бывшіе въ ней вздрогнули.

— Кто тамъ ломится? — спросилъ протопопъ.

«Отворяй!» — вскричалъ голосъ изъ-за дверей?

— Кому надобность въ ночное время быть въ церкви?

«Отворяй; мы скажемъ что за надобность!»

«Отпирай же, старый хрѣнъ — воскликнулъ начальникъ; — не то дверь велю вышибить!»

— Звѣрь на свободѣ! — сказалъ тихонько Ивашкинъ.—Безъ сомнѣнія, это мошенникъ Горбуновъ освободилъ его. Мнѣ казалось, будто кто-то ускочилъ въ ворота: такъ и есть!

«Да, вѣрно онъ — подтвердилъ протопопъ;— онъ и трусъ, да и преданъ злодѣю. Но куда дѣвались прочіе казаки?»

— Ушли куда глаза глядятъ, чтобы скрыться до пріѣзда ревизора.

«Въ послѣдній разъ говорю — снова раздался голосъ начальника—отворяй, или дверь сейчасъ же вылетитъ вонъ!»

— Вышибай, если имѣешь на это право!

«Имѣю! Здѣсь скрываются преступники, бунтовщики, разбойники: выдай мнѣ ихъ, и я уйду въ ту же минуту!»

— Здѣсь нѣтъ ни бунтовщиковъ, ни разбойниковъ?

«Послушай, старикъ: если ты не выдашь ихъ добровольно и принудишь меня употребить силу, то и самъ будешь сидѣть въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ ними!»

— Дѣдушка, милый дѣдушка! — вскричала Марія — выпустите меня. Пусть злодѣй растерзаетъ меня, но я не допущу, чтобы вы страдали вмѣстѣ съ нами!

«Нѣтъ, Марія! — прервалъ мичманъ — ты должна остаться. Я всему причиною; до меня вы были счастливы; я разрушилъ ваше счастіе: я и долженъ страдать за сіе. Пустите меня!»

— Нѣтъ, дѣти мои милые, не пущу васъ обоихъ: вы оба равно любезны мнѣ, и я скорѣе

умру у этого порога, нежели позволю злодѣю надъ вами ругаться!

«Что, калуеръ! — снова раздался за дверью звѣрской голосъ начальника — еще ли будешь говорить, что у тебя никого нѣтъ въ церкви!»

— Есть; но это дѣти мои, а не разбойники, которыхъ ты ищешь!

«Давно ли мичманъ сталъ твоимъ сыномъ?»

— Съ той минуты, какъ онъ сталъ мужемъ моей внучки!

«Бунтовщикъ! крамольникъ! — завопилъ съ ужасною яростію начальникъ, услышавъ сей отвѣтъ — нѣтъ пощады ни тебѣ, ни твоимъ сообщникамъ! Ломайте дверь, стрѣляйте въ окна, рѣжьте, губите, жгите измѣнниковъ!

Желѣзная дверь тяжко застонала подъ ужасными ударами тирана, заглушая усилившіеся удары грома; церковь дрожала и все зданіе, казалось, готово было разрушиться.

«Стрѣляйте! Стрѣляйте!» — раздавались бѣшеные крики начальника.

— Гасите свѣчу — вскричалъ Ивашкинъ — и спрячемся за печь!

«Боже мой, Боже мой! что съ нами будетъ» — воскликнула Марія.

— Что бы ни было — говорилъ мичманъ,

выдернувъ саблю, — но я дорого продамъ имъ нашу свободу.

«Теперь единая надежда намъ Богъ!» — сказалъ протопопъ.

Едва осажденные успѣли спрятаться, какъ нѣсколько ставней съ шумомъ растворились, ружейныя дулы пробили слюду, и уставились сквозь желѣзныя рѣшетки. Потомъ послышался шорохъ взводимыхъ курковъ; раздалось страшное: пали— и мгновенное пламя, вылетѣвшее съ ужаснымъ трескомъ, освѣтило тму церкви, и пули засвистали по ней въ разныхъ направленіяхъ. Пальба не утихала. Церковь совершенно наполнилась пороховымъ дымомъ, сквозь котораго безпрестанно вспыхивало въ окнахъ пламя выстрѣловъ, и загаралась молнія. Трескъ усилившейся грозы, учащенные удары тарана, грохотъ ружей, свистъ и щолканіе пуль, крикъ осаждающихъ и бѣшеный побудительный ревъ разъяреннаго злодѣя, сливаясь вмѣстѣ, изображали нападеніе не людей, но духовъ злобы, воздвигшихъ всѣ силы неба и земли на разрушеніе святаго мѣста.

Въ это время протопопъ, не теряя надежды на Бога, читалъ молитву; Марія дрожала отъ страха, не столько за себя, какъ за драгоцѣн-

выхъ сердцу ея дѣда и супруга; Викторъ, съ неустрашимостію молодаго воина, ожидалъ мгновенія, въ которое должно будетъ начать смертный бой съ злодѣями; одинъ Ивашкинъ, презирая давно жизнію, стоялъ съ величайшимъ хладнокровіемъ, и выискивалъ въ умѣ средства избавиться отъ бѣды не для себя, но для своихъ несчастливыхъ товарищей; наконецъ, какъ будто что-то вспомнивъ съ примѣтною радостію, онъ проворно кинулся изъ за-печи.

— Куда ты (Богъ съ тобой!)? — сказалъ со страхомъ протопопъ, схвативъ его за полу. — Вѣдь тутъ и шага не ступишь, какъ тебя злодѣи застрѣлютъ!

«Пустите, отецъ Петръ! Здѣсь ничего не выстоимъ: надо дѣйствовать!»

— Если нужно дѣйствовать — прервалъ мичманъ — то скажите что̀ дѣлать: я на все готовъ!

«Не торопитесь: дойдѣтъ очередь и до васъ, а покамѣстъ теперь моя.»

— Но васъ убьютъ?

«Все равно!»

Говоря сіе, Ивашкинъ выдернулъ полу изъ рукъ протопопа и оставилъ своихъ товарищей въ страшномъ ожиданіи объ его участи. Отъ

ужаса едва переводя дыханіе, они прислушивались робко къ его шагамъ, и при каждомъ выстрѣлѣ, освѣщавшемъ церковь, слышали, казалось, что-то тяжелое, грянувшее на полъ, и говорили съ трепетомъ другъ другу: «Это упалъ онъ! Ужъ навѣрное онъ!»

Между тѣмъ неустрашимый, но всегда осторожный Ивашкинъ, пробираясь около стѣны, большею частію ползкомъ, добрался до прилавка, за коимъ притулился старый трапезникъ, братъ памятнаго въ лѣтописяхъ Камчатки удальца *Харчина*, вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ участвовавшій въ главномъ камчадальномъ бунтѣ (*), и потомъ рѣшившійся загладить свои преступленія и временное отступничество повсежизненнымъ служеніемъ при церкви.

— Кирилычъ! — сказалъ Ивашкинъ — сидя со сложенными руками, не искупимъ бѣды; пойдемъ!

«Оставь меня, родимый! Мнѣ иного дѣлать нечего, кромѣ какъ ждать смерти! Погибнетъ церковь, погибну и я вмѣстѣ съ нею: таковъ обѣтъ мой!»

—Я тебѣ не помѣшаю сдержать твой обѣтъ; но скажи мнѣ только: не извѣстенъ ли тебѣ

(*) 1731 года.

тотъ ходъ, который, говорятъ, прорыли казаки во время камчадальскихъ бунтовъ, чтобы доставать въ острожекъ воду, и изъ котораго выходъ потомъ былъ проведенъ сюда, чтобы держать его въ секретѣ?

«Какъ не извѣстенъ, батюшка! Вѣдь я, окаянный, и провелъ имъ бунтовщиковъ. Вонъ, въ алтарѣ близъ сѣверныхъ дверей, какъ поднимешь вторую половицу.... Только врядъ ли не засыпался онъ землею! Времени, батюшка, прошло много, много! Вотъ ужъ какъ и я при церкви лѣтъ болѣе сорока будетъ!... Ахъ ты, Господи!... Экъ! они, окаянные въ двери-то ломятся: словно черти въ святое мѣсто!»

Ивашкинъ, не дослушивая послѣднихъ словъ трапезника, проворно началъ пробираться съ тою же осторожностію къ своимъ товарищамъ.

«Отецъ Петръ! я хочу провести вашихъ дѣтей потаеннымъ ходомъ.»

— Но какъ вы найдете его? И я слыхалъ что есть ходъ, но гдѣ его отыскать, не знаю.

«Я все уже разспросилъ у Кирилыча!»

— Да, ему это извѣстно должно быть лучше моего: онъ гораздо прежде меня при здѣшней церкви. Если найдете этотъ ходъ, то велика милость Божія! Подите же, дѣти мои милые!

Подите скорѣе! Мѣшкать нечего! Другой помощи ждать не откуда!

Между тѣмъ, какъ Марія снова начала колебаться, не имѣя силъ ни оставить дѣда, ни разлучиться съ мужемъ, вдругъ раздались столь страшные удары въ дверь, что петли, повидимому, не могли уже долѣе удерживаться на мѣстахъ.

«Машенька! — вскричалъ протопопъ — теперь долго думать нечего: спасайтесь! Еще нѣсколько минутъ — и мы всѣ погибли!»

— Пожаръ! пожаръ! — закричалъ въ то же время трепещущимъ голосомъ старый трапезникъ, бросясь изъ-за прилавка.—Пожаръ! Отецъ Петръ! не прикажете ли ударить въ набатъ? Пожаръ!

«Слышишь, Машенька? Бѣги, пока есть время! Теперь я обязанъ забыть, что я дѣдъ вашъ, и долженъ поступать, какъ служитель церкви. Прощайте! Бей въ набатъ!»

Между тѣмъ огонь, затлѣвшійся отъ выстрѣловъ на холстѣ, коимъ были обтянуты стѣны, разгорался мало-по-малу, и наконецъ вспыхнувъ, быстро бѣжалъ къ потолку и страшно освѣтилъ дымную церковь. Выстрѣлы при огнѣ сдѣлались почти неизбѣжны. Несчастные, не имѣя

болѣе темноты своею защитою, рѣшились на послѣднее средство: пробѣжать бѣгомъ къ назначенному трапезникомъ мѣсту. Они бросились. Дикой вопль ихъ гонителя раздался въ окно: «Вонъ они! вонъ! Пали, бей злодѣевъ!» Нѣсколько ружей разомъ грохнули, пули засвистали, но только одна легко ранила мичмана. Вбѣжавши въ алтарь, несчастные подняли половицу, и взявъ нѣсколько зажженныхъ свѣчь, спустились въ неизвѣстный путь.

Въ сіе время протопопъ, не думая болѣе ни о нихъ, ни о себѣ, собралъ поспѣшно священныя вещи, и выйдя съ ними изъ алтаря, съ крестомъ въ рукѣ, отворилъ церковныя двери, и съ важностію пастыря сказалъ ломившимся казакамъ: «Если вы Христіане, то не разрушать должны домъ Божій, а спасать: онъ горитъ!»

— Въ самомъ дѣлѣ, церковь горитъ! — закричали вбѣжавшіе въ нее казаки. — Ребята! воды, воды! тушить!

«Пусть горитъ! — закричалъ вбѣжавшій также туда начальникъ.—Прежде ищите бѣглецовъ, а потушить успѣете. Говори, попъ: куда ты ихъ спряталъ?»

— Антонъ Григорьевичъ! — отвѣчалъ протопопъ, держа предъ нимъ крестъ — вспомните

о томъ, кто былъ распятъ на крестѣ! Этотъ храмъ искупленъ Святою кровію, а вы готовите ему гибель! Забудьте на минуту ваши земныя страсти, и подумайте о небесномъ!

Начальникъ невольно остановился, какъ бы пораженный изумленіемъ, а протопопъ, обратясь потомъ къ казакамъ, продолжалъ: «Дѣти мои Что стоите? Что медлите? Храмъ Божій обнимается пламенемъ — какого ждете еще приказанія? Кому должно болѣе повиноваться: человѣку или Богу? «*Аще хощете и послушаете мене* — глаголетъ Господь — *благая земли снѣсте; аще же не хощете, ниже послушаете мене, мечь вы поястъ!*»

— Попъ! — вскричалъ опомнившійся начальникъ, дрожа отъ ярости — долго ли ты будешь бунтовать моихъ подчиненныхъ?

«До тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь оскорблять Бога и Государыню!»

— Вотъ до чего дошла дерзость! Нѣтъ, нѣтъ! Или я болѣе не начальникъ, или я не допущу надо мною ругаться! Возьмите его, берите его!

Но всѣ эти приказанія были произнесены напрасно: ибо казаки, частію устрашенные словами протопопа, частію по собственному религіозному расположенію, присоединились къ толпѣ

народа, ввалившагося въ церковь для спасенія церковной утвари: ибо потушить пожаръ, по причинѣ пропущенія благопріятнаго времени, было уже невозможно. Въ общей суматохѣ, въ дыму, при крикѣ народа и воѣ набата, никто не примѣчалъ начальника, и никто не слыхалъ его криковъ. Въ бѣшенствѣ и досадѣ, онъ побѣжалъ уже изъ церкви, какъ вдругъ кто-то почти насильно остановилъ его, вскричавши: «Ваше высокоблагородіе! нашелъ!»

—Нашелъ? Гдѣ они, злодѣи? Веди ихъ ко мнѣ!

«Нашелъ, но еще не самихъ, а только лазею, куда они скрылись. Если угодно: извольте идти скорѣе за мною!»

Начальникъ и достойный его служитель быстро пронеслись, какъ два злые духа, уже по опустѣвшей и по обнявшейся пламенемъ церкви, и первый, обуреваемый неистовою страстію, съ адскою яростію на лицѣ, схвативъ горящій отломокъ иконостаса, кинулся, какъ звѣрь, за своею добычею въ раскрытую дверь подземелья. Прислужникъ его также хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но едва занесъ ногу, какъ разгорѣвшійся иконостасъ рухнулъ, и придавилъ измѣнника своею пламенною массою: это былъ Горбуновъ!

XXVI.

ПОБѢГЪ.

Въ продолженіе вышеписаннаго, Викторъ, Марія и Ивашкинъ, чувствуя сырость и духоту подземнаго хода, употребляли величайшія усилія, чтобы скорѣе пройти его; но, къ невыразимому огорченію, должны были останавливаться почти на каждомъ шагу: ибо во многихъ мѣстахъ, гдѣ земля, слабо удерживаемая гнилыми подпорками, обсыпалась, не льзя было проходить иначе, какъ сильно наклонившись, а въ другихъ мѣстахъ должно было даже ползти на колѣнахъ, и притомъ съ чрезвычайною осторожностію, чтобы не расшевелить страшной грома-

ды, угрожавшей сверху паденіемъ и смертію. Въ одномъ изъ сихъ трудныхъ переходовъ, Ивашкинъ, поскользнувшись на сырой и почти мокрой землѣ, выронилъ изъ рукъ свѣчу, и оставилъ себя и своихъ товарищей въ страшной темнотѣ. Тогда положеніе ихъ сдѣлалось столь ужаснымъ, что у самого Ивашкина невольно встали на головѣ волосы. Возвратиться назадъ было нельзя; впереди ничего не было видно: могли опять встрѣтиться столь же трудные переходы, которые безъ свѣта совершить было почти невозможно; могъ быть выходъ и вовсе засыпанъ. Какого спасенія можно было надѣяться въ такомъ случаѣ? Бѣжать—не куда! Кричать—голосъ замеръ бы подъ землею! Казалось, вмѣстѣ со свѣчею погасла надежда, и грозная смерть: быть заживо погребеннымъ въ могилѣ, предстала воображенію несчастныхъ со всѣми своими ужасами. Гробовой холодъ сильнѣе повѣялъ со стѣнъ, и запахъ тлѣнія проникалъ кости. Ивашкинъ издавна думалъ о смерти, но за всѣмъ тѣмъ картина мучительной, продолжительной смерти, когда жизнь не отлетаетъ вдругъ, какъ блескъ молніи, но вытекаетъ какъ горящій свинецъ, пожигая тѣло каплей за каплею — картина такой смерти, живо изобразив-

шейся въ душѣ старца, смутила его, особенно за юныхъ товарищей, которымъ неисповѣдимая судьба ускорила темный и печальный путь тлѣнія въ то самое время, когда жизнь, полная любви и наслажденій, должна бы встрѣтить ихъ на дорогѣ радости и счастія. Старецъ скорбѣлъ ужасно, неизъяснимо; но насильно утишилъ кипѣніе мыслей въ своей груди, и удержалъ вопль, готовый изъ нее вырваться: ибо боялся испугать своимъ отчаяніемъ, впервые закравшимся въ его сердце, своихъ злополучныхъ спутниковъ.

Перемогши себя, онъ спросилъ мичмана со всѣмъ возможнымъ равнодушіемъ: «Что намъ дѣлать теперь, Викторъ Ивановичъ?»

— Пойдемъ ощупью — отвѣчалъ трепещущимъ голосомъ мичманъ, также почувствовавшій весь ужасъ своего положенія и также старавшійся скрыть свои чувствованія отъ Маріи.

«Но что это такое, Аркадій Петровичъ? — спросила вдругъ Марія, — вдали какъ будто свѣтлое пятно?»

— Да, да, и я вижу это! — сказалъ мичманъ.

«Не смѣю слишкомъ рано радоваться — отвѣчалъ Ивашкинъ: — но пойдемте скорѣе.»

— Чѣмъ далѣе мы идемъ — говорила Марія, — тѣмъ пятно становится явственнѣе.

«И мнѣ тоже кажется» — подтвердилъ мичманъ.

— Теперь и я его вижу! — воскликнулъ Ивашкинъ, пройдя еще нѣсколько шаговъ. — Слава Господу Богу, теперь мы спасены!

«Но что значитъ это пятно? — спросилъ мичманъ — какъ вы думаете?»

— Это свѣтъ на концѣ выхода!

«Но теперь ночь!»

— Вѣрно, церковь обнялась пламенемъ и освѣтила окрестности.

Догадка Ивашкина оправдалась. Пятно, видимое вдали нашими странниками, точно было отверзтіе выхода, освѣщенное заревомъ пожара. Но достигнувъ его, несчастные почувствовали новый ужасъ: выходъ былъ заслоненъ огромнымъ камнемъ, коего величайшія усилія ихъ не могли отодвинуть ни на вершокъ съ мѣста, и между тѣмъ, какъ они истощали свои силы надъ этимъ безуспѣшнымъ трудомъ, вдругъ послышался имъ въ глуши подземелья глухой топотъ ногъ. Они вздрогнули, и оглянувшись съ трепетомъ, увидѣли въ отдаленности огненную точку, быстро къ нимъ приближавшуюся. Но-

выя, послѣднія усилія были употреблены для сдвинутія адскаго камня, но хладная громада, какъ злодѣйское сердце, была неподвижна.

«Царь небесный!—воскликнула Марія, упавъ на руки Виктору — теперь мы погибли невозвратно!»

— Что это, ребята? — сказалъ голосъ въ верху отверстія. — Словно подъ землею кто вопитъ!

«Кто бы вы ни были — вскричала Марія въ нѣкоторомъ изступленіи, не обращая вниманія на знаки Виктора и Ивашкина — кто бы вы ни были спасите насъ!»

«Точно подъ землею, ребята! — повторилъ прежній голосъ. — Да кто тамъ говоритъ? Живой, такъ скажи: откуда ты кричишь?»

— Слава Богу! — вскричалъ Ивашкинъ-это голосъ Безшабашнаго!... Мы здѣсь, братъ Прокопій; спустись пожалуй-ста проворнѣе; оттащите камень!

Между-тѣмъ огонь, виднѣвшій во мракѣ хода, увеличился, и фигура бѣгущаго человѣка съ пламенникомъ въ рукѣ означилась явственно.

«Это онъ! Это онъ гонится за нами!» — повторяла отчаянная Марія.

— Мужайся, Марія!—отвѣчалъ мичманъ, не

менѣе ея отчаянный. – Мы избѣгли многаго, избѣгнемъ и этой опасности, съ Божіею помощію!

«Скорѣе, братъ Прокопій — говорилъ Ивашкинъ — пожалуй-ста скорѣе! За нами гонятся. Еще минута — мы пропали!»

— Да гдѣ ты говоришь, Аркадій Петровичъ?

«Здѣсь! здѣсь! Въ низу оврага. Видишь ли эту срубленную листвень?»

— Ну!

«Она навалена на камень, а камнемъ загороженъ подземный ходъ, прокопанный сюда изъ церкви. Понялъ ли?»

— Понялъ теперь. Смотри, пожалуй, мы и слыхомъ не слыхали, что есть такая диковина....

«Пожалуй-ста поскорѣе.»

— Духомъ, духомъ, Аркадій Петровичъ! Ну, ребята, сбрасывайте дерево, отворачивайте камень!

Едва только заключенные успѣли выйти изъ подземелья, и едва придвинутъ былъ обратно камень, какъ злодѣй, стремившійся за ними въ погоню, прибѣжалъ ко входу, и уставилъ въ небольшое отверзтіе, оставшееся между камнемъ и входомъ, ужасное, злостное лице, освѣщенное

кровавымъ свѣтомъ горящаго отломка. «Изверги! Разбойники!—завопилъ, онъ придя еще тѣмъ въ большую ярость, что увидѣлъ въ объятіяхъ мичмана ослабѣвшую его супругу—Бунтовщики! отодвиньте камень! И если хотите прощенія, хватайте этихъ преступниковъ! Они убѣжали отъ наказанія, нарушили законы, наругались надъ властію....»

— Аркадій Петровичъ!—спросилъ равнодушно Безшабашный—не прикажете ли пришибить его тутъ? Не докудова ему издѣваться надъ православными!

«Нельзя, Прокопій: онъ начальникъ!»

— Да помилуйте, что онъ за начальникъ, когда на этакія художества пустился?

«Все равно! Мы не судьи его! За свои дѣла онъ дастъ отвѣтъ Государынѣ; а если мы накажемъ его, будемъ сами виновны предъ Нею. Оставимъ его своей злобѣ и безсилію: для него довольно покамѣстъ и этой муки! Пойдемъ-те!»

Сказавъ сіе, Ивашкинъ началъ подниматься изъ оврага на гору, крутую и безлѣсную, но поросшею травой. Викторъ шелъ, неся на своихъ рукахъ Марію. Вслѣдъ за ними потянулись и казаки, не обращая вниманія на яростные вопли Начальника, который, произнося на от-

ходящихъ ужаснѣйшія проклятія, скрежеталъ зубами, и видѣясь во тмѣ кровавымъ лицемъ, уподоблялся разъярившемуся злому духу, порывающемуся на гибель человѣка, но удерживаемому въ извѣстныхъ предѣлахъ высшею силою.

Чѣмъ болѣе выходили изъ оврага и всходили на гору наши странники, тѣмъ дѣлалось свѣтлѣе зарево пожара и слышнѣе становился голосъ колокола. Наконецъ, достигнувъ до вершины горы; они увидѣли пожаръ во всемъ грозномъ его величіи. Церковь пылала кругомъ, и около ея напрасно мелькали тѣни людей: ибо помощь ихъ была уже безсильна. Скоро обнялась огнемъ и колокольня, и, обложенная вокругъ тучами, пламенѣла, какъ свѣтильникъ возгорѣвшагося гнѣва Божія. Она пылала, но голосъ колокола все еще не умолкалъ: это былъ уже не набатъ, но пѣснь умирающаго, послѣдній голосъ души, отлетающей съ родины. Всѣ изъ числа группы, стоявшей на горѣ, зная обѣтъ старика, слушали сей звонъ съ мучительной тоскою и съ трепетомъ ожидали паденія колокольни, которой основаніе, какъ прежде подверженное огню, скоро должно было рушиться. Сія убійственная минута приспѣла: колокольня видимо пошатнулась и звонъ сдѣлал-

ся безпорядочнымъ; казалось, руки, производившія его, пораженныя страхомъ смерти, затрепетали. Колокольня начала склоняться болѣе и болѣе, звонъ дѣлался чаще и чаще; наконецъ колоколъ умолкъ и — колокольня рухнула. Всѣ сняли шапки и перекрестились.

«Ну бѣдный старикъ! — сказали казаки въ одинъ голосъ – отзвонилъ! Дай Богъ царство небесное! Говорили, что связавшись, въ молодости, съ бунтовщиками, онъ-де самъ зажигалъ эту церковь; но, вѣрно, Господь сжалится надъ нимъ, и проститъ его душу!»

— О если — воскликнула Марія—и дѣдъ мой погибъ!

«Нѣтъ, онъ живъ — сказалъ подошедшій къ толпѣ въ сію минуту казакъ.—Я нарочно смотрѣлъ изъ лѣсу на пожаръ: изъ церкви все почти вытаскали и всѣ вышли, кромѣ одного бѣднаго трапезника, а ему сколько ни кричали — не сошелъ; звонитъ себѣ, да и только....»

— Ну, Викторъ Ивановичъ—прервалъ Ивашкинъ — пора отправляться далѣе. Соберитесь съ силами, Марья Алексѣевна! Если Господь поможетъ отойти дальше, то тамъ отдохнете.

«Я готова!»—сказала Марія, ставъ бодро на ноги, хотя примѣтно было, что она дѣлала это

съ крайнимъ напряженіемъ, превозмогая слабость тѣла силою духа.

Снова отдѣлившись отъ казаковъ, уговорившихся перейти къ пустынямъ *Тигиля*, трое странниковъ, Викторъ, Марія и Ивашкинъ пошли къ востоку, пробираясь черезъ лѣса и горы. Вся ночь прошла въ побѣгѣ. Утро застало ихъ въ сильномъ изнеможеніи, особенно Марію. Склонясь на колѣна къ Виктору, она едва слышнымъ голосомъ прошептала: «Другъ мой! я чувствую, что не могу далѣе идти. Оставь меня здѣсь—и спасайся!»

— Марія! тебя оставить? Тебя оставить, милая Марія?—воскликнулъ Викторъ, задыхаясь отъ слезъ.

«Что жъ дѣлать, милый другъ мой! Мнѣ не суждено здѣсь наслаждаться счастіемъ: оставь меня, и бѣги отъ гонителей; по крайней мѣрѣ, я не буду чувствовать предъ моимъ концемъ этой ужасной мысли: что я была причиною твоей погибели!»

А я развѣ могу умереть спокойно, оставя тебя въ этой пустынѣ, на произволъ смерти? Нѣтъ, Марія! я сто кратъ умру самъ прежде, нежели смерть коснется твоего чела! И я уже

клялся въ этомъ предъ алтаремъ Того, кого обмануть смертный не можетъ!

«О милый мой! О безцѣнный Викторъ! ты напрасно давалъ эту клятву: она губитъ тебя, но меня спасти не можетъ. Я слышу, какъ уже смертная слабость разливается по моимъ членамъ и какъ жизнь погасаетъ...»

— Боже Всемогущій! — воскликнулъ отчаянный Викторъ — она умираетъ!

Въ эту самую минуту раздались въ недалекѣ за лѣсомъ ружейные выстрѣлы, и смятенные крики, повидимому, обороняющихся.

— Викторъ Ивановичъ! — вскричалъ прибѣжавшій изъ лѣса Ивашкинъ, ходившій за хворостомъ — поспѣшимъ на помощь: разбойники напали на проѣзжихъ.

«Не льзя мнѣ: Марія моя умираетъ!»

— Поди, другъ мой! — прошептала Марія, приходя въ чувство. — Неравно злодѣи убьютъ ихъ: на тебѣ останется грѣхъ, что ты не помогъ имъ!

«Но ты какъ останешься, Марія?»

— Мнѣ легче!

Выстрѣлы зачастили; крикъ усилился: «Разбой! грабятъ! бьютъ!»

— Бѣги, бѣги, Викторъ! Помоги несчастнымъ! — вскричала Марія.

Викторъ, не медля болѣе, выхватилъ изъ ноженъ саблю и кинулся вмѣстѣ съ Ивашкинымъ. Выбѣжавъ изъ лѣса, они увидѣли, что бились шестеро, сидѣвшихъ на лошадяхъ, и что четверо изъ нихъ, повидимому, разбойники, прикрытые личинами, нападали на двоихъ, которые, хотя и храбро обороняпись, но, обагренные кровію, примѣтно начинали ослабѣвать; между тѣмъ какъ злодѣи, видѣвшіе ихъ изнеможеніе, увеличивали ярость натиска. Появленіе помощниковъ внезапно перемѣнило судьбу битвы. Мичманъ однимъ разомъ свалилъ одного изъ разбойниковъ съ лошади, въ то же время, какъ Ивашкинъ ошеломилъ другаго дубиною по головѣ. Остальные два ударили по лошадямъ, и кинулись бѣжать. Викторъ и Ивашкинъ, схвативъ ружья убитыхъ разбойниковъ и вскочивъ на лошадей ихъ, кинулись вслѣдъ за бѣгущими. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, проворный и ловкій, скоро скрылся изъ виду, пролетѣвъ стрѣлою по чащѣ лѣса, а другой, маленькій, тощій мужичишко, повидимому, ослѣпнувшій отъ страха, какъ заяцъ, набѣжалъ на вѣтви посохшаго дерева, и наклонившись подъ нихъ, попалъ пучкомъ своей огромной косы на

сукъ, и соскользнувъ съ бѣжавшаго коня, повисъ, какъ новый Авессаломъ, между небомъ и землею. Увидѣвъ сіе, мичманъ, въ порывѣ запальчивости, прилежился къ ружью и хотѣлъ было стиравить мошенника къ его товарищамъ; но Ивашкинъ остановилъ его. «Стойте, Викторъ Ивановичъ; посмотримъ, что это за человѣкъ; сдается мнѣ что-то знакомое!»

— Батюшки! простите, взмилуйтесь надо мною окаяннымъ! — вопилъ повисшій на суку разбойникъ.

«Такъ и есть! Это Сумкинъ! Что это, Антропъ Спиридоновичъ! ужъ разбойничать, братъ, пустился?»

— Лукавый попуталъ меня, грѣшника!

«А я такъ думаю, что ты, братъ, всякаго лукаваго самъ спутаешь!»

— Простите, помилуйте, отцы родные! Ей-Богу ни въ чемъ не виноватъ: начальникъ-злодѣй велѣлъ мнѣ убить *Хапилова!*

«А ты и послушался!»

— Что мнѣ дѣлать? Отцы родные! разсудите сами: мое дѣло подначальное: могу ли я ослушаться?

«Вотъ, Викторъ Ивановичъ, здѣшнія понятія

о повиновеніи! Велятъ осудить, убить, ограбить — на все готовы!»

— Какъ же быть иначе, батюшка Аркадій Петровичъ? Могу ли я противу начальника ротъ разѣвать? Да вѣдь онъ меня отдастъ подъ судъ, такъ я съ голоду пропаду, да и кости-то мои изгніютъ прежде, чѣмъ окончится дѣло.

«Все такъ; но лучше пусть бы изгнили твои кости подъ судомъ, чѣмъ ходить на разбой. Ты обязанъ слушаться начальника, но помнить и то, что есть Государыня, которая вознаградила бы твое невинное страданіе.»

— Охъ, отецъ ты мой родной! гдѣ же намъ разсуждать такъ? Кабы мы были ученые, а то вѣдь мы люди темные, невѣдущіе! Прости ты меня, батюшка Аркадій Петровичъ! Сжалься ты надо мною! Сними ты меня, родимый! Нѣтъ мочиньки болѣе!

«Сжалился бы я надъ тобою; но скажи мнѣ прежде: для чего ты не хотѣлъ сжалиться надъ бѣднымъ Зудою, и думалъ еще терзать его, когда несчастный старикъ, спасшій вамъ жизнь, былъ уже при смерти?»

— Не поминай ты этого, батюшка! Заблужденіе, родимый, заблужденіе! Кто не падалъ въ

жизни своей? И Апостолъ говоритъ: *вижу инъ законъ....*

«Антонъ Григорьевичъ — прервалъ строго Ивашкинъ — васъ всѣхъ научилъ говорить текстами; и я тебѣ скажу также текстомъ: *нѣтъ милости не творящему милости!* Оставайся здѣсь, покамѣстъ твой наставникъ придетъ освободить тебя!»

При отходѣ Ивашкина Сумкинъ закричалъ столь ужаснымъ голосомъ, что добрый старикъ рѣшился было его снять; но опять вспомнивъ скотскую жестокость сего мошенника надъ его другомъ, сжалъ сердце, и поспѣшилъ отъ него скорыми шагами. Голосъ, теряясь въ глуши лѣса, умолкалъ, умолкалъ — и замолкъ.

Между-тѣмъ Викторъ былъ уже съ Маріею, которая, хотя по удивительному великодушію своему, и убѣдила его оставить ее, и спѣшить на помощь, но не могла не почувствовать болѣзненнаго опасенія при его уходѣ, и ощутила самую живую радость при его возвращеніи. Залившись слезами, она прижала Виктора къ своей груди, и, казалось, жизнь, сжалившись надъ прекраснымъ твореніемъ, возвратилась къ нему съ прежнею полнотою. Дѣйствіе ли радости, свѣжесть ли утра и нѣсколько минутъ отдохновенія —

только Марія почувствовала себя гораздо лучше. Въ сіе время возвратился и Ивашкинъ вмѣстѣ съ Хапиловымъ, перевязывавшимъ, во время преслѣдованія разбойниковъ, свои раны. Хапиловъ выразилъ свою благодарность мичману самымъ живымъ образомъ, и будучи добръ и чувствителенъ, просилъ Виктора уговорить Ивашкина: дозволить ему спасти своего злодѣя, Сумкина. Не смотря на убѣжденія мичмана, Ивашкинъ противился сему, говоря въ опроверженіе: «Помилуйте! что щадить злодѣя, который самъ отъ-роду ни кого не щадилъ и всегда хвастался своею жестокостью? Вѣдь не мы его повѣсили, онъ самъ набѣжалъ на висѣлицу!» Но когда и Марія присоединила свои просьбы, то Ивашкинъ, любя ее, какъ ангела, не противился болѣе. «Ну, дѣлайте, Евгеній Петровичъ, что хотите; только подольше не отпускайте его, мошенника, дабы мы могли далѣе уѣхать!»

— Слава Богу! — сказалъ мичманъ — что теперь намъ можно уже не уйти, а *уѣхать!*

«Вотъ какъ — присовокупила Марія съ чувствомъ, исполненнымъ глубокой вѣры — Богъ скоро награждаетъ наши добрыя дѣла! Если бы ты, Викторъ, не поспѣшилъ на помощь къ Евгенію Петровичу, то теперь должны бы мы были

идти пѣшкомъ, почти съ неизбѣжною опасностію: попасться въ руки нашего врага.

Распрощавшись наконецъ съ Хапиловымъ, надѣлившимъ Виктора и Ивашкина порохомъ, пулями и пищею, наши странники отправились далѣе. Марія сѣла вмѣстѣ съ Викторомъ.

XXVII.

ПОГИБЕЛЬ.

«Разскажите мнѣ, Аркадій Петровичъ, подробнѣе — сказалъ Викторъ, ѣдучи лѣсомъ, упиравшимся въ небо — куда вы намѣрены насъ провести? Тогда хоть вы мнѣ и разсказывали, но, признаюсь, бывъ въ сильномъ волненіи духа, я худо понялъ.»

— Вотъ видите: если ѣхать — отвѣчалъ Ивашкинъ — извѣстными дорогами, насъ тотчасъ догонятъ, а потому мнѣ и хочется проѣхать этими горами къ морю. Тамъ, насупротивъ *Топоркова* острова, въ страшной глуши и въ горахъ, живетъ мой старинный знакомый

Камчадалъ *Тоначъ*. Онъ давно сказывалъ мнѣ, что, недалеко отъ его жилья, на берегу моря, есть пещера, въ которой одинъ можетъ защищаться противъ цѣлой толпы, и которую, кромѣ его, никто не знаетъ. Я самъ хотѣлъ уйти туда, чтобы скрыться отъ злобы людей. О! этотъ міръ такъ суетенъ и такъ печаленъ въ глазахъ моихъ!...

Викторъ, не разспрашивая болѣе, совершенно предоставилъ свою судьбу своему опытному путеводителю. Много лѣсовъ и горъ переѣхали они. Ивашкинъ, знавшій совершенно сіи мѣста, умѣлъ выбирать для проѣзда дорогу, если не совсѣмъ удобную, по крайней мѣрѣ, не самую трудную. Объѣхавъ большой кругъ, къ вечеру въѣхали странники на вершину высокой горы, проходившей по берегу моря, откуда къ востоку раскрылся океанъ во всемъ своемъ безпредѣльномъ величіи, а къ западу раскинулись шатры высочайшихъ сопокъ. Ивашкинъ, окинувъ глазами сію великолѣпную картину, внимательно посмотрѣлъ на шатеръ *Авачинской*, изъ котораго густой, черный дымъ, выходя неизмѣримымъ столбомъ и упираясь въ небо, явственно означался на лазоревомъ грунтѣ заката.

«Что-то — сказалъ Ивашкинъ, покачавъ го-

ловой — этотъ дымъ больно черенъ и высокъ: это не предвѣщаетъ добраго!»

— Правда твоя, бачка!—сказалъ подошедшій къ нему, Камчадалъ, по обыкновенію своему не сдѣлавъ ни какого предварительнаго привѣтствія.

«Ба! это ты, Топачъ! Какъ ты сюда попалъ? А мы къ тебѣ ѣхали.»

— Хорошо, хорошо, бачка! Я радъ гостямъ, особенно старымъ пріятелямъ.

«А, вѣрно, самъ въ-гости собрался?»

— Нѣтъ, бачка! Я поѣхалъ промышлять тюленей, да вздумалъ взойти прежде посмотрѣть на горѣлую сопку: какова? Нынче, бачка, что-то *гамулы* сильно развозились. Вонъ оногдась такъ всколыхалось море, что мой товарищъ, *Брюнча*, и теперь ловитъ тюленей за хвостъ на днѣ, у *Измѣннаго камня*....

«Ну что же — спросилъ Ивашкинъ — какъ тебѣ кажется?

— Худо, бачка! Надобно пообождать здѣсь нѣсколько, а то, храни Богъ, волнами захлещетъ. Пойдти вытащить байдару на берегъ, да привязать покрѣпче.

«А это кто плыветъ? Еще три байдары.»

— А это, кажись, *Чакачъ* со своими дѣтьми! Вишь, бачка, и они тоже вытаскиваютъ бай-

дары на берегъ. Да, теперь на водѣ страшно! Только и здѣсь, бачка, нельзя оставаться.

«Отъ чего такъ?»

— А слышишь, какъ земля звѣнитъ подъ копытами лошадей? Тутъ, вѣрю, пустое мѣсто, и буде зашевелятся гамулы, то какъ разъ обрушится!

«Тоначъ замѣтилъ дѣльно! — сказалъ Ивашкинъ, обратившись къ мичману. — Камчадалы по духу знаютъ, гдѣ опасность. Поѣдемте далѣе, Викторъ Ивановичъ!»

— Отъ чего же эта пустота? — спросилъ Викторъ.

«Вы видите, что окружныя горы почти всѣ имѣютъ видъ огнедышущихъ: мудрено ли, что горнъ ихъ простирался и подъ этою горою. Такихъ мѣстъ, гдѣ примѣчается въ землѣ пустота, въ здѣшней странѣ весьма много.»

Съѣхавъ съ пустаго мѣста, странники сошли съ лошадей и опять обратили взоры на горѣлую сопку, изъ коей дымъ валилъ все гуще и гуще, разстилаясь черною полосою, по движенію вѣтра, и закрывая багровое солнце, какъ бы подернутое гнѣвомъ на вселенную. По мѣрѣ, какъ вечерѣлъ день, начинало показываться въ густотѣ дымнаго столба красное пламя, прорыв-

вавшееся змѣеобразными чертами. Но въ то самое время, какъ Викторъ и Ивашкинъ смотрѣли съ тайнымъ трепетомъ на сіе грозное предвѣстіе ужаснѣйшаго изъ явленій природы, Марія нечаянно встрѣтила глазами предметъ, еще болѣе поразившій ужасомъ ея сердце: въ концѣ долины изъ глубины лѣса выѣзжала толпа всадниковъ, кои, казалось, примѣтя на горѣ нашихъ бѣглецовъ, кинулись къ нимъ во весь скакъ.

«Викторъ! кто это?» — сказала Маріи, съ ужасомъ на лицѣ.

— Не знаю, моя милая! — отвѣчалъ мичманъ, также ужаснувшійся; — но если это и погоня, то еще мы постоимъ за себя: теперь у насъ есть по надежному товарищу (онъ потрясъ ружьемъ)!

«Да, это точно погоня! — подтвердилъ Ивашкинъ, молча всматривавшійся до того въ приближавшуюся толпу. — Я узнаю и начальника: вонъ, видите, порывается напередъ всѣхъ: видно, что адское нетерпѣніе пожигаетъ его душу!»

— Но кто жъ освободилъ его?

«Развѣ, думаете вы, что одинъ только Горбуновъ готовъ былъ искупить себѣ прощеніе цѣною измѣны? Онъ измѣнилъ товарищамъ: могъ измѣнить и другой!»

— Но не понимаю, какъ они могли напасть на нашъ слѣдъ?

«Весьма просто! Догадываетесь ли, кто трясется позади всѣхъ?»

— Кажется, это мерзавецъ Сумкинъ!

«Такъ теперь вы видите, что я не даромъ хотѣлъ его оставить на висѣлицѣ: если бы онъ висѣлъ на ней, то не показалъ бы дороги злодѣю!»

— Но какъ онъ могъ это сдѣлать?

«Ему стоило только указать первое мѣсто, гдѣ насъ увидѣлъ, а тутъ ужъ Камчадалы хоть кого выслѣдятъ!»

— Что жъ намъ дѣлать теперь?

«Надѣяться на Провидѣніе!» — отвѣчалъ старецъ съ спокойною важностію.

— Великій Боже! — воскликнула Марія, съ ужасомъ наблюдавшая надъ преслѣдователями — злодѣи уже поднимаются на гору!

«Спасетъ или нѣтъ насъ Провидѣніе, — сказалъ мичманъ въ нѣкоторомъ изступленіи — но злодѣй, насъ преслѣдующій, падетъ первый!

Положеніе сихъ несчастныхъ было самое безпомощное. Побѣгъ на сушѣ былъ невозможенъ; ибо дальнѣйшій путь по горѣ пересѣкался ужасными рытвинами, а падь была покрыта

тундрою: тутъ и тамъ можно было пробираться только самою тихою и осторожною ѣздою. Пуститься въ море, значило броситься на вѣрную смерть; потому что признаки близкаго землетрясенія, слишкомъ хорошо затверженные Камчадалами, были не подвержены сомнѣнію. Но между тѣмъ, какъ злополучные странники колебались въ выборѣ средствъ, толпа, преслѣдующая ихъ, поднялась на гору, и скакала вдоль по вершинѣ во всю прыть, предводительствуемая бѣшенымъ злодѣемъ. Мичманъ взвелъ курокъ, и не смотря на убѣжденія Маріи и увѣщанія Ивашкина, стоялъ съ поднятымъ ружьемъ, ожидая приближенія начальника. Увидѣвъ сіе грозное положеніе своего противника, злодѣй осадилъ вдругъ лошадь, саженяхъ въ двадцати отъ своихъ жертвъ, и также приложившись къ ружью, вскричалъ съ адскою яростію: «Сдайся, или смерть!»

— Смерть! — вскричалъ ужаснымъ голосомъ мичманъ, прицѣлясь въ изверга.

Оба они сдѣлали одинаковое движеніе, и оставалось одно мгновеніе, чтобы свершиться величайшему изъ преступленій. Марія была почти безъ чувствъ; Ивашкинъ смотрѣлъ съ ужасомъ, видя тщету своихъ словъ; толпа, окру-

жавшая злодѣя, также стояла въ изумленіи и бездѣйствіи, невольно сопровождающемъ единоборство. Наконецъ замки щелкнули, и что жъ? По странной игрѣ случая, или по волѣ высшаго Существа, взирающаго всегда отеческимъ окомъ на наши заблужденія — какъ бы то ни было, ружья обоихъ соперниковъ дали вспышку. Казалось, и бездушное вещество устрашилось ужаснаго дѣла, для котораго оно было избрано; но сердцу человѣческому, въ часъ ярости, нѣтъ ничего страшнаго! курки опять были взведены, опять насыпанъ порохъ на полку, опять ружья пришли въ убійственное направленіе; но уже сама природа возстала противъ нарушенія ея законовъ: ужасный, невообразимый ударъ пролетѣлъ подъ землею; гора дрогнула въ основаніи; все дышавшее на ней встрепетало. И во всеобщемъ коловоротѣ вселенныя человѣка ожидаетъ не болѣе, какъ та же смерть, которую онъ вкушаетъ иногда на мягкомъ и спокойномъ ложѣ; но не смотря на то, общее стятеніе, общій трепетъ природы, когда мнится, гнѣвъ Божій грядетъ на преступную обитель человѣка, и духъ ярости его сокрушаетъ грѣшную землю, — въ сіи минуты человѣкъ содрагается, трепещетъ, замираетъ несравненно сильнѣе, нежели

предъ самою кончиною въ обыкновенное теченіе міра: тогда какъ бы спадаетъ мгновенно съ глазъ его завѣса грѣха, сокрывающаго отъ него истинное его отношеніе къ Творцу, и величіе Всемогущаго, равно и ничтожество предъ Нимъ виновной твари, открывается во всей поразительной ясности. Вѣроятно, сіе самое дѣйствіе имѣлъ страшный глаголъ природы и на сражавшихся: оба они опустили ружья, и, казалось, забыли свою злобу; однако жъ едва установилась земля, какъ опять ненависть вспыхнула въ ихъ сердцахъ; опять ружья были направлены, и — вторичный сильнѣйшій ударъ, тряхнулъ гору съ непостижимою силою, мгновенно низвергнулъ ея вершину въ пустое нѣдро, и глубокая пропасть раздѣлила отца съ сыномъ, готовыхъ нанести взаимно по смертельному удару. Густое облако пыли задернуло обѣ стороны пропасти, и скрыло другъ отъ друга противниковъ. Между-тѣмъ удары увеличились, и когда вѣтеръ пронесъ пыль, предъ глазами бывшихъ на горѣ открылось зрѣлище вмѣстѣ страшное и великолѣпное. Возмущенный въ ложѣ своемъ океанъ, съ неизъяснимымъ ревомъ и шумомъ, то взбѣгалъ кипящими горами на сушу, то опять убѣгалъ на великое разстояніе отъ бе-

рега, и обнажалъ подводныя скалы, искони сокрытыя отъ пытливаго взора.

«Какое страшное зрѣлище! — говорилъ Ивашкинъ, глядя съ ужасомъ на возмущеніе океана. — Смотрите: вонъ *три брата* (*) едва теперь показываются изъ воды, а вѣдь они въ обыкновенное время саженъ на пятдесятъ выше моря.»

При новомъ ударѣ набѣжавшій на землю океанъ опять схлынулъ, и скрылся отъ взоровъ, снова обнаживъ подводные утесы; потомъ еще разъ тоже повторилось явленіе. Казалось, взбунтовавшаяся бездна хочетъ ниспровергнуть свои границы и залить навсегда возвышавшуюся надъ ней сушу.

Во все продолженіе этого страшнаго явленія, гора, на которой спасались отъ потопленія и гонимые и гонители, колыхалась какъ волна, наводя неизъяснимый ужасъ на сердце; вся окрестность была также въ грозномъ движеніи: горы и лѣса волновались какъ море, съ глухимъ необъятнымъ гуломъ, какъ паденіе многихъ рѣкъ. Нѣтъ словъ, нѣтъ кисти, чтобы живо представить эту картину. Вся природа, и океанъ, и земля были въ содроганіи, въ трепетѣ, въ ужасѣ:

(*) Скалы, высунувшіяся изъ воды.

это было, можетъ быть, хотя и слабое, но вѣрное подобіе того страшнаго дня, когда погаснетъ солнце, померкнетъ луна, спадутъ звѣзды съ неба и силы небесныя поколеблются.

Но скорѣе могла успокоиться вся необъятная природа, нежели утихнуть ненависть и буйная страсть въ сердцѣ злодѣя. Видя, что землетрясеніе кончилось, губитель опять началъ преслѣдованіе.

«Казаки! — закричалъ онъ — долой съ лошадей, обходи пропасть, лови мошенниковъ!»

— Попробуйте, злодѣи! — кричалъ отчаянный мичманъ: — каждый, кто отважится ступить на гору, заплатитъ за это жизнію!

«Послушайте, Викторъ Ивановичъ! — сказалъ Ивашкинъ, — вы видѣли, что самъ Богъ предохраняетъ васъ отъ преступленія: не искушайте болѣе Его благости!»

— Развѣ вы хотите опять отдаться въ руки злодѣя? Для чего же было и бѣжать намъ?

«Нѣтъ, я не хочу отдаться ему, но теперь есть средство спастись и безъ пролитія крови. Вы видите, что злодѣямъ не льзя иначе напасть на насъ, какъ только съ этой стороны, между тѣмъ, какъ мы тотчасъ можемъ достигнуть моря.»

— И чтожъ тогда?

«Возьмемъ байдары, и отдадимся на произволъ Бога: вы уже знаете, что Марья Алексѣевна умѣетъ ѣздить въ байдарахъ, да и мнѣ не учиться этому.»

— Ахъ, Викторъ! — вскричала Марія — не думай болѣе! рѣшайся: время дорого!

«Я на все готовъ, и думаю не о себѣ, а только о твоемъ спасеніи....»

— Если такъ: то пойдемъ скорѣе! пусть же поглотитъ насъ море; по крайней мѣрѣ мы умремъ вмѣстѣ!

«Шевелитесь проворнѣе; изверги! — раздался вдали дикой ревъ начальника. — Я васъ всѣхъ переморю въ тюрьмѣ, если упустите бунтовщиковъ!»

Но какъ ни ярился злодѣй, и какъ ни спѣшили его подчиненные, наши странники успѣли между тѣмъ достигнуть моря; ибо преслѣдователи не могли прямо сойти на берегъ, по причинѣ почти перпендикулярнаго отвала горы на большое разстояніе, и должны были прежде спуститься на противоположную сторону, и потомъ уже подняться на вершину, гдѣ спасались гонимые. Въ сіе время достигнувъ берега, Викторъ и Ивашкинъ проворно отвязали байдары,

о которыхъ нужно было Ивашкину сказать добрымъ Камчадаламъ, притомъ давнишнимъ его знакомымъ, только нѣсколько словъ, обѣщая въ послѣдствіи щедрое вознагражденіе и представя опасность своего положенія. Наконецъ байдары были спущены на море; бѣгущіе сѣли — Викторъ съ Маріею, Ивашкинъ одинъ; вѣтеръ дулъ съ берега; волны стремились въ море, и легкіе челноки помчались, какъ стрѣла, по пѣнившимся ихъ хребтамъ. Тогда прибѣжалъ на берегъ начальникъ. «Разбойники! злодѣи! — закричалъ онъ въ величайшемъ бѣшенствѣ на Камчадаловъ — какъ вы смѣли подать помощь бунтовщикамъ? Всѣхъ васъ перевѣшаю!»

Вслѣдъ за нимъ сбѣжались и казаки.

«Спехивайте байдары — вопилъ начальникъ — садитесь проворнѣе, гонитесь за мошенниками; ловите, стрѣляйте, если не остановятся; бейте ихъ, топите, губите разбойниковъ!»

Между-тѣмъ вѣтеръ, разыгрываясь болѣе и болѣе, подулъ съ ужасною силою. Валы заходили горами, и убѣгающіе челноки скрылись во глубинѣ.

— Ха, ха, ха! — раздался въ сіе мгновеніе дикой хохотъ на обвалившейся горѣ. Изумленная толпа взглянула наверхъ. Тамъ, на

высунувшемся изъ обвалу камнѣ, стояла цыганка, освѣщенная, какъ фурія, краснымъ пламенемъ гаснувшей зари, съ развѣвавшимися по вѣтру волосами. — Ха, ха, ха! — кричала она съ адскою радостію, указывая на исчезнувшіе челноки. — Поздравляю, злодѣй: ты погубилъ своего сына!

— Что ты вопишь, злодѣйка? — вскричалъ начальникъ, въ половину разслушавъ крикъ цыганки, мѣшавшійся съ шумомъ вѣтра.

«Поздравляю тебя, злодѣй, съ радостью: ты убилъ жену, а теперь погубилъ сына!»

— Замолчи, фурія, или я пришибу твой проклятый языкъ!

«Бей, но знай: это точно сынъ твой! вотъ тебѣ доказательство! (она бросила узелокъ). Тутъ его рубашка, въ которой я его украла у васъ; тутъ его крестъ, который ты надѣлъ на него, снявши съ себя; тутъ его ладонка, въ которой вложена записка собственной твоей руки о его рожденіи. . . .»

Начальникъ схватилъ узелокъ; съ нетерпѣніемъ разорвалъ ладонку, и съ ужасомъ прочиталъ свою записку.

— Злодѣйка! для чего ты не сказала мнѣ это прежде?

«Извергъ! ты погубилъ мою молодость, ты убилъ мою жизнь; я дала клятву отмстить тебѣ — и сдержала ее! теперь веселись, если можешь, сыноубійца? вонъ твой сынъ! вонъ погибаетъ въ волнахъ! вонъ челнокъ опрокинулся, и твой сынъ, борясь со смертію, проклинаетъ тебя, мучитель!»

— Фурія! замолчи! — возопилъ обезумѣвшій преступникъ, ударивъ ее изъ ружья.

Пуля просвистала мимо, а цыганка съ новою злостію начала мучить его своею адскою рѣчью; но онъ уже не могъ слушать ее: бурныя, тяжкія мысли потокомъ хлынули на его душу. «Друзья мои! — кричалъ онъ, не помня самъ себя — спасите меня отъ сыноубійства! Бѣгите, воротите его, возвратите мнѣ сына!» Въ это время бѣжавшіе челноки опять показались на поверхности валовъ, чуть, чуть чернѣясь въ отдаленности. «Онъ еще живъ! — завопилъ терзающійся грѣшникъ. — Онъ еще живъ! летите, воротите его! Горе мнѣ, если я погублю его!»

Нѣсколько казаковъ проворно сѣли въ оставшіяся байдары и бросились въ море, отважно презирая жизнію и только думая о томъ, какъ бы исполнить волю своего начальника, сколько

онъ ни былъ недостоинъ сего имени. Но чѣмъ они больше старались догнать бѣгущихъ, тѣмъ болѣе сіи послѣдніе употребляли усилій отъ нихъ удалиться. Буря и ночь наконецъ поглотила ихъ, и погибель несчастныхъ совершилась: посланные воротились съ этой вѣстію.

«Такъ онъ погибъ! — вскричалъ начальникъ, разодравъ на себѣ одежду. — Сынъ мой погибъ отъ руки моей!... И вонъ, вонъ въ облакахъ..., Видите ли?.... Это тѣнь жены моей!.... О какъ взоръ ея пробиваетъ мою душу и рветъ сердце!... Слышите ли, какъ хохочетъ адъ надо мною? (Въ это время былъ слышанъ хохотъ цыганки). Видите ли, какъ духи злобы стремятся на меня?.... О, скорѣе! разорвите на части мое тѣло!... Разступись земля, и сокрой меня отъ мученій!»

(Закалывается и упадаетъ.)

Лѣто смѣнилось зимою, зима лѣтомъ; опять наступила зима, и снова возвратилось лѣто. Боже мой! какъ удивителенъ, непостижимъ этотъ вѣчный, несовратимый ходъ природы, стирающій, какъ пыль, на пути своемъ жалкія поколѣнія людей. Въ теченіе вѣка измираетъ все жившее при началѣ его; и если иногда остаются на лицѣ всей земли два, три человѣка, перешагнувшіе за грань другаго столѣтія, то что̀ жизнь ихъ? неутолимая скорбь изгнанника, блуждающаго въ чуждой пустынѣ; безконечный ропотъ страдальца, горюющаго на развалинахъ роднаго пепелища! настоящее поколѣніе для нихъ чуждо: одинокая душа летитъ въ прошедшее; тщетно силится вызвать оттуда погибшіе лики, и, утомленная, жаждетъ успокоенія въ могилѣ. Да, столѣтіе для цѣлаго поколѣнія людей есть предѣлъ непреходимый, и — ужасная картина!

— все младое, все прекрасное, все милое, все дышавшее геройствомъ и славою, все блиставшее значіемъ и мудростію, все гордившееся блескомъ величія и могущества — всѣ, отъ царя до послѣдняго раба его, встрѣтившіе первый день столѣтія, лежатъ въ послѣдній распростертые въ гробахъ, преданные смерти и тлѣнію! Такова судьба цѣлыхъ поколѣній; а чтобы измѣниться одному человѣку — много ли надобно? и между тѣмъ природа течетъ безмолвно и несовратимо, совершая свои роковыя круговращенія!

Такимъ образомъ въ два года, протекшіе со времени происшествій, нами описанныхъ, съ лицами, дѣйствующими въ нашей повѣсти, случилось весьма многое. Самая смерть не забыла собрать своей дани.

Три новые креста чернѣлись близъ одинокаго дерева, осѣнявшаго славную могилу *Клерка* (*). Надъ однимъ изъ сихъ памятниковъ, рано поутру, въ ясный лѣтній день, стоялъ человѣкъ довольно высокаго роста, кроткой и важной физіономіи, погруженный въ глубокую думу. «Бѣдная Ольга! — сказалъ онъ наконецъ,

(*) Сопутникъ Кука.

тяжело вздохнувши — когда я смотрѣлъ на тебя во дни юности, въ то время, когда ты, исполненная жизни, была и мила и прекрасна, могъ ли я тогда думать, могла ли вкрасться въ умъ мой эта страшная мысль, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ — и я буду попирать твой прахъ, заброшенный въ дикую пустыню? .... Вотъ что сдѣлали съ нами люди!»

Незнакомецъ снова умолкъ. Казалось, думы его становились мрачнѣе и мрачнѣе: ибо черты лица его, постепенно измѣняясь, приняли выраженіе величайшей скорби. По нѣкоторымъ, отъ времени до времени вырывавшимся словамъ, можно было заключить, что сердце его было исполнено страшнаго ожесточенія противъ людей; но, не смотря на сіе, это былъ человѣкъ самый расположенный ко благу другихъ; свойство, давно подмѣченное въ такъ называемыхъ мизантропахъ. Ревизуя Камчатку (нужно ли объяснять, что это былъ ожиданный ревизоръ?), онъ не старался отличиться предъ начальствомъ преувеличеніемъ своихъ изысканій въ открытіи злоупотребленій; но, напротивъ, стараясь смягчить преступленія виновныхъ, поставилъ начальство на настоящую точку зрѣнія, съ которой надлежало ихъ разсматривать, какъ слѣдствіе

невѣжества и превратныхъ понятій. Дѣло Тенявы было главное, на которое ревизоръ обратилъ свое вниманіе. Признаніе Сумкина, показанія казаковъ, слышавшихъ покаяніе фельдшера, отзывы приказныхъ, бывшихъ свидѣтелями раскаянія дьячка, наконецъ, удостовѣреніе Хапилова — были достаточнымъ основаніемъ къ оправданію мичмана и протопопа. Слѣдствіе было представлено въ Иркутскъ, а до разсмотрѣнія онаго и до пріѣзда новаго начальника, ревизоръ долженъ былъ управлять Камчаткою. Время управленія его было общимъ праздникомъ сей страны. Наконецъ насталъ день его отъѣзда, и, посѣщая часто драгоцѣнную для него могилу, онъ пришелъ пролить на нее послѣднія слезы, и сказать незабвенному праху вѣчное прости. Размышленія его были прерваны приближеніемъ Хапилова.

— Василій Михайловичъ! — сказалъ сей послѣдній, придя нарочно для того, чтобы помѣшать мрачной меланхоліи ревизора, любившаго часто предаваться мечтанію и тоскѣ, разрушавшей видимо его слабое здоровье — Василій Михайловичъ! начинается вѣтеръ съ земли, и капитанъ спѣшитъ отправляться. . . .

«Это вы, Евгеній Петровичъ! — отвѣчалъ

ревизоръ, какъ бы проснувшись отъ усыпленія. — А я замечтался здѣсь: прошедшее такъ столпилось къ душѣ, и всѣ минувшія огорченія такъ живо представились уму надъ этою могилою!«

— Что дѣлать? горесть есть общій жребій людей!

«Меня терзаетъ не моя часть: о прошедшемъ бѣдствіи уже сѣтовать нечего, но та мысль, что люди, долженствующіе быть агнцами, обратились въ тигровъ! Вотъ, передъ нашими глазами, чья могила? адскій духъ, получившій власть надъ подобными себѣ, могъ ли бы управлять съ большею лютостію?»

— Но и злые необходимы въ мірѣ: если бы не было ихъ, мы не знали цѣны добродѣтельнымъ; если бы не было Антона Григорьевича, Камчатка не могла бы чувствовать въ полной мѣрѣ выгодъ добрато управленія, какими пользовалась она во время пребыванія вашего. . .

«Я исполнялъ свой долгъ — и объ этомъ ни слова! но не лучше ли было бы, если бы всѣ начальники думали только о выполненіи своихъ обязанностей, о благѣ страны, ввѣренной имъ отъ престола. . .?»

— Василій Михайловичъ! вамъ извѣстно:

я много терпѣлъ отъ Антона Григорьевича, и безукоризненно могу говорить объ немъ все; но я долженъ сказать, что и во время его управленія много было сдѣлано полезнаго: города получили лучшее наружное устройство; исправлены дороги, и тамъ, гдѣ вовсе не возможно было проѣзжать, проложены пути весьма удобные; въ присутственныхъ мѣстахъ водворена чистота, порядокъ, устройство....

«Я не охуждаю этого: это прекрасно и необходимо; но главнѣйшее дѣло всякаго начальника: благо народа, облегченіе его нуждъ, призрѣніе сиротъ, защита невинному и наказаніе виновному: вообще — кротость, снисходительность, человѣколюбіе, правосудіе....»

— Но чтобы все это выполнить, и не падать — надобно много имѣть силы въ душѣ!

«Антонъ Григорьевичъ имѣлъ ее довольно: но, къ несчастію, онъ обратилъ ее не на добро. Человѣкъ злой и глупый еще не опасенъ: онъ легко падаетъ самъ въ яму, приготовляемую для другихъ; но умный и злой!... О какъ трудно избирать людей для управленія вдали отъ правительственнаго взора!

«Но теперь жребій Камчатки, слава Богу! перемѣнился: нынѣшній начальникъ, какъ ка-

жется, человѣкъ умый и добродѣтельный....»

— Да, правительство, бдительно заботящееся о благѣ здѣшней страны, нарочно избрало его, дабы залечить прежнія раны: онъ давно извѣстенъ своею справедливостію, умомъ и усердіемъ....

«Жаль, что глаза мои не увидятъ уже благоденствія моей родины!»

— Не жалѣйте: наше отечество вся Россія, и благоденствіе самой отдаленнѣйшей отъ Камчатки области должно васъ столько же занимать, какъ и родины! Въ Иркутскѣ вамъ принадлежитъ лучшее поприще, и съ вашимъ умомъ и честностію, я надѣюсь, вы проложите себѣ прекрасную дорогу.... Однако жъ мы заговорились; вѣтеръ крѣпчаетъ, и въ самомъ дѣлѣ намъ пора отправляться.... Что же наши спутники? Ивашкинъ не ѣдетъ?

«Нѣтъ! онъ ужъ свыкся съ Камчаткою, и не хочетъ ее оставить. Въ первыя минуты, говорятъ, по объявленіи ему прощенія, онъ порывался было мыслями на родину; но потомъ сказалъ самъ себѣ: «что я мыслю, безумный? для чего мнѣ возвращаться туда? чтобы видѣть могилы моихъ друзей и родныхъ? печальное утѣшеніе! нѣтъ, время уже прошло, и теперь,

гдѣ ни лягутъ мои кости, все равно!» Послѣ этого онъ твердо рѣшился остаться здѣсь, и отвергнулъ всѣ убѣжденія Виктора Ивановича и Марьи Алексѣевны.

— А правда ли, что они берутъ съ собою безумнаго дьячка?

«Они это дѣлаютъ изъ сожалѣнія къ нему. Когда онъ былъ не въ своемъ умѣ, и тогда былъ человѣкъ совершенно пропащій, а теперь, помѣшавшись, долженъ здѣсь погибнуть съ голода...»

— Вотъ слѣдствіе пустаго мудрованія! толкуя о вещахъ, непостижимыхъ для разума, человѣкъ можетъ попасть только на двѣ дороги: или сойти съ ума, какъ Шайдуровъ; или подвергнуть сомнѣнію и попрать все священное... О какое было бы счастіе, если бы наше отечество, принимая просвѣщеніе отъ запада, могло отдѣлять для себя одно только полезное и не допускать на русскую землю этого проклятаго вольнодумства!

«По моему мнѣнію: вольнодумство есть то же, что злодѣяніе....»

— И одно изъ величайшихъ! грабитель, разбойникъ, убійца наноситъ вредъ частный, причиняетъ зло одному или только нѣсколькимъ лицамъ, а вольнодумецъ, подкапывая основаніе

вѣры и престола, погубляетъ цѣлое царство. И между-тѣмъ....

«Часто наслаждается и славою, и честію, всѣми выгодами жизни, какъ, напримѣръ, какой нибудь Вольтеръ?....

— А разбойникъ, бѣжитъ въ лѣса, и влача жизнь въ нищетѣ, въ бѣдствіи, въ страхѣ, погибаетъ, наконецъ, на эшафотѣ, или гибнетъ безъ вѣсти, подобно цыганкѣ!

Въ сіе время показались вдали Викторъ и Марія, шедшіе также на кладбище. На лицахъ ихъ была написана печаль, но не скорбь: ибо жребій ихъ перемѣнился, а къ утратѣ, понесенной ими, сердца ихъ уже начали привыкать. Мичманъ остановился при могилахъ отца и матери; Марія подошла къ третьей; тутъ лежалъ ея дѣдъ.

— Марія! — сказалъ Мичманъ, смотря на лившіяся изъ глазъ ея слезы — ты оплакиваешь того, кто провелъ жизнь добродѣтельно; умеръ, какъ христіанинъ на рукахъ твоихъ, и кого въ вѣчности ожидаетъ блаженство праведныхъ, а я?... Вообрази, какъ должно раздираться мое сердце, когда я смотрю на эту могилу!.... О Боже мой! это былъ мой отецъ, несчастный отецъ.... убійца моей матери!

«Викторъ! Божіе милосердіе неизмѣримо: ты знаешь, что разбойникъ, умершій на крестѣ...»

Викторъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ не плакалъ; но сердце его было стѣснено ужасно.

— Успокойся, Викторъ: если нашъ отецъ былъ болѣе виновенъ передъ кѣмъ, то предъ нашею матерью, а этотъ ангелъ, вѣрно, простилъ его, и, можетъ быть, у престола Всевышняго молитъ самъ о спасеніи его души....

«О другъ мой! — воскликнулъ мичманъ, прижавъ Марію къ своей груди — какъ ты умѣешь облегчать мое сердце!... Да, мать моя была ангелъ на земли, и она точно простила ему.... Прости, прости ему — повторялъ Викторъ, залившись слезами и ставъ на колѣна надъ могилою начальницы — прости ему, о небесный духъ моей матери!»

Раздался пушечный выстрѣлъ: это былъ сигналъ съ корабля, готовящагося къ выходу изъ гавани. Мичманъ отеръ слезы, и поднявъ руки къ небу, сказалъ съ глубочайшимъ чувствомъ: «Тамъ увидимся!»

Въ сіе время ревизоръ и Хапиловъ, скрывшіеся за деревьями, дабы не мѣшать вліянію чувствованій Виктора и Маріи, услышавъ вы-

стрѣлъ, также вышли изъ лѣсу и вмѣстѣ съ ними пошли къ гавани. На берегу стоялъ Ивашкинъ, съ глубокою печалію смотря на приготовляющійся корабль. Мичманъ и Марія кинулись въ его объятія, и залились слезами. Старикъ самъ плакалъ, какъ ребенокъ, но былъ непреклоненъ къ ихъ убѣжденіямъ.

«Аркадій Петровичъ! — говорилъ мичманъ— мы вамъ всѣмъ обязаны: вы освободили насъ изъ темницы, дали средство спастись отъ гоненій и были нашимъ ангеломъ - хранителемъ во все время нашего странствованія: безъ вашей опытной помощи, безъ вашего знакомства съ дикими обитателями Анадыра, занесенные бурею на его безплодный и дикой берегъ, какъ бы мы могли спастись отъ неизбѣжной гибели? словомъ, наша жизнь, наше счастіе — все ваше, и чѣмъ же мы вознаградимъ васъ за это? Убѣдитесь нашими слезами! вы заступите намъ мѣсто нашихъ родителей; мы употребимъ всѣ усилія, всѣ средства, все достояніе, чтобы успокоить вашу старость, чтобы усладить послѣдніе дни вашей жизни....»

«Согласитесь — присовокупила Марія, почти рыдая — пожалуйста согласитесь, Аркадій

Петровичъ! у васъ здѣсь нѣтъ никого: мы за мѣнимъ вамъ родныхъ, друзей; мы будемъ вашими дѣтьми, самыми нѣжными дѣтьми....»

— Полноте, перестаньте дѣти мои! — говорилъ старикъ, задыхаясь отъ слезъ. — Ѣхать съ вами мнѣ уже не льзя: эта пора прошла давно, и темница моя сроднилась со мною; и такъ не отягчайте моей разлуки съ вами: вы видите я самъ плачу, какъ дитя!

Еще раздался сигналъ съ корабля. Иванкинъ вырвался изъ объятій Виктора и Маріи, и пошелъ скорыми шагами по берегу, съ намѣреніемъ взобраться на прибрежный холмъ, съ восточной стороны. Между-тѣмъ корабль, распустивъ паруса выступилъ изъ Петропавловской гавани, и разсѣкая волны, быстро понесся по протяженію губы Авачинской. Викторъ и Марія, стоя на палубѣ не сводили глазъ съ роковаго холма, гдѣ стоялъ старецъ, подпершійся на посохъ и освѣщенный утреннимъ солнцемъ. Нѣсколько разъ они махали платкомъ; старикъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы. Но холмъ все болѣе и болѣе тонулъ въ отдаленности, фигура стоявшаго на немъ человѣка, теряясь постепенно, едва уже сохраняла свое очертаніе; потомъ слилась въ одну черную точку; нако-

нецъ совершенно смѣшалась съ синевою воздуха; и — исчезла навсегда! Не такъ ли исчезаетъ и память людей въ глубинѣ времени?

Изъ библіотеки К. Я. Голенбовскаго

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

		Стр.
XXIII.	Покаяніе	1
XXIV.	Примиреніе	20
XXV.	Вѣнчаніе	35
XXVI.	Побѣгъ	51
XXVII.	Погибель	68
Заключеніе		84

См. Отеч. Зап. 1843 № 1 отд.
VI стр. 17.